

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общей психологии и психологии развития

К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина

ПСИХОЛОГИЯ НЕГАТИВНЫХ ЗАВИСИМОСТЕЙ

*Рекомендовано Советом по психологии УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших
учебных заведений, обучающихся по направлению
и специальностям психологии*

Самара
Издательство «Универс групп»
2006

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 159

ББК 88.8

Л 63

Рецензенты

заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор

Е.Н. Богданов

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии Самарского государственного университета

С.В. Березин

Редактор

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Самарского государственного университета

Н.Ю. Самыкина

Лисецкий, К.С., Литягина Е.В.

Л 63 Психология негативных зависимостей [Текст] / К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2006. – 251 с.

ISBN 5-467-00103-5

Данная работа представляет собрание новейших идей в области профилактики наркомании и других видов негативной зависимости. Может быть использована в качестве учебного пособия для студентов-психологов и социальных педагогов, а также студентов, изучающих дисциплину «Профилактика негативных зависимостей»; представляет интерес для специалистов, осуществляющих профилактику (руководителям образовательных учреждений, работников социально-психологических центров «Семья» и всех воспитывающих взрослых).

УДК 159

ББК 88.8

Перепечатка материала допускается только со ссылкой на данное издание.

ISBN 5-467-00103-5

© Лисецкий К.С., Литягина Е.В., 2006

© Самарский государственный университет, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Аддиктивное поведение в старшем подростковом возрасте	11
§1. Воспитывающие, воспитываемые и... девиантность.....	11
§2. Понятие и основные виды аддиктивного поведения	18
§3. Психологические теории возникновения зависимости	28
§4. Анализ подходов и программ профилактики подростковых аддикций. Понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни»	51
§ 5. Ролевое и личностное взросление.....	70
§ 6. Мультипричинность возникновения зависимого поведения	73
§7. Психологические задачи взросления.....	89
Выводы по главе I	113
Глава II. Исследования аддиктивного поведения личности в период взросления	118
§1. Психосемантическое исследование особенностей сознания наркозависимых.....	118
§2. Исследование ведущих ценностей периода взросления	139
Выводы по главе II	151
Глава III. Психология наркотизации личности	153
§ 1. Личность как само - чувство.....	153
§ 2. Взаимосвязь действия и чувствования	160
§ 3. Психомеханика зависимости.....	172
§ 4. Наркотическая зависимость в понятиях общей психологии	177
§ 5. Наркотическая личность.....	183
§ 6. Телесность в структуре личности	187
§ 7. Телесная принадлежность к «сверхчувственной» жизни	193
§ 8. Взросление – награда за субъектность	197

§ 9. Самопонимание как неопровержимое присутствие человека в мире	205
§ 10. Беспроегрывная лотерея самоутраты.....	213
Заключение	220
Список литературы.....	234

ВВЕДЕНИЕ

С конца прошлого века в России активно стала развиваться область психолого-педагогических, медицинских исследований, направленных на изучение возникновения, развития и последствий употребления подростками и молодежью психоактивных веществ. Выделилось несколько основных направлений исследований. Так, в работах В.В. Гульдана, В.Ю. Завьялова и др. рассматриваются факторы, условия, причины употребления психоактивных веществ. Исследования С.В. Березина, Е.А. Назарова, В.Е. Рожновой, Т.Н. Рыбаковой, О.В. Шапатиной и др. направлены на изучение роли семьи в возникновении зависимого поведения. В исследованиях В.С. Битенского, П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко, И.П. Пятницкой, Б.Г. Херсонского и др. описывается преморбидная структура личности. В то же время в работах С.В. Березина, В. Дайка, Р. Крэйга, К.С. Лисецкого, И.П. Пятницкой показано, что преднаркотической личности не существует.

Экспериментально выделяется ряд общих черт, свойственных людям, употребляющим наркотики и алкоголь: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая стрессоустойчивость к внешним и внутренним факторам; неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость; неумение найти выход из трудной ситуации. Однако, перечисленные черты могут быть приобретенными в процессе наркотизации свойствами личности и не быть представленными в донаркотический период ее жизни. Также эти черты могут быть характерны для множества людей, не имеющих никакого отношения к наркотикам. Как отмечают С.В. Березин, К.С. Лисецкий, эти черты свойственны также людям с нарушенной социальной адаптацией и подросткам без признаков аддикции. Значимость рассматриваемой проблемы обусловила разработку множества программ профилактики аддиктивного поведения среди подростков и молодежи.

Огромное количество программ профилактики ориентировалось на формирование ценностей здорового образа жизни, однако, результаты проведенных нами исследований показали ошибочность и противоречивость представлений взрослых о таких понятиях, как «здоровье» и «здоровый образ жизни» в подростковой среде. Изучение сознания наркозависимых подростков и подростков, не употребляющих психоактивные вещества, прояснило причины низкой результативности используемых сегодня в системе образования и здравоохранения профилактических программ. Дело в том, что подходы к решению столь сложной и масштабной проблемы как наркомания могут быть только системными, а критерии эффективности – только конкретными.

1. Необходимо проанализировать и понять концептуальные противоречия в подходах к построению программ противодействия наркомании. Противоречия, которые обесценивают действия и специалистов, и общественности.

2. Межведомственное взаимодействие будет декларативным до тех пор, пока не будет обозначен законодательно надведомственный субъект, располагающий достоверной информацией, доверием общества и необходимыми полномочиями.

3. При осознании очевидной целесообразности превентивных, профилактических мер предупреждения подростковой и юношеской наркомании сохраняются предпочтения сверхзатратных и малорезультативных подходов к лечению последствий наркотической контаминации, тогда как ограниченность бюджетных средств исключает расходование их без четких критериев и анализа результативности.

4. Необходимость подготовки квалифицированных специалистов по профилактике негативных зависимостей не отменяет выбор для такой подготовки старых форм, ориентиров, учреждений. Ориентиры исключительно на новые формы работы приводят к неоправданно торопливому финансированию экспериментальных моде-

лей, направлений и программ. Непонятно, кому выгодно выбирать и финансировать пилотажные проекты, многие из которых заведомо не оправдывают себя?

5. Требования ужесточения наказания для наркоторговцев «затмевают» проблему подростковой токсикомании. Клей «Момент» не является запрещенным продуктом, его можно купить в любом хозяйственном киоске. Однако те, кто его «нюхает», неотвратимо пополняют контингент будущих наркоманов и малолетних правонарушителей.

6. Экономика наркобизнеса – экономика, вывернутая наизнанку. Предложение рождает спрос, а не наоборот. Возможность доставать наркотики становится условием возникновения наркомании. Наркоманы, лишённые наркотиков, выздоравливают, несмотря на утверждение врачей о неизлечимости болезни.

7. Психологи преувеличивают, утверждая, что наркоманами становятся от «несчастной любви» или в результате воспитания в малообеспеченной семье. Наркотики одинаково «демократичны» в отношении дочери банкира и сына санитарки.

8. Наркология криминализируется. Чем дороже лечение, тем невыгоднее полное выздоровление. Принцип «чем больше больных, тем выгоднее врачам» – недопустим даже в условиях рынка.

9. поголовное тестирование подростков затратно и бесполезно. Наркоманы, имеющие минимальный опыт, знают множество способов, как обмануть тесты. Срок чувствительности теста чрезвычайно ограничен. Кроме того, отсутствует налаженная система работы с подростками, выявленными с помощью тестов. Взрослые заблуждаются или делают вид, что такая система есть. Достаточно выявить потребителя наркотиков, и все проблемы будут решены. Однако, на практике этого оказывается не достаточно. Сначала такую систему нужно выстроить, а уже после – проводить диагностику.

10. В образовательных учреждениях (школах, ПТУ, лицеях) профилактические мероприятия могут осуществляться на самом

деле лишь в отношении детей, не имеющих отношения к «группе риска», тогда как подростки «группы риска» по определению трудно доступны со стороны школьной профилактической системы. Модель школьной профилактики наркомании и наркотизма в том виде, в котором она создается, весьма затратна и по существу мало-результативна. Чтобы вносить изменения в сложившуюся ситуацию, в ней необходимо разобраться.

Наркомания, в широком смысле, – это проблема не только тех, кто употребляет или продает наркотики. Наркомания – это проблема личного выбора каждого человека. Выбора: принимать или не принимать наркотик. Но такие решения могут приниматься подростком только лично, субъектно, только на основе доверия к себе и динамически устойчивой «Я-концепции». Посредничество, чужой опыт, предписания и советы даже самых близких людей, как правило, не являются определяющими в этом решении. Выбор подростка в ситуации неопределенности и риска направляет не только его сознание, но и чувственно-телесные «здесь-и-сейчас» переживания происходящего. Воспитывающие взрослые чаще всего забывают именно об этом, негодуя на противоположный своим воспитательным воздействиям результат.

Подросток в период взросления сталкивается с собственными психологическими задачами, нерешенность которых искажает развитие личности на последующих возрастных этапах. Идея рассматривать период взросления как процесс решения возникающих в ходе развития личности проблем («возрастных задач развития») обсуждалась уже в начале XX века Е. Шпрангером (1926), Р. Хавигхерстом (1948), В. Штерном, К. Гаррисоном (1975), Х. Ремшмидтом (1979), Э. Эриксоном и др. В нашей стране эта тема обсуждалась в работах М.Р. Гинзбурга, И.С. Кона, В.С. Мухиной, Д.И. Фельдштейна и др. Сравнительно недавно появились исследования, в которых организация профилактики наркомании рассматривается с точки зрения

содействия подросткам в решении их задач взросления, развития субъектности личности (С.В. Березин, К.С. Лисецкий).

Задачи развития личности традиционно связывают с нормами и своеобразными эталонами, которым подросток должен соответствовать. Это могут быть требования общества, взрослых, подростковой субкультуры, а также требования, предъявляемые подростком самому себе. Однако, задачи взросления имеют свою специфику. Они схожи, но не тождественны задачам развития личности. Их принципиальное отличие заключается в том, что задача взросления не всегда имеет образец решения, а условием ее выполнения являются неопределенность и рискованный выбор в ситуации противоборствующих мотивов и ценностей личности. Главное, как подросток решает свои задачи взросления, как решение переживается в чувственно-телесной и когнитивной сферах его личности, как отражается в онтологической структуре его жизни.

В данном пособии предлагается новая модель предупреждения аддиктивного поведения у старшеклассников, разработанная на основе онтосубъектного подхода к развитию личности. Содействие в решении личностно-психологических задач взросления и развитие устремлений в старшем подростковом возрасте позволяют воспитывающим взрослым выстраивать с воспитанниками продуктивные взаимоотношения.

Методические рекомендации, изложенные в данной работе, направлены на то, чтобы подготовить студентов, педагогов, психологов, социальных работников и др. – к профилактике наркомании, к работе с подростками и старшеклассниками и их ближайшим взрослым окружением.

Авторы выражают глубокую признательность за помощь в подготовке пособия кандидату психологических наук, старшему научному сотруднику лаборатории психосемантики Московского государственного университета Ольге Валентиновне Митиной, за поддержку и сотрудничество в процессе разработки программы про-

филактики аддиктивного поведения – кандидату психологических наук, доценту, заведующему кафедрой социальной психологии Самарского государственного университета Сергею Викторовичу Березину, кандидату психологических наук, старшему преподавателю кафедры социальной психологии Самарского государственного университета Наталье Юрьевне Самыкиной, кандидату педагогических наук Ирине Станиславовне Пилипец. Выражаем благодарность ректору Самарского государственного университета профессору Геннадию Петровичу Яровому за поддержку наших научных исследований, Администрации городского округа Самара и Администрации Самарской области за многолетнее плодотворное сотрудничество, а также студентам психологического факультета за практическое участие в работе с подростками и молодежью.

ГЛАВА I. АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

§1. Воспитывающие, воспитываемые и... девиантность

Быть нормальным в период отрочества – само по себе ненормально.

Анна Фрейд

«Вечный» парадокс воспитания, который не могут понять воспитатели всего мира: почему в одинаковых условиях результат педагогического воздействия бывает противоположным? Подростки, которые стараются оправдать ожидания воспитывающих взрослых, в дальнейшей жизни оказываются неэффективными, тогда как некоторые из тех, что нарушали многие требования взрослых и не очень-то стремились соответствовать ожиданиям своих воспитателей, в дальнейшем превосходят этих воспитателей в психологической зрелости и эффективности взрослой жизни? Педагогика до сих пор не дала ответа на это вопрос.

Сегодня все более востребованными качествами личности являются активность, способность к опережающему обучению. Послушность и ответственность перестали быть синонимами, а субъектность и самостоятельность больше не тождественны недисциплинированности.

Поставив цель воспитать личность, взрослые порой уже не обращают внимание на то, являются ли личностями они сами. Некоторые родители не могут воспитать зрелую личность, потому что сами психологически остаются инфантильными. Ребенок – не маленький взрослый. В личности ребенка некоторые свойства, желаемые для взрослых, просто отсутствуют. К.Г. Юнг считает, что вообще не стоит применять к детям идеал воспитанной личности, т.е. определенной, способной к сопротивлению и наделенной силой душевной целостности, потому что это есть идеал взрослого [Юнг,

1995]. Он указывает, что воспитательные системы, говоря о ребенке, видимо, ориентируются на ребенка во взрослом.

Личность включает в себя три свойства: определенность, целостность и уровень зрелости, которых не может быть у детей, иначе они были бы лишены детства. Взрослый старается исправить в ребенке те ошибки, которые сам еще продолжает совершать. Часто на этом пути взрослого постигает неудача, потому что ребенок четко видит несоответствие требований взрослого и его реального поведения. Взрослые навязывают детям то, что считают «лучшим», хотя в действительности это «лучшее» может быть выражением собственных нереализованных желаний и притязаний. Взрослый ждет от ребенка достижения «лучшего», в реальности не переживая и четко не представляя, что же такое это «лучшее». В результате ребенок находится в системе двойной неопределенности: неопределенности извне, которая связана с нечеткими и противоречивыми воспитательными мерами взрослого и внутренней неопределенности, источником которой является собственный внутренний мир.

Существуют различные точки зрения и теории, описывающие особенности подросткового возраста. Многие исследователи рассматривают подростковый возраст как фактор риска для развития девиантного поведения, одной из форм которого является экспериментирование с психоактивными веществами. Основание такого подхода лежит в психологических особенностях подросткового возраста, который считается кризисным в отношении всех аспектов взросления: биологического, психологического, психосоциального. Глобальной характеристикой подросткового возраста, согласно этому подходу, является *амбивалентность* [Ст. Холл, 1904; Э. Шпрангер, 1924; К. Левин, 1960; Э. Эриксон, 1967; Ж. Пиаже, 1967; А.Е. Личко, 1985; И.С. Кон, 1989; А.А. Реан, 2000 и др.]. Физиологическое развитие организма вынуждает подростка психологически приспособляться не только к телесным изменениям (рост, пропорции, наружные признаки полового созревания, функциональные и морфологические изменения

различных систем и органов), но и к динамике отношений в референтной группе сверстников, изменениям в статусно-ролевых позициях.

Старшие подростки стремятся к самостоятельности и независимости, прежде всего – от родителей и воспитывающих взрослых. Происходит дифференциация способностей, интересов, вырабатывается мировоззрение, определяется психосексуальная ориентация. Однако целеустремленность и настойчивость в этот период сочетаются с импульсивностью и неустойчивостью; чрезмерная самоуверенность и категоричность – с чувствительностью и неуверенностью в своих силах; стремление к широким социальным контактам с желанием быть в одиночестве; бесцеремонность – со стеснительностью; романтизм – с прагматизмом и цинизмом; потребность в нежности – с садизмом [Крайг, 2000].

Существует ряд общих черт, свойственных подросткам, людям с нарушенной социальной адаптацией и людям, употребляющим наркотики и алкоголь: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая стрессоустойчивость к внешним и внутренним факторам; неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость; неумение найти выход из трудной ситуации [Березин, Лисецкий, 1998, 2001а].

Естественные особенности развития подростков в период взросления, прежде всего противоречивость, расцениваются взрослыми как личностные нарушения. При таком подходе неудивительно, что учащиеся подросткового возраста, как правило, пополняют категорию «детей группы риска».

В педагогической и социально-психологической практике к «группе риска» принято относить детей с отклоняющимся поведением. На сегодняшний день однозначное толкование термина «дети группы риска» отсутствует, однако, по данным Ю.Е. Егошкина, к этой категории можно отнести: детей с чертами невротизации; детей с психосоматическими заболеваниями, в частности, лого-неврозами; акцентуированных и психопатизированных детей; де-

тей из неблагополучных в социальном отношении семей; детей из экологически неблагополучных зон [Егошкин, 2002].

Это далеко не полный перечень категорий нарушений поведения, особенностей социума и личностных особенностей, по которым детей причисляют к «группе риска». По данным Г.Ф. Кумариной (1996), например, к числу таких детей относится каждый пятый ребенок [Егошкин, 2002; Фельдшейн, 1994].

Однако, к отклонениям в развитии скорее приводит противоречивость как психологическая основа подросткового возраста, а не то, что подросток не выполняет односторонние требования взрослых, после чего его причисляют к категории детей «группы риска».

Дети «группы риска» характеризуются той или иной степенью социально-психической дезадаптации (от незначительных нарушений адаптации до полной дезадаптированности личности). По мнению А.А. Налчаджяна, социально-психическая дезадаптация личности выражается, с одной стороны, в неспособности ее адаптации к собственным потребностям и притязаниям, с другой стороны, личность, частично или полностью дезадаптированная, не в состоянии выполнять требования и ожидания социального окружения и соответствовать собственной социальной роли. Одним из признаков социально-психической дезадаптации он называет длительное переживание личностью «внутренних и внешних конфликтов без нахождения психических механизмов и форм поведения, необходимых для их разрешения» [Налчаджян, 1988; С. 21].

С точки зрения взрослого, социально-психологическая дезадаптация проявляется в негативизме и постоянных конфликтах, в частности, межличностных. Послушный ребенок, соблюдающий требования и соответствующий ожиданиям, с меньшей вероятностью будет отнесен к категории детей «группы риска», чем непослушный ребенок. С другой стороны, чтобы быть адаптивной, личность вынуждена проявлять неадаптивную активность, выходить за рамки заданной ситуации, иногда, нарушая границы дозволенного

взрослыми поведения. Послушный ребенок будет адаптирован к той среде, которую построили ему взрослые в том смысле, что будет жить по правилам предложенного мира. На самом деле степень адаптивности непослушного ребенка может быть значительно выше. Преодолевая запреты и нарушая требования, такой ребенок обретает навыки жизни в реальном, а не искусственно созданном и искаженном взрослыми мире.

С проблемой социально-психологической дезадаптации тесно связана проблема социализации личности. Проявления адаптивной активности связаны с любой проблемной ситуацией, в том числе и с переживанием конфликтов (внешних или внутренних), поэтому каждый человек может испытать частичную дезадаптированность. Однако, это состояние можно скорее охарактеризовать как ситуационную дезадаптированность, которая не изменяет степень социализированности личности. По мнению О.И. Зотовой, И.К. Кряшевой, личность может быть социализированной, но дезадаптированной [Дабагян, 1990; Налчаджян, 1988]. Социально-психологическая адаптация рассматривается этими авторами как один из путей более полной социализации.

А.А. Налчаджян, напротив, считает, что дезадаптированность человека может быть прямым следствием высокой степени социализированности. Под адаптированностью личности в группе понимается «такое ее состояние, которое позволяет ей без длительных конфликтов и фрустраций с возможной полнотой проявлять свои творческие, конструктивные возможности, переживать состояния самоутверждения и собственной ценности, значительности» [Налчаджян, 1988; С. 32].

Личность одновременно является членом нескольких групп, в некоторых из них она может быть хорошо адаптирована, в других – хуже. Социализированность личности может быть как основой адаптированности, так и дезадаптированности, и это зависит от конкретной социальной ситуации. С одной стороны, подросток мо-

жет быть адаптирован в группе сверстников, принимать и следовать нормам и ценностям подростковой субкультуры, а с другой стороны, – рассматриваться учителями и родителями как дезадаптированная личность с точки зрения выполнения норм, требований и ценностей взрослых.

Для построения адаптационного процесса и проявления адаптационной активности личности важно различать уровни социально-психической дезадаптации. А.А. Налчаджян, исходя из того, что социализация личности не всегда обеспечивает ее социально-психическую адаптацию, выделяет две разновидности социализации: а) адаптирующую социализацию и б) дезадаптирующую социализацию [Налчаджян, 1988]. На основании этого разделения он предлагает выделять следующую классификацию социально-психической дезадаптированности личности (таблица 1).

Кроме того, в отношении адаптации к ситуации А.А. Налчаджян описывает еще два вида социально-психической адаптации личности:

а) адаптация путем преобразования и фактического устранения проблемной ситуации (адаптивные ресурсы и механизмы личности мобилизуются для реконструкции реальной социальной ситуации, а сама личность претерпевает в основном только положительные изменения: приобретение новых знаний и навыков, социальной компетентности);

б) адаптация с сохранением ситуации (связана с глубокими личностными изменениями, которые большей частью не способствуют ее самоактуализации и самосовершенствованию).

Сопровождение учебно-воспитательного процесса, отслеживание изменений в личностном и интеллектуальном развитии учащихся относится к сфере деятельности психолога, задача которого – *создание условий, способствующих самопринятию, развитию уверенности в себе, как важнейших факторов адаптации личности.*

Видимо, возникновение аддиктивного поведения в подростковом возрасте можно рассматривать как одну из форм адаптации личности к окружающей среде.

**Классификация социально-психической
дезадаптированности личности (по А.А.Налчаджяну)**

1. Нормальная адаптация – устойчивая адаптированность личности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений ее структуры и, одновременно, без нарушений норм той социальной группы, в которой протекает активность личности [А.А. Налчаджян].	
защитная нормальная адаптация	осуществляется с помощью известных защитных механизмов (агрессии, рационализации, проекции, регрессии, сублимации и др.), при условии, что эти механизмы не стали патологическими
незащитная нормальная адаптация	проявляется в нефрустрирующих проблемных ситуациях, требующих от личности принятия рациональных решений; осуществляется с помощью незащитных адаптивных комплексов с использованием целеполагания, различных форм социальной уступчивости и др.
смешанная нормальная адаптация	осуществляется в частично фрустрирующих ситуациях, которые актуализируют в личности не только защитные механизмы, то и факторы, вызывающие незащитные адаптивные познавательные и эмоционально-волевые процессы, связанными с ее социальными ролями
2. Девиантная адаптация обеспечивает удовлетворение потребностей личности в данной группе или социальной среде, в то время как ожидания остальных участников социального процесса не оправдываются таким поведением.	
неконформистская адаптация	преодоление внутригрупповой проблемной ситуации необычными для членов этой группы способами и путями и, вследствие этого, возникновение конфликтных отношений с нормами группы и их носителями
новаторская, творческая адаптация	разновидность человеческой деятельности или исполнения роли, в ходе и результате которой личность создает новые ценности, осуществляет нововведения
3. Патологическая адаптация осуществляется с помощью патологических механизмов и форм поведения и приводит к образованию патологических комплексов характера, входящих в состав невротических и психотических синдромов [И.Д. Калайков]	

§2. Понятие и основные виды аддиктивного поведения

Аддиктивное поведение наряду с беспризорностью, бродяжничеством, и деликвентным поведением (совершение проступков или мелких правонарушений, не влекущих за собой привлечения к уголовной ответственности) относят к отклоняющемуся, или **девиантному** поведению.

Девиантное поведение определяется как поступки/действия индивида, не соответствующие ожиданиям и нормам, которые фактически сложились или официально установлены в данном обществе (В.Е. Каган) [Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста, 2000].

Приобщение подростка к одному виду девиантного поведения повышает вероятность его вовлеченности и в другие. Как отмечает И.С. Кон, несмотря на то, что девиантное поведение проявляется в разных формах, все они взаимосвязаны. Пьянство, употребление наркотиков, агрессивное поведение, противоправное поведение образуют единый блок [Кон, 1992; Кондрашенко, 1988; Кочетов, Верцинская, 1990; Моложавенко, 2002].

Определение поведения ребенка как девиантного основывается на нормах и ожиданиях ближайшего окружения ребенка, где его права могут нарушаться, кроме того, суждение о девиантном поведении выносят взрослые, которые находятся в оппозиции к детскому возрасту. Явление это носит название стигматизации. Заклейменный «девиантным» подросток начинает быть таковым уже «по убеждению», при этом он старается принадлежать той «девиантной» среде, в которой он принят. Группа сверстников становится референтной, если в ней подросток чувствует поддержку и перестает быть девиантным. При этом с точки зрения социума сама группа девиантной быть не перестает, но подросток в ней чувствует себя своим, а его поведение не отклоняется от поведения типичных представителей этой группы. Однако, за поддержку приходится «платить» зависимостью от группы поддержки.

В психологии до настоящего времени нет четкого определения понятия «зависимое поведение». В.В. Шабалина определяет зависимое поведение «как внешние действия человека, связанные с непреодолимым на данный момент влечением к какому-либо объекту, т.е. оно обусловлено психологической зависимостью от него» [Шабалина, 2001]. Объект зависимости, с одной стороны, является средством удовлетворения потребности, лежащей в основе влечения, а, с другой стороны – ведущим мотивом деятельности. Источником формирования зависимого поведения является влечение к какому-либо объекту, обладающему особой привлекательностью для человека.

В психологической и медицинской науке наиболее часто встречаются понятия «наркотическая зависимость», «зависимость от психоактивных веществ» (наркомания, токсикомания), «алкогольная зависимость» (алкоголизм), «никотиновая зависимость» и др. Кроме того, в последнее время в литературе обозначены другие формы зависимости (которые можно назвать негативными зависимостями) – это зависимость от Интернета, азартных игр, зависимость от деструктивных культов, других людей, работы и др. [Абшаихова, Сирота, 1991; Блейхер, Круг, 1996; Буторина, Дедков, 1991].

Зависимость от объектов неживой природы рассматривают как **аддиктивное поведение**. В отличие от него, зависимое поведение, характеризуется влечением к обладанию как объектами неживой, так и живой природы (например, зависимость от других людей). Основными видами аддиктивного поведения считаются зависимость от психоактивных веществ (чая, кофе, алкоголя, табака, наркотиков), интернет-зависимость, зависимость от деструктивных культов.

В становлении аддиктивного поведения выделяют три основных этапа [Бабаян, Гонопольский, 1991; Братусь, 1988; Крайг, 2000]. *Первые пробы* совершаются обычно в компаниях сверстников. В качестве основных причин употребления называют любо-

пытство, подражание, групповую конформность, мотивы группового самоутверждения. Глубинной мотивацией, по мнению В.Е. Кагана, выступает присущая человеку потребность в изменении состояния сознания: вероятность развития аддиктивного поведения тем выше, чем меньше возраст при первых пробах и чем меньше эта потребность удовлетворяется социально одобряемыми или допустимыми способами.

Поисковое аддиктивное поведение – этап экспериментирования с разными видами психоактивных веществ у младших подростков. Развитие аддиктивного поведения на этом этапе происходит в компании и разворачивается по алкогольному типу – для веселья, раскованности, снятия сексуальных барьеров, выражения отношения и др. Аддиктивное поведение, как правило, является поведенческим проявлением внутриличностных проблем. По мере прохождения этого этапа формируется индивидуальное предпочтение одного или нескольких психоактивных веществ. Употребление наркотиков, включая табакокурение и употребление алкоголя, рассматривают как одну из самых распространенных форм рискованного поведения в подростковом и юношеском возрасте [Крайг, 2000].

Переход аддиктивного поведения в *болезнь* происходит под влиянием социальных (нестабильность общества, доступность психоактивных веществ и др.), социально-психологических (романтизация девиантного поведения в массовом сознании, ослабление межпоколенных связей и др.), психологических (незрелость личностной идентификации, недостаточная способность к внутреннему диалогу, низкая стрессоустойчивость, потребность в изменении состоянии сознания как средстве разрешения внутренних конфликтов и др.), биологических (нарушение процессов детоксикации в организме, индивидуальная толерантность и др.) факторов.

Среди признаков психологической зависимости называют: формирование представления об интоксикации как единственно возможном комфортном состоянии, обеспечивающем максимально

возможную психологическую работоспособность; ощущение себя наркозависимыми как управляемыми со стороны, формирование обсессивного влечения к этому комфортному состоянию [Пятницкая, 1994; Шабалина, 2001].

Зависимость от алкоголя, табака, наркотиков. В Международной классификации болезней курение классифицируют как зависимость (синдром зависимости от табака). Фармакологические и поведенческие процессы, определяющие табачную зависимость, подобны тем, что определяют зависимость от таких наркотиков, как героин и кокаин.

Психологический эффект от употребления алкоголя в небольших дозах выражается в ослаблении внутренних запретов, скованности и ускорении чувства времени. Таким образом, употребление алкоголя дает ощущение обретения идентичности, при этом личность не затрачивает никаких внутренних усилий, и с исчезновением внешнего источника благополучия исчезает ощущение идентичности [Данилин, 2001].

Термин «наркомания» связан с понятием «наркотик» (от греч. *narċotikos* – усыпляющий). Однако терминологическая неопределенность возникает сразу же, как только речь заходит о препаратах, не относящихся к группе опия, т.к. среди средств, отнесенных к наркотикам, лишь опиаты и ноксирон обладают снотворным воздействием. Другие же препараты по своей фармакологической активности являются психостимуляторами, психотомиметиками и т.д. В настоящее время термин «наркотическое вещество» (наркотик) применяется по отношению к тем ядам или веществам, которые способны вызвать при их употреблении эйфоризирующее, снотворное, болеутоляющее или возбуждающее действие.

Анализ медицинской литературы позволяет вывести определение наркомании как группы заболеваний, вызываемых систематическим употреблением наркотиков и проявляющихся синдромом измененной реактивности, психической и физической зависимо-

стью, а также некоторыми другими психотическими и социальными особенностями.

В специальной литературе отмечается, что наркотик – это вещество, удовлетворяющее 3 критериям:

- медицинский критерий: это вещество оказывает специфическое (седативное, стимулирующее, галлюциногенное и др.) влияние на ЦНС,

- социальный критерий: немедицинское употребление вещества имеет большие масштабы и последствия этого приобретают социальную значимость,

- юридический критерий: данное вещество признано законодательством наркотическим [Березин, Лисецкий и др., 2005].

В наркологии наркомания рассматривается как болезнь, в процессе развития которой выделяют следующие основные этапы [Пятницкая, 1994].

Синдром психической зависимости, сущность которого в том, что человек перестает чувствовать себя комфортно в жизни и справляться с трудностями без приема наркотика. Наркотик становится важнейшим условием контакта человека с жизнью, собой, другими людьми.

Синдром физической зависимости заключается в постепенном встраивании наркотика в различные цепи обменных процессов в организме. Если наркоман не принимает соответствующее количество наркотика, то он испытывает различные по степени выраженности физические страдания: ломота, сухость кожи (или потливость), т.е. развивается абстинентный синдром. Для его снятия необходимо принять наркотик, дозы которого постоянно увеличиваются.

Синдром измененной реактивности организма к действию наркотика. Важнейшую роль в структуре данного синдрома играет толерантность. Ее возрастание, стабилизация на высоком уровне, снижение относят к стержневым симптомам наркомании.

В.В. Шабалина указывает, что на разных стадиях развития наркотической зависимости доминируют разные функции [Шабалина, 2001]:

- 1) познавательная функция (удовлетворение любопытства, изменение восприятия, расширение сознания);
- 2) гедоническая функция (получение удовольствия);
- 3) психотерапевтическая функция (релаксация при наличии стрессовых ситуаций или эмоционального напряжения);
- 4) повышение уровня комфортности;
- 5) снятие барьеров в поведении, которое пугает;
- 6) компенсационная функция (замещение проблемного функционирования в сферах сексуальной жизни, общения, развлечений и др.);
- 7) стимулирующая функция (повышение продуктивности деятельности);
- 8) адаптационная функция (приспособление к группе сверстников, употребляющих наркотики);
- 9) анестетическая функция (избегание боли).

Перечисленные функции могут быть реализованы с помощью использования психоактивных веществ, т.е. зависимость (в частности наркотическая) увеличивает адаптивные возможности. При помощи наркотика подросток компенсирует недостаток социально-психологической адаптации.

Т.И. Петракова, Д.Л. Лимонова, Е.С. Меньшикова, изучая мотивацию употребления подростками наркотиков, выявили, что наибольший процент положительных ответов на употребление наркотика подростки дали в ситуациях:

- 1) когда наркотик использовался как «лекарство» от сильных эмоциональных переживаний: страх, ненависть, обида, досада, одиночество и др.;
- 2) ответственности за свое поведение, противостояния группе, авторитету;

3) конформизма, демонстрации протеста против мнения старших, склонность к риску, любопытство [Петракова, Лимонова, Меньшикова, 1999].

Ряд исследователей подростковых аддикций определяют причины актуализации психологической готовности к употреблению наркотиков в следующем:

1) неспособность подростка выйти из ситуации, когда удовлетворение актуальных потребностей оказывается затруднительным;

2) несформированность или неэффективность способов психологической защиты;

3) наличие психотравмирующей ситуации, из которой подросток не находит конструктивного выхода;

4) наличие тенденции к конфронтации с опасностью [Березин, Лисецкий и др., 2001а, 2001б].

Интернет-зависимость. В современных исследованиях интернет-зависимость изучается как вид компьютерной зависимости (кибер-аддикция). По сей день идут споры, существует ли компьютерная зависимость, есть ли специфические особенности, отличающие данный вид зависимости от других видов, или нет. Выявлено, что особенность идентичности интернет-зависимых пользователей состоит в стремлении избавиться от требований социального окружения и удовлетворить потребность в эмоциональной поддержке [Жичкина, 2001]. Для пользователей интернета характерно создание виртуальных личностей, в основе которого лежат мотивационные причины (удовлетворение уже имеющихся желаний). Виртуальные личности являются компенсацией недостатков реальной ситуации. Они могут существовать как «для себя», осуществляя идеал «Я» или, наоборот, реализуя деструктивные тенденции пользователя, так и «для других» – с целью произвести впечатление на окружающих [Жичкина, 2001].

По данным исследования связи кибер-аддикции с личностными характеристиками установлено, что почти 9 % учащихся в возрасте

15-17 лет имеют компьютерную зависимость. Выявлено, что использование компьютера и интернета для игр и развлечений связано с определенными чертами личности (высокая доминантность, низкая терпимость, низкая самооценка и т.д.). Установлено также, что существует отрицательная корреляция между кибер-аддикцией и положительной (само) идентичностью [Интернет-зависимость, 1996; Кудрявцев, 1999; Львина и др., 2002].

Систему критериев, позволяющих говорить об интернет-зависимости, предложил И. Голдберг. По его мнению, можно констатировать зависимость при наличии следующих признаков.

– Толерантность. Количество времени, которое нужно провести в Интернет, чтобы достичь удовлетворения, заметно возрастает. Если человек не увеличивает количество времени, которое он проводит в интернет, то эффект заметно снижается.

– «Синдром отказа»: прекращение или сокращение времени, проводимого в Интернет.

– Симптомы, которые развиваются в течение периода времени от нескольких дней до месяца: психомоторное возбуждение; тревога; навязчивые размышления о том, что сейчас происходит в Интернет; произвольные или непроизвольные движения пальцами, напоминающие печатание на клавиатуре и др. [Голованевская, 2000].

Я. Кимберли приводит четыре симптома интернет-зависимости: 1) навязчивое желание проверить e-mail; 2) постоянное ожидание следующего выхода в Интернет; 3) жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много времени в Интернет; 4) жалобы окружающих на то, что человек тратит слишком много денег на Интернет [Жичкина, 2001].

Данные исследований отечественных и зарубежных авторов свидетельствуют, что Интернет важен для тех людей, чья реальная жизнь по тем или иным внутренним или внешним причинам межличностно обеднена. В этих случаях, люди скорее используют Интернет как альтернативу своему непосредственному (реальному)

окружению, компьютеры создают иллюзию товарищеских отношений без требований дружбы и обязательств [Голованевская, 2000].

Зависимость от деструктивных культов к настоящему времени изучена мало. Связано это, прежде всего, со сложностью самого феномена деструктивных культов, зачастую «закрытостью», непроницаемостью сект религиозного и иного толка и небезопасностью изучения подобных групп (в том числе и для жизни исследователя).

Подростки, которые не могут самостоятельно разрешить возникающие внутриличностные и межличностные конфликты, не видящие жизненных перспектив, нуждающиеся в поддержке и признании, которых не получают в своем окружении, могут быть вовлечены в нетрадиционные религиозные системы (секты). Объектом зависимости может быть как психоактивное вещество (и тогда мы говорим о различных формах наркомании), так и патологическая система взаимоотношений (и тогда мы говорим, в том числе, и о сектантстве как форме патогенных взаимоотношений).

Э. Эриксон указывает на причины, объясняющие интерес подростков к нетрадиционным религиям:

1) религиозные общины предполагают упрощенную перспективу на будущее;

2) предполагают стандартизацию действий и поведения, что избавляет от застенчивости и самонаблюдения;

3) коллективные действия ослабляют ограничения и ощущение личной вины;

4) подчинение главарю, играющему роль «старшего брата», лишено двойственности, свойственной отношениям между детьми и родителями;

5) возникает иллюзия гармонии внутреннего мира, исполненного добрых и злых сил, с внешним миром и его реальными целями и опасностями [Эриксон, 1996].

Подобные организации обладают:

- отработанными механизмами вовлечения новых членов;
- «вечной книгой», которая дает ответы на все вопросы (разумеется, с учетом личности интерпретатора);
- действующей системой психологического внушения (часто очень жесткой) и особыми приемами, изменяющими состояние сознания: медитация, экстаз, транс (возможно, с использованием наркотических веществ или физических упражнений: гипервентиляция, ритмические движения);
- обещанием прощения, вечной жизни, рая и др., что позволяет подростку не принимать решений и не нести ответственность за собственную судьбу, а значит, не ошибаться.

Включение в религиозную общину может быть связано с потерей личной идентичности и принятием нового имени [Элкинд, 1996]. Потеря самостоятельности, зависимость от лидера общины, неспособность устанавливать эмоциональные связи с другими людьми, не принадлежащими к данной религиозной идеологии, иногда материальный взнос, разрыв отношений с близкими и, в конечном счете, с реальностью – это цена, которую подросток платит за принадлежность к референтной группе.

Рассмотренные нами виды аддиктивного поведения являются формами компенсации недостатков в развитии личности. Объект зависимости, несмотря на специфичность каждого вида аддиктивного поведения, является лишь средством, дающим иллюзорное удовлетворение потребностей (в отличие от них ощущения и переживания являются абсолютно реальными) или разрешение актуальных конфликтов, ослабление внутреннего напряжения. Подросток не может избавиться от зависимости, т.к. не имеет другого, более конструктивного способа разрешения постоянно возникающих трудностей.

Перечисленные формы зависимого поведения подростков мы относим к негативным зависимостям. Негативная зависимость – это

зависимость от объекта, вызванная привыканием к нему, затруднением отказа от него, деструктивно влияющая на душевное и физическое состояние человека.

Выбор объекта аддикции и, следовательно, формирование соответствующего вида аддиктивного поведения случайно. Например, объект может смениться на другой, но аддикция при этом останется (наркоман может стать алкоголиком и наоборот). Это обусловлено тем, что формирование различных видов аддиктивного поведения едино в своей психологической основе.

§3. Психологические теории возникновения зависимости

Актуальность проблемы аддиктивного поведения личности подтверждается тем, что практически во всех психологических теориях (как классических, так и развивающихся в последнее время) делаются попытки объяснения причин формирования аддиктивного поведения. Однако, теоретическое объяснение процесса формирования аддиктивного поведения, предложение способов избавления от зависимости на практике часто оказывалось менее эффективным, чем ожидалось в теории.

Представители **психоаналитических концепций** считают, что в основе возникновения зависимости лежат неразрешенные конфликты детства и эмоциональная зависимость от взрослых, прежде всего, матери (З. Фрейд, А. Фрейд, Г. Гартман, П. Блос, А. Адлер, Э. Берн, Э. Эриксон, Э. Фромм).

**Взгляды представителей различных направлений психологии
на возникновение аддиктивного поведения
(в частности, наркомании)**

Источник, причина		Сущность зависимости	Направление
Конфликты детства, эмоциональная зависимость (от матери, взрослых)	Внутрипсихические конфликты детства, дефекты в психосексуальном развитии (анальная, оральная стадии)	Инфантилизм, избегание решать конфликты, удовлетворение потребности в эмоциональном растворении	Психоанализ (З.Фрейд, А.Фрейд, Г.Гартман, П.Блос)
	Эмоциональная зависимость от матери	Игра (формирование жизненного сценария)	Транзактный анализ (Э.Берн)
	Неполноценность, недостаток развития чувства общности, особенности стиля жизни	Компенсационная система адаптации к обществу	Индивидуальная психология (А.Адлер)
	Кризис идентификации, нерешенные конфликты детства	Компенсация спутанной идентичности (ролевой, этнической, сексуальной)	Теория идентичности (Э.Эриксон)
	Потребность в преодолении отчуждения и одиночества	Формирование пассивной симбиотической связи	Гуманистический психоанализ (Э.Фромм)
Внешние стимулы	Конфликт зависимости – независимости, трудности в установлении эмоциональных связей со сверстниками	Снятие внутренней тревоги	Бихевиоризм. Теория зависимости (К.Бандура, Р.Уотсон)

Источник, причина		Сущность зависимости	Направление
Стресс, фрустрация	Стресс	«Совладание» со стрессом	Теория стресса и копинга (Р.Лазарус)
	Фрустрация	Избавление от фрустрации, адаптационная система	Интеракционистический подход (Т.Шибутани, Л.Филлипс)
Противоречивость «Я», фрустрация значимых потребностей, проблема смысла жизни	Фрустрация значимых потребностей, сниженный «локус контроля», утрата или отсутствие смысла жизни	Избавление от фрустрации, способ «решения» проблем	Гуманистические концепции (А.Маслоу, К.Роджерс, В.Франкл, Г.Олпорт)
	Конфликт смысла жизни, своего существования	Избавление от беспокойства, неудовлетворенности, пустоты и изоляции от общества, где личность не признана	Психосинтез (Р.Ассоджиоли)
	Противоречивая и внутренне конфликтная жизненная концепция	Компенсация сниженных адаптационных возможностей	Теория личностных конструктов (Дж.Келли)
	Расстройства «Я», личностные нарушения	Компенсация личностной незрелости и инфантилизма	Онтопсихология (А.Менегетти)
	Употребление не специфичных для культуры ПАВ	Избавление от стрессов и депрессий	Этнокультурный подход (А.В.Сухарев)
	Нарушения в перинатальном периоде (III матрица), использование анестезии при родах	Способ ненасильственного самоубийства, избавление от тяжелых стрессов	Трансперсональная психология (С.Гроф)

Источник, причина		Сущность зависимости	Направление
Мозговые структуры «центр удовольствия»		Выработка дофамина	Теория процесса противодействия в мотивации
Доминирование одной потребности	Нарушение процесса «контакт-ухода», доминирование одной потребности, выступающей как фигура		Гештальттерапия (Ф.Перлз)
	Сдвиг мотива на цель, доминирование одной потребности	Компенсация неразвитости социальной компетентности, ослабление внутреннего напряжения	Деятельностный подход
Утрата субъектности		Переживание избыточных возможностей как самооценочной формы активности	Теория персонализации (В.А.Петровский)
Онтологическая энтропия, генерализованная неудовлетворенность, нерешенные задачи взросления		«Жажда целостности». Заимствованная или собственная целостность личности. Формирование внутриличностной системы самоподдержки	Онтосубъектный подход (С.В.Березин, К.С.Лисецкий)

Классические психоаналитические концепции личности (З. Фрейд, А. Фрейд, Г. Гартманн, П. Блос) в качестве причин возникновения аддиктивного поведения рассматривают дефекты в психосексуальном развитии [Гартманн, 1958; Фрейд, 1989; Блюм, 1996; Реан, 2000]. Согласно психоаналитикам, личность, развиваясь, закономерно проходит оральную, анальную, фаллическую, латентную, генитальную стадии. В основе формирования зависимости лежат дефекты (внутриличностные конфликты) в психосексуальном созревании, приобретенные в частности на оральной и/или анальной стадии развития. Человек под действием наркотического вещества регрессирует на более ранние стадии развития, избегая, таким образом, решения существующих конфликтов.

Г. Гартман в своей концепции адаптации личности [Гартман, 1958], признавая в целом значение конфликтов в развитии личности, считал, что процессы восприятия, мышления, речи, памяти, творчества, моторное развитие ребенка и многое другое может быть свободно от конфликтов. Г. Гартман вводит термин «свободная от конфликтов сфера Я» (*conflict-free ego sphere*) и включает сюда такие явления, как страх перед реальностью, защитные процессы в той мере, в которой они приводят к «нормальному» развитию, и сопротивление. Адаптация, согласно Г. Гартману, включает как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и те процессы, которые входят в свободную от конфликтов сферу Я. В основе концепции здоровья человека лежит представление об уровне адаптации. Хорошо адаптированный человек способен наслаждаться жизнью, у него не нарушены продуктивность и психическое равновесие. Адаптивный процесс регулируется со стороны Я. В этой связи наркотик может рассматриваться как средство, повышающее уровень адаптированности.

Следуя психоаналитической традиции, П. Блос (1962) предложил теорию индивидуализации. П. Блос различает две фазы индивидуализации: в три года и в периоде взросления [Ремшмидт, 1994]. В период взросления важными частями индивидуализации являются:

- склонность к *регрессии* на более ранние этапы развития, выражающаяся в сотворении кумиров (как идеализация детьми родителей), «эмоциональном растворении» (абсолютное подчинение религиозным и политическим идеям, уходу в свои переживания, что может сопровождаться приемом наркотических веществ), «жажда аффектов и объектов», которая проявляется в стремлении к идентификации группе как замене семьи, и амбивалентность;

- *нонконформизм* как механизм защиты против выраженной склонности к регрессии, обеспечивающий подростку переживание уникальности своего Я, отделения себя от других.

Согласно психоаналитическим представлениям, в том числе и теории П. Блоса, человек должен освободиться от привязанностей раннего детства, чтобы обрести индивидуальность. Этот шанс дается человеку в периоде взросления.

В *индивидуальной психологии* (А. Адлер) основное внимание уделяется рассмотрению врожденного комплекса неполноценности и его компенсации [Адлер, 1995; Реан, 2000]. В качестве основной цели для всех людей, которая выстраивает жизненный план, А. Адлер понимал достижение превосходства. Все манеры поведения формируются в детстве и несут на себе печать окружения. Изменить их можно лишь вследствие высокой степени самосознания или на стадии невроза благодаря индивидуально-психологическому подходу врача.

Человек воспринимает ситуации не такими, какие они есть в действительности, а через призму своих предубеждений, личных интересов, т.е. через схему апперцепции, которая появляется в детстве и обслуживает достижение основной цели жизни, выбранной индивидом. Прототип личности формируется в возрасте 4-5 лет.

Успешно преодолеть чувство неполноценности возможно при развитии чувства общности. Индивиды с недостаточно развитым чувством общности составляют группу проблемных детей, преступников, душевнобольных, алкоголиков, наркоманов. Эта группа рассматривается, как обладающая «частной логикой», люди не могут справиться со своими проблемами и получать удовольствие от социального общения, потому что в детстве у них сформировался план, в основе которого лежит защитная функция. Этот план согласован и препятствует личностным изменениям, т.к. представляет единую форму адаптации, которую человек сумел для себя создать.

В *транзактном анализе* (Э. Берн) зависимость от алкоголя и наркотиков рассматривается как вариант Игры (Алкоголик), в которую человек может играть всю жизнь. Он не боится потерять здоровье, т.к. это как раз то, чего он нередко и добивается, следуя

своему сценарному предписанию: «Убей себя». У наркоманов и алкоголиков, по мнению Э. Берна, отчетливо проявляется материнское влияние. Таким людям необходимо приказание прекратить прием наркотиков, что равносильно распоряжению покинуть мать и жить по-своему, т.е. зависимость от наркотических веществ, по сути, является другой стороной зависимости от матери. Усвоенный зависимый способ поведения (семейный сценарий), скорее всего, будет проявляться и в дальнейшей семейной жизни этого человека [Берн, 1988; 1992].

Согласно *гуманистическому психоанализу* (Э. Фромм), в современной жизни существует базовое противоречие, которое зажимает личность с двух сторон: с одной стороны – почетно любить других, приветствуется альтруизм; с другой стороны, любить себя – это грех, хотя является самым сильным и законным стремлением человека. Если человек способен на продуктивную любовь к себе и другим, то он способен утвердить собственную жизнь, счастье, развиваться и достичь свободы [Фромм, 1994, 1998; Реан, 2000].

Центральное понятие в теории Э. Фромма «отчужденность», оно порождает тревогу, стыд и чувство вины. Быть отчужденным значит быть беспомощным, не владеть собственной жизнью и не влиять на ход событий. Самая глубинная человеческая потребность, по мнению Э. Фромма, – это потребность преодолеть свою отчужденность, освободиться из плена одиночества. Один из путей достижения этой цели – всевозможные оргастические состояния, которые могут принимать форму аутогенного экстаза, иногда с помощью наркотических средств. В современных культурах, которым не свойственны оргии, это приобретает форму алкоголизации и наркотизации. Внешний мир исчезает, а вместе с ним исчезает состояние отчужденности. Однако, если в первом случае решение социально запрограммировано, современные индивиды страдают от чувства вины и угрызений совести. Стараясь избежать отчуждения в забытии опьянения, индивид ощущает одиночество еще сильнее, когда оргастическое переживание

проходит, и он вынужден вновь прибегать к этим средствам – все чаще и интенсивнее. Есть три характерные черты, общие для всех форм оргиастического соединения: оно отличается силой и даже страстностью; оно охватывает всего человека – его душу и тело; оно преходящее и периодически повторяется. Выход из этой ситуации Э. Фромм видит в развитии творческой деятельности и истинной любви. Наркомана (зависимого человека вообще) он относит к мазохистскому типу личности, которая является пассивной формой симбиотической связи. Такой человек не принимает решений, покоряется судьбе, болезни, оргиастическим состояниям, вызванным наркотиками.

Согласно Э. Эриксону (*теория психосоциального развития*), личность в своем развитии проходит восемь основных стадий, в ходе которых индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде [Элкинд, 1996; Эриксон, 1963, 1996]. На каждой стадии человек переживает соответствующий кризис. Личностное развитие протекает всю жизнь.

Недостатки всех предшествующих стадий развития манифестируются в подростковом возрасте во время кризиса идентификации личности или путаницы ролей (12-18 лет). Развивается новый подход к жизни, подросток может создавать себе мыслительные идеалы: идеальные образы семьи, общества, религий и др. Основная задача – это интегрировать все то, что знает о себе подросток (свои роли) и спроецировать получившийся образ в будущее. Подростки пытаются создавать свою субкультуру, они озабочены тем, что их мнение не совпадает с мнением других людей, в поисках нового чувства преемственности и самотождественности, которое должно теперь включать половую зрелость, некоторые подростки вновь пытаются решить конфликты прошлых лет, прежде чем создать для себя окончательные идеалы.

От самой первой стадии (потребность в доверии себе и другим) подросток ищет людей, которым можно было бы верить, и люди должны доказать, что им можно верить. С другой стороны, он боит-

ся быть обманутым и может выражать эту потребность в циничном недоверии. От второй стадии (самостоятельность – нерешительность (2-3 года)) подросток получает чувство «свободно желать». В ситуации выбора подросток будет вести себя вызывающе по отношению к взрослому, чтобы не быть «опозоренным» принуждением в собственных глазах и глазах сверстников. В «наследство» эта стадия может дать чувство отчуждения от своего тела и неуверенность. Возраст игры (третья стадия: конфликт предприимчивости – чувство вины (4-5 лет)) дает в наследие безграничное воображение того, кем некто мог бы стать. Подросток готов доверять тем сверстникам, или тем направляющим (или же вводящим в заблуждение) старшим, которые зададут образцы, иллюзорные границы его устремлений. Отчуждением третьей стадии может быть негативный половой образ себя, что развивает спутанную поло-ролевою идентичность. Также из третьей стадии ребенок может вынести чувство ненависти к своим родителям. Если молодой человек может идентифицировать себя с новыми ролями, предполагающими компетентность и творчество, если были положительно разрешены кризисы предшествующей идентичности, то подростковый период проходит более спокойно, чем у тех, кто не способен найти свое место в жизни, в основе чего лежат предшествующие сильные сомнения в своей этнической, сексуальной или ролевой идентичности, которые соединяются с застарелым чувством безнадежности. Отчуждением этой стадии является спутанность идентичности. Подростки последней группы часто пополняют группу делеквентных подростков.

Результаты преодоления кризиса подросткового возраста оказывают влияние на следующие стадии развития личности: конфликт среднего возраста: близость и одиночество (кризис интимности) (6 стадия); зрелый возраст: общечеловечность и самопоглощенность (7 стадия); цельность и безнадежность (8 стадия).

Большой вклад в понимание природы возникновения и развития зависимости внесли *бихевиористы* (Дж. Уотсон, Р. Уолтер,

А. Бандура, Э. Торндайк). Они высказывают идею, что в основе возникновения зависимости лежит переживание конфликта зависимости-независимости от взрослых и трудности в установлении эмоциональных связей со сверстниками. Они исходят из положения, что поведение человека организуется по принципу «стимул – реакция». Процесс социализации рассматривается бихевиористами как развитие привычных ответных реакций, принятых в обществе, в котором индивид живет. Дж. Уотсон считал, что можно прогнозировать поведение человека, если знать, как он примерно реагирует на ситуации. При рождении ребенок побуждается к действию относительно узким кругом возбудителей – первичных врожденных драйвов, или сильных стимулов (А. Бандура, Р. Уолтерс). Освобождение от дистресса на ранних этапах жизни ребенка зависит от действий окружающих его взрослых, особенно матери. Реальное направление, которое принимает поведение человека, зависит от приобретенных привычек. Полезные инстинкты нужно упражнять, чтобы они стали привычками, вредные необходимо сдерживать, не создавая стимулов, которые их вызывают. Э. Торндайк отмечает, что если «человек делает то, что полезно и правильно, он скоро приобретает правильное понятие о социальном благе и о морали» [Торндайк, 1998; Уотсон, 1998].

Теория зависимости (А. Бандура, Р. Уолтерс) рассматривает ребенка как существо зависимое. С возрастом объект зависимости изменяется – от физической зависимости ребенок начинает выражать зависимость в более «взрослых» формах, проявляя интерес к себе и требуя признания, в том числе от сверстников. Так начинает развиваться независимость. В раннем детстве поощряют зависимость, а затем от ребенка ожидают независимости и самостоятельности. Это может вызвать конфликт, который ярче всего проявляется в подростковом возрасте, когда происходит сравнительно резкий переход от зависимости по отношению к взрослым к зависимости по отношению к сверстникам. Авторы теории развития зависимости отмечают,

что подростки с асоциальной агрессивностью неспособны к формированию и поддержанию устойчивых эмоциональных отношений со сверстниками. Они замкнуты и не общительны. Отсутствие сопряженных с поведением эмоций и зависимости может корениться в неудачной попытке установить с окружающими эмоциональные отношения и привести к затормаживанию в формировании зависимого поведения вследствие возникновения чувства тревоги, которое появляется в схожей ситуации. Бихевиористы считают, что как отсутствие эмоций, так и наказание и фрустрация могут развить в ребенке независимость. Отсутствие зависимых отношений у многих подростков объясняется скорее конфликтом, чем неудачей в развитии потребности в зависимости [Бандура, Уолтерс, 1998].

Ряд теорий в качестве основной причины возникновения аддикции рассматривают переживание стресса и фрустрации, а основной выигрыш от употребления ПАВ – «совладание» со стрессом и избавление от фрустрации. Таким образом, формируется своеобразная адаптационная система организма.

Теория процесса противодействия в мотивации объясняет наркотическую толерантность, абстинентный синдром и множество других явлений тем, что любое смещение оптимального уровня возбуждения приводит к началу процесса, который возвращает этот уровень в исходное положение. Исследования воздействия награды на определенные зоны головного мозга привели к гипотезе о существовании в нем центров удовольствия. Существуют доказательства того, что стимуляция некоторых зон мозга дает эффект получения специфических видов награды. Согласно дофаминовой теории удовольствия, неврологические механизмы такого эффекта основаны на возбуждении нервных волокон, которые берут начало в одной из структур головного мозга – передней комиссуре – и которые передают нервные импульсы с помощью дофамина [Справочник по психологии психиатрии детского и подросткового возраста, 2000].

Согласно *теории стресса и копинга* (Р. Лазарус), в результате взаимодействия человека и окружающей среды у него формируются определенные стратегии поведения, основанные на личном опыте [Сирота, Ялтонский, 2000]. Р. Лазарус вводит понятие «копинг» – преодоление стресса, совладание с ним. Каждый человек находит собственные способы совладания со стрессом (копинг-стратегии) на основе имеющегося у него личного опыта (личностные ресурсы или копинг-ресурсы). В зависимости от используемых стратегий и ресурсов у него могут развиваться разные формы поведения, как адаптивные, так и дезадаптивные.

Все стратегии поведения человека, формирующиеся у него в процессе жизни Р. Лазарус разделяет на три группы:

1) стратегия разрешения проблем (активная стратегия поведения, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов, эффективного разрешения проблем);

2) поиск социальной поддержки (активная стратегия поведения, при которой человек для эффективного разрешения проблем обращается за помощью и поддержкой к окружающей среде: семье, друзьям, значимым другим);

3) избегание (пассивная стратегия поведения, при которой человек старается избежать контакта с окружающей действительностью, уйти от решения проблем; она может носить адекватный и неадекватный характер). Выбор третьей стратегии часто приводит к развитию аддикции.

Согласно *интеракционистскому подходу* (Т. Шибутани) от того, как человек воспринимает свое окружение, зависит то, какое значение имеют для личности различные объекты, дающие человеку удовлетворение [Шибутани, 1998]. Процесс адаптации в интеракционистской концепции (Л. Филипс) обусловлен как внутрипсихическими, так и средовыми факторами [Филипс, 1968]. Под «эффективной адаптацией личности» понимается процесс, при ко-

тором личность удовлетворяет минимальным требованиям и ожиданиям общества.

Л. Филипс указывает, что адаптированность выражается двумя типами ответов на воздействие среды:

1) принятие и эффективный ответ на те социальные ожидания, с которыми каждый встречается в соответствии со своим возрастом и полом;

2) гибкость и эффективность при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, а также способность придавать событиям желательное для себя направление.

При таком определении адаптации человек выступает как активный субъект, который успешно пользуется созданными условиями для осуществления своих целей, ценностей и стремлений. Адаптивное поведение интеракционисты характеризуют успешным принятием решений, проявлением инициативы и ясным определением собственного будущего. К признакам эффективной адаптированности интеракционисты относят:

а) адаптированность в сфере «внеличностной» социально-экономической активности, где индивид приобретает знания, умения и навыки, добивается компетентности и мастерства;

б) адаптированность в сфере личных отношений, где устанавливаются интимные, эмоционально насыщенные связи с другими людьми, а для успешной адаптации требуются чувствительность, знание мотивов человеческого поведения, способность тонкого и точного отражения изменений взаимоотношений [Реан, 2000].

Чтобы избежать фрустрации в ситуации «блокады» потребностей, мышление выбирает подходящий образ для завершения действия, и затем возникает вторичное приспособление. В этой потребностной цепочке объектом может выступить психоактивное вещество, что приводит к фиксации данной модели поведения [Шибутани, 1998].

Большая группа теорий и концепций рассматривает в качестве источника возникновения аддикции противоречия в Я-концепции, фрустрацию экзистенциально значимых потребностей, утрату или отсутствие смысла жизни (гуманистические концепции, психосинтез, теория личностных конструкторов, онтопсихология).

В *теории личностных конструкторов* (Дж. Келли) личность рассматривается как целостное образование, состоящее из системы конструкторов, которые формируются на основе опыта и определяют поведение человека [Францелла, Баннистер, 1987]. Жизненная концепция может быть внутренне конфликтной и противоречивой, это указывает на сниженные адаптационные возможности, что является основной причиной неврозов, алкоголизма, наркомании и других личностных расстройств.

Причины возникновения аддикции согласно *гуманистическим концепциям* кроются в сниженном «локусе контроля», утрате или отсутствии смысла жизни и фрустрации значимых потребностей. Гуманисты характеризуют личность как человека-в-процессе, открытого новому опыту, в ситуации «здесь и сейчас», стремящегося к саморазвитию внутренних побуждений и способности принимать решения (К. Роджерс). Я-концепция (самость) задает направления поисковой активности. Также существует идеальная самость – представление о себе, каким бы индивид хотел бы себя видеть.

Личность сама создает иерархию потребностей и способна к усилию (таблица 3). Для иерархической системы потребностей существует такое правило: следующая ступень мотивационной структуры имеет смысл лишь тогда, когда удовлетворены предыдущие [Маслоу, 1997, 1999]. Метамотивация касается поведения, вызванного потребностями и ценностями личностного роста. Неврозы и психологическая неприспособленность определяются как «болезни лишенности», т.е. основной механизм развития болезни – это неудовлетворение базовых потребностей, что приводит к фрустрации и препятствует самоактуализации.

Иерархия потребностей (Маслоу, 1954)

Уровни	Виды потребностей
Физиологический (первичные потребности)	Дефицитарные потребности: голод, жажда, секс, избегание опасности. Потребности в принятии и любви: аффиляция, защищенность, отсутствие страха
Психологический (вторичные потребности)	Потребность в уважении: компетентность, принятие, признание. Когнитивные потребности: знание, понимание, новизна. Эстетические потребности: симметрия, порядок, красота. Самоактуализация. Вершинные переживания

Каждый опыт неконгруентности между самостью и реальностью ведет к возрастающей уязвимости личности, что приводит к усилению внутренних защит, отрезающих опыт и создающих новые поводы для неконгруентности [Роджерс, 1994, 1997; Реан, 2000]. Человек может познать свою самость только через других, а условие ценности создает разрыв между самостью и представлением о самости. Человек возвращается к здоровью, возвращая себе подавленные или отрицавшиеся части себя и открывая внутренний «локус контроля». То, что наркоманы, несмотря на свои страдания, все равно возвращаются к наркотикам, говорит о нерешенности их проблем (Г. Олпорт). Эти люди – жертвы установки «магического мышления»: с точки зрения человека субъективная реальность абсолютна и безусловна, она важнее, чем реальность внешняя. К наркотику приводит фрустрация, одиночество, отчуждение [Олпорт, 1998]. Наркоман нуждается в том, чтобы чувствовать себя всемогущим, его зависимость – это образ жизни. Только изменение мировоззрения способно избавить его от зависимости. Здоровый человек характеризуется спонтанностью, простотой и естественностью; служением в противоположность эгоцентрическим тенденциям; отстраненностью, потребностью в уединении; автономностью, независимостью от культуры и среды, волей и активностью; способностью радоваться жизни; целостной (интег-

рированной) системой ценностей. «Удовлетворение стремления к развитию делает человека здоровым», – пишет А. Маслоу [Маслоу, 1997; С. 57]. У самоактуализированной личности взаимоотношения с реальностью детерминируются изнутри.

Согласно *этно-культурному подходу* (А.В. Сухарев), личность современного человека формируется из «осколков» различных культур и поэтому лишена целостности и самоопределенности. В таких условиях человек, испытывая стрессы и депрессивные состояния, обращается к психотропным веществам, как антистрессорам и антидепрессантам. Вероятность возникновения аддикции повышается, если употребляемые вещества не свойственны для культуры, к которой принадлежит человек [Сухарев, 1996; 1998].

С точки зрения *онтопсихологии* (А. Менегетти), которая является синтезом психоанализа З. Фрейда и А. Адлера, аналитической психологии К. Юнга и гуманистической психологии А. Маслоу, Р. Мэя и К. Роджерса, индивид обращается к наркотикам тогда, когда он психологически уже является наркоманом [Менегетти, 1996]. Наркотики являются следствием, не причиной. За любой болезнью, по мнению А. Менегетти, всегда стоят расстройства «Я». Личностную незрелость он рассматривает как «объективацию своей собственной ситуации», приписывание вины за свои неудачи случаю или другим людям. Человек только сам знает истину о себе, если он полностью доверяет другому решение своих проблем, то это проявление незрелости и инфантилизма. Молодой человек должен знать и чувствовать свою необходимость и полезность как личность. Взрослому же молодой человек нужен для укрепления общества, к которому взрослый уже принадлежит. По сути, молодой человек способен решать проблемы лишь в той мере, в какой его научили взрослые. А. Менегетти пишет, что наиболее эффективное и единственное решение, ведущее к победе, состоит в «притворном приспособлении к системе при одновременном и постоянном самосовершенствовании, непрерывном движении вперед»

[Менегетти, 1996; С. 153], т.е. в принятии ценностей, норм и общественных правил. При этом имеется возможность реализации в рамках указанных социумом границ собственной внутренней сущности. Однако, большинство взрослых считает себя образцом для своих детей, и использует их для компенсации своей личной незавершенности, формируя зависимую форму отношений.

Основатель техники реконструкции личности, получившей название «*Психосинтез*», Р. Ассоджиоли описывает кризис, предшествующий духовному пробуждению, подобно описанию кризиса подросткового возраста [Ассоджиоли, 1997]. В подростковом возрасте человек впервые начинает задумываться о смысле жизни, о смысле своего существования, о справедливости и об истоках страданий, о цели существования человечества вообще. В период этого кризиса человек испытывает неопределенное беспокойство, чувство неудовлетворенности и внутренней пустоты, которая может быть вызвана разочарованиями от прежних представлений о будничной, реальной жизни. «В ходе этой борьбы, – пишет Р. Ассоджиоли, – некоторые с удвоенным рвением бросаются в водоворот жизни и жадно ищут новых занятий, возбуждений и ощущений. Иногда таким путем удается приглушить свое беспокойство, но почти никогда не удается избавиться от него совсем» [Ассоджиоли, 1997; С. 57]. С этим кризисом связано еще и пробуждение этического сознания, усложняются моральные категории сознания. Это может найти свое выражение в развитии чувства вины. В таком состоянии человек очень легко может решить вопрос о прекращении своего физического состояния, т.е. возрастает риск суицида. Само переживание этого начального духовного кризиса похоже на определенные симптомы психоастении и невротении (утрата функционирования в реальности, истощение, нервное напряжение, бессонница, расстройства пищеварения и др.). Р. Ассоджиоли использует понятие жизненной ориентации как основного направления жизни человека. Человек делает свой выбор на основе того, что он уже осознает, и будет действовать в со-

ответствии с тем, что отвечает желаниям его души. Злоупотребление наркотиками рассматривается как личностное поведение, направленное на изоляцию от общества, где личность не признана.

В *трансперсональной психологии* (Ст. Гроф) использование наркотических веществ связывается с патологией в III перинатальной матрице, а именно со стремлением индивида к ненасильственному самоубийству [Гроф, 2001]. Если во время родов использовалась анестезия, то индивид будет почти на клеточном уровне запрограммирован искать выход из тяжелых стрессов в наркотическом состоянии. В согласии с психоаналитической теорией, алкоголь и наркотики представляются связанными с депрессией и суицидом. Употребление подобных препаратов – это стремление пережить недифференцированное единство, отменить сам процесс рождения.

Гештальттерапия (Ф. Перлз) описывает невротические механизмы нарушения контактов. Всякое проявление целостного Я есть сообщение личности о себе. Первоначально среда формирует механизмы контакта, которые потом используются личностью при взаимодействии с окружением. Взаимодействуя со средой, организм образует «контактную границу», на которой происходит удовлетворение потребностей. Получив удовлетворение, потребность «уходит» в фон, уступая место другой потребности. У людей с зависимым поведением нарушается процесс «контакт – уход», одна доминирующая потребность выступает как фигура [Гарбузов, 1994]. Образуется ригидный паттерн поведения, утрачивается контакт с реальностью. Гештальт остается незавершенным. Сознание удерживает в качестве фигуры лишь потребность, соответствующую принятому личностью представлению. Личность не развивается.

В *NLP* социально незрелый или больной человек для каждой ситуации обычно использует одну стратегию поведения, социально зрелый – две-три. Чем больше стратегий, тем больше выбор и тем лучше адаптация. С помощью алкоголя и наркотиков любой человек может на время «включить» нейросоматический контур челове-

ческого мозга, который отвечает за сенсорно-соматическое блаженство [Реан, 2000].

В *деятельностном подходе* поведение понимается как особым образом организованная деятельность, которая осуществляет связь организма с внешней средой через реализацию мотивов (С.Л. Рубинштейн). Осуществляясь в действиях и поступках, мотивы закрепляются и переходят в характерологические черты, по мере того, как начинают определять образ действий [Петровский, 1995]. Зависимое поведение можно определить как ложно опредмеченную потребность, а основной механизм его развития – как «сдвиг мотива на цель». Доминирующим мотивом становится поиск объекта, который удовлетворяет потребность, замещающую истинную, обладание объектом дает временное ослабление внутреннего напряжения. Вся смысловая сфера личности перестраивается в соответствии с этим ведущим мотивом. Б.Г. Ананьев определяет поведение человека как сложный комплекс видов его социальной деятельности. В поведении существует взаимозависимость между: информацией о людях и межличностных отношениях; коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения; преобразованием внутреннего мира самой личности. В подростковом возрасте ведущим типом деятельности (Б.Г. Эльконин) снова становится общение. Недостаточное развитие социальной компетентности может быть компенсировано психоактивными веществами, которые дают ощущение достижения «Я – социального, каким хочу, чтобы меня видели другие». Объект зависимости может быть включен в структуру Я-концепции как самостоятельный внутренний образ и затем влиять на поведение подростка.

Весьма перспективным представляется направление современных исследований проблемы зависимого поведения, в котором *психическая зависимость* рассматривается как *устремление*, т.е. самоценная форма активности, заключающая в себе возможности неограниченного самовоспроизводства (С.В. Березин, К.С. Лисецкий,

Е.В. Литягина, Е.А. Назаров, Н.Ю. Самыкина, О.А. Ушмудина). Этот подход основан на теории персонализации А.В. Петровского и В.А. Петровского; концепции «неадаптивной активности» и идее «отраженной субъектности» В.А. Петровского.

В.А. Петровский определяет устремление личности как форму активности, где «хочу» (ценности) и «могу» (способности и возможности) выступают совместно, это направленность человека на продуцирование таких действий, процесс осуществления которых сам по себе переживается как наслаждение [Петровский, 1992; 1995; 1996а; 1996б; 1996в; Березин, Лисецкий, 2001б].

В.А. Петровский рассматривает развитие личности как чередование фаз, качественно отличающихся от предыдущей и последующей, которые включают: источник – цель – средство – результат (выступающий как источник развития для последующей фазы) (рис. 1).

Процесс развития личности (по В.А. Петровскому)

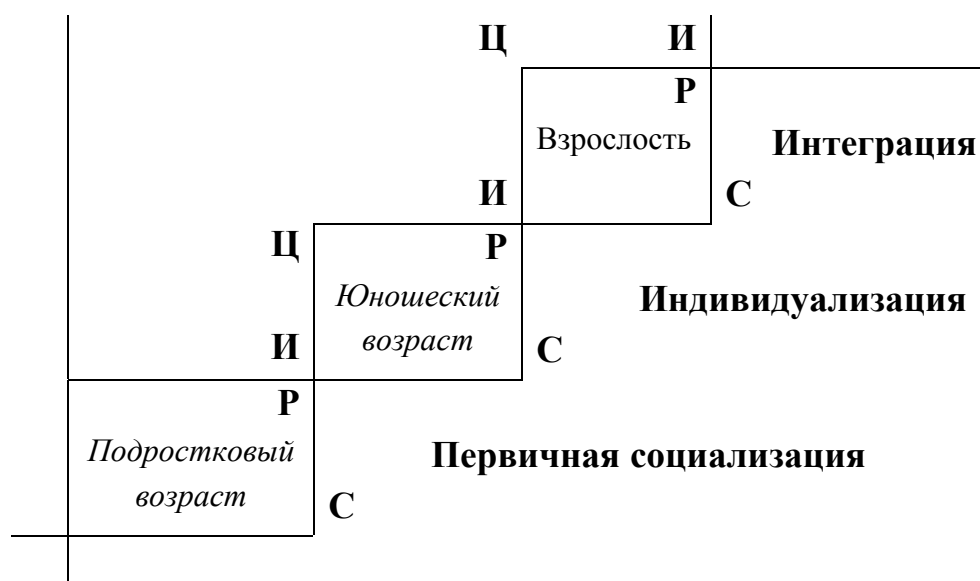

Рис. 1

Развитие личности представляется как становление особой целостности, в процессе которого человек формирует и раскрывает свою сущность и познает мир окружающей его природы, присваивает и созидает предметы культуры, обретает круг значимых друзей, проявляет себя перед самим собой.

В *познании* развитие устремлений выражается в построении категориального образа мира, проявлении творческого воображения, поиске неизвестного и парадоксального, децентрации и т.д. Развитие познавательных устремлений сопровождается яркими интеллектуальными эмоциями (удивление, сомнение и уверенность, эмоция догадки, радости открытия, успеха) и позволяет человеку выходить за пределы ограничивающей его данности окружающего мира, представляет выбор нескольких выходов из ситуации, способов достижения целей и задач.

При организации *произвольного* поведения (волевая сфера личности) устремления проявляются через целеполагание, поиск средств, контроль над исполнением, оценк результатов.

Особенностью волевого развития является становление способности и желания произвольно регламентировать свое поведение (саморегламентация как проявление свободной воли). Граница побудительна для субъекта, она влечет к себе его деятельность. Потребность в регламентации представляет собой мотивационный фактор активности и влияет на нее согласно закону Иеркса – Додсона: максимально усиливая активность при средней степени и ослабляя влияние при высоких и низких степенях (рис. 2).

Зависимость уровня устремлений от регламентации

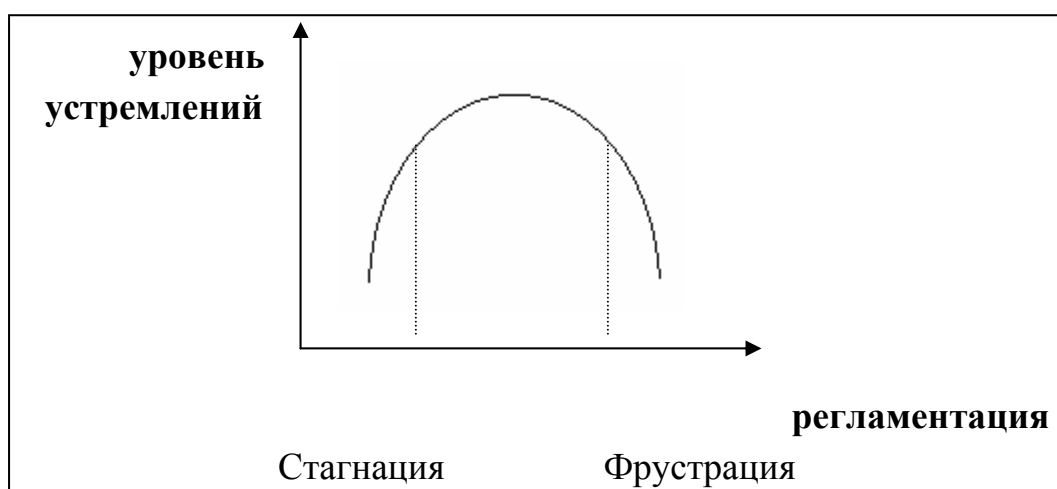

Рис. 2

Потребность в регламентации может иметь родительско-детскую природу (ранние родительские воздействия на ребенка, явление «родительского программирования») и взрослые основания, которые выражаются в способности видеть и устанавливать границы, осознавать их существование. В сфере познания граница между известным и неизвестным; в творчестве – граница между тем, что человек может создать, и тем, что он не может; при риске – граница между благополучием и угрозой существованию; в общении – граница между открытостью другим и защищенностью от них; в игре – граница между воображаемым и реальным и пр.

В отношении становления личности можно говорить о нецелесообразности, и даже опасности родительско-детской регламентации без возможности осознания и взрослой регламентации.

В *эмоциональной сфере* устремления проявляются при осуществлении эмоциональных контактов с миром – это вчувствование, выявление значимости событий, самовыражение и т.д. Развитие познавательного, собственно аффективного и произвольно-волевого направлений личности обеспечивает эмоциогенная среда: предметная, социальная, природная и среда собственного Я. Эмоциональному устремлению на уровне «хочу» в сфере «Я–другие» будет соответствовать *эмпатия*; в сфере «Я–Сам» – самопринятие, самочувствие; в сфере «Я–Природа» – вчувствование; в сфере «Я–рукотворный мир» – эстетические переживания. На уровне «могу» эмоциональные устремления проявляются во владении языком эмоций, его «алфавитом» и эмпатийным языком (как более высоким уровнем).

Развивающая эмоциогенная среда «Я–Другие» может быть условно разделена на несколько субсфер: «Я–мать», «Я–родители», «Я–отец», «Я–домашние близкие», «Я–брат/сестра», «Я–дети», «Я–воспитатель», «Я–друзья», «Я–взрослые», «Я–общественные явления».

В совместной деятельности взрослый инициирует у ребенка развитие его способности преобразовывать мир, ощущая радость (от сделанного своими руками и принятия подарков от других) и разделяя ее с другими. Развивающее эмоциогенное пространство «Я–Сам» включает «Я–телесное» и «Я–психическое/ духовное».

Основная цель развивающей среды – создать для ребенка такие условия, в которых воплощались бы его переживания «Я–могу!», в которых ребенок чувствовал бы избыточность своих возможностей и переживал удовлетворение от собственных свершений.

Если подросток не имел опыта переживания избыточности своих возможностей в преодолении внутренних и внешних факторов, препятствующих удовлетворению потребностей, а после употребления наркотика пережил это состояние, то возникает предрасположенность к наркомании. Переживание иллюзорной избыточности собственных возможностей формирует эмоциональное влечение к наркотику.

Подводя итог анализу литературных источников, можно так охарактеризовать зависимое поведение:

1) циклически повторяемый паттерн взаимодействия с миром и с самим собой, подкрепляемый переживанием удовлетворения потребностей;

2) временное ослабление внутреннего напряжения, возникающего при фрустрации значимых для личности потребностей (необходимое условие – внешний стимул к снятию внутреннего напряжения);

3) форма субъект-объектных отношений, в которых субъектом выступает предмет зависимости;

4) поведение, определяемое одним доминирующим мотивом (мономотивация);

5) искаженная форма взаимодействия со средой, направляемая фиксированной потребностью, которая замещает истинную.

По нашему мнению, это направление современных исследований наиболее перспективно, так как не только открывает возможность понимания природы аддиктивного поведения, но и намечает направления профилактики и коррекции личностных нарушений старших подростков.

§4. Анализ подходов и программ профилактики подростковых аддикций. Понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни»

В литературе, посвященной проблеме девиантности, можно выделить несколько основных *подходов* к определению риска формирования и коррекции девиантного поведения у детей и подростков [Березин, Лисецкий и др., 1998; 2001; 2005].

Наркологический подход рассматривает в качестве основных признаков риска формирования зависимых форм поведения (алкоголизм, наркомания, табакокурение, токсикомания) злоупотребление психоактивными веществами и наследственную отягощенность наркологическим и психическим заболеваниями.

Педагогический подход объясняет риск формирования девиантного поведения вредными привычками, педагогической запущенностью, воспитанием в социально неблагополучных семьях.

Правоохранительный подход в качестве основных признаков риска рассматривает определенные формы поведения (азартные игры, самовольные уходы из семьи, уклонение от учебы, участие в асоциальных детских и подростковых группах).

Психиатрический подход основное значение придает психическим нарушениям (неврозы, психопатии, депрессии, органические патологии мозга).

Психологический подход изучает факторы и условия формирования девиантного поведения у детей и подростков.

По мнению американских ученых, основная задача профилактики состоит в снижении вероятности возникновения эмоциональных

проблем в принципе [Гульдэн, Романова, Иванникова, 1990]. В связи с этим выделяют четыре возможных варианта достижения этой цели:

- 1) улучшить систему детского воспитания;
- 2) уменьшить вероятность возникновения стрессовых ситуаций;
- 3) способствовать общению людей друг с другом;
- 4) способствовать повышению их самооценки.

В литературе можно встретить также положения о школьной профилактической программе:

- мероприятия должны длиться не менее двух лет по пять занятий в каждом 6-8 классе;
- программа должна привлекать внимание к социальным воздействиям, обучать методикам отказа и давать сведения о ближайших последствиях курения;
- программа должна быть составной частью школьного обучения;
- программа должна активно привлекать школьников к анти-табачным мероприятиям;
- поощрять вовлечение родителей к мероприятиям программы; программу должны вести компетентные учителя;
- необходим учет культурных особенностей популяции [Касаткин, Неудахина, 2002].

В эволюции взглядов на программы профилактики аддиктивного поведения (табакокурения) описывают следующие этапы [Александров, 1999].

Информационные программы. Основная цель – информирование подростков, родителей, учителей, общественности о последствиях употребления психоактивных веществ. Часто рассказывается о наркотических веществах, их действии на организм человека, качестве и характеристиках удовольствия («кайфа»), которое может быть достигнуто. Информационная модель профилактики часто использует фотографии и плакаты, где изображены физические дефекты человека, принимающего наркотики, а также включающие атрибуты «наркоман-

ского» образа жизни (сигареты, иглы, шприцы, кровь, следы от инъекций, кресты, кладбища и др.) [Березин, Лисецкий и др., 1998; 2001 г.].

Если профилактику в соответствии с информационной моделью осуществляет человек некомпетентный или не пользующийся доверием у подростков, то информация становится рекламой наркотического вещества и эффектов его действия.

В настоящее время информационная модель профилактики в чистом виде используется реже, в основном – для родителей и учительских коллективов. Существуют данные, что информация, поступающая из различных источников (художественные и документальные фильмы, телепередачи, книги и брошюры, газетные и журнальные статьи, беседы со взрослыми (родителями, учителями, врачами), рассказы старших ребят и сверстников) провоцируют употребление ПАВ [Березин, Лисецкий и др, 1998].

Личностно-ориентированные программы, согласно которым ребенок не начнет курить из-за внутреннего побуждения.

Социальновоздействующие программы исходят из необходимости развить умение идентифицировать социальное влияние и обучить, как ему противостоять. В социальном влиянии можно выделить четыре компонента:

- 1) информация о негативных социальных эффектах и физиологических следствиях;
- 2) сведения о потворствующих курению влияниях сверстников, родителей, средств массовой информации;
- 3) коррекция преувеличенных представлений о распространении курения среди подростков;
- 4) тренировку, ролевые игры, практику в способах преодоления.

Когнитивно-поведенческий подход рассматривает курение как следствие воздействия социальных и психологических факторов; курение есть результат научения.

Модель жизненных умений интегрирует в себе четыре элемента социально – воздействующего подхода, методы обучения умению

принимать решения и самоконтролю из когнитивно – поведенческой модели, методы развития независимости и уверенности в себе [Березин, Лисецкий и др., 2001а, 2001б].

В нашей стране с недавнего времени разрабатываются программы профилактики на государственном уровне. Примером таких программ могут являться концепции «Профилактика наркомании и других видов зависимости от психоактивных веществ среди молодежи на 2000-2004 гг.» (разработана Экспертно-консультационным советом при Государственном комитете Российской Федерации по молодежной политике) и «Концепция профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде» (концепция комплексной активной профилактики и реабилитации (КАПР), разработанная по заказу Минобразования России).

Эти документы отражают системный, этапный, межведомственный подход к организации профилактики, которая направлена на развитие личности, укрепление душевного и физического здоровья, формирование здорового образа жизни. Базовой основой всех профилактических мероприятий признается информационно-когнитивное (образовательное) направление. Разработчики концепции КАПР выделяют следующие основные *принципы* профилактической деятельности: 1) комплексность (согласованное взаимодействие заинтересованных органов и учреждений); 2) дифференцированность (определение целей, задач, средств и планируемых результатов профилактики с учетом возраста субъектов профилактики и степени вовлеченности в наркогенную ситуацию); 3) аксиологичность (формирование представлений об общечеловеческих ценностях, здоровом образе жизни, законопослушности, уважении к человеку, государству, окружающей среде и др. как ориентиров и регуляторов поведения); 4) многоаспектность (сочетание социального, психологического и образовательного аспектов); 5) этапность; 6) легитимность (правовая база антинаркотической деятельности).

Проанализировав современные программы профилактики, мы разделили их на три основных типа: информационные программы, тренировки навыков социальной адаптации (общения, конфликтного взаимодействия, преодоления стрессов и др.), актуализации личностных ресурсов (таблица 4).

Таблица 4

Типы программ профилактики аддиктивного поведения подростков

Тип программы	Примеры	Основные задачи
Информационные	«Спасибо. Нет!» (А.Л.Нелидов) «Ваше здоровье – 2000»	Информирование об особенностях и последствиях различных форм аддиктивного поведения
Программы тренировки навыков социальной адаптации (общения, конфликтного взаимодействия, преодоления стрессов и др.)	«Навыки жизни». (А.В.Соловов). Программа копинг-профилактики. «Прививка против наркомании» (В.В. Шабалина, Г.А.Терновская). Программы формирования здорового жизненного стиля (Н.А.Сирота, В.М.Ялтонский)	В основе – копинг-стратегии. Развитие способности к когнитивной оценке проблемной ситуации. Формирование позитивной Я-концепции. Развитие социальной компетентности
Актуализации личностных ресурсов	«На пороге нового века: программы, устремленные в будущее» (С.В.Кривцова, Кнорре Е.Б. и др.). «Путешествие во времени» (О.В.Журавлева, С.П.Зуева и др.). Программа первичной профилактики (С.В.Березин, К.С.Лисецкий, Н.Ю.Самыкина, Е.В.Литягина и др.)	Осознание временных перспектив. Открытие способов удовлетворения потребностей с использованием собственных ресурсов. Осознание собственных возможностей и способностей. Самореализация и самораскрытие. Работа с решением задач взросления

Особенности *информационного типа* программ первичной профилактики аддиктивного поведения мы уже рассматривали выше.

В основе программ *тренировки навыков* («Навыки жизни» [Соловов, 2000], Программа копинг – профилактики «Прививка против наркомании» [Шабалина, Терновская, 2001], Программы формирования здорового жизненного стиля [Сирота, Ялтонский, 2000]), лежат копинг-стратегии. Программы направлены на усвоение адаптивных способов совладания со стрессом через обучение здоровому поведению, способность и возможность осуществлять когнитивную оценку проблемной ситуации, сформированность позитивной Я-концепции (самооценки, самоуважения, самоэффективности), способность самостоятельно контролировать свой поведенческий выбор; развитие коммуникативных навыков (умение сопереживать, общаться, понимать окружающих и прогнозировать их поведение), повышение социальной компетентности, оказание социальной поддержки, предупреждение инициации употребления наркотиков посредством обеспечения готовности подростков сказать осознанное «нет».

Программы *актуализации внутренних ресурсов* ориентированы на поиск ресурсов для выхода из постоянно возникающих проблемных ситуаций внутри личности подростка, возвращение устремлений в когнитивной, эмоциональной и волевой сферах («На пороге нового века: программы, устремленные в будущее» [Кривцова и др., 1997], «Путешествие во времени» [Журавлева и др., 2000], Программа первичной профилактики наркомании [Березин, Лисецкий, Самыкина и др., 2001в]). Ведущими целями этого типа программ являются помощь в осознании жизненных перспектив и эмоциональной привлекательности будущего без зависимостей, в осмыслении своего настоящего через призму прошлого и будущего; создание условий, способствующих приобретению подростками нового положительного социального опыта для личностного развития в процессе содержательного общения, содействие подросткам в

решении актуальных и онтологически значимых для них задач взросления.

По нашему мнению, последний тип программ профилактики оказывается наиболее перспективным и адекватным современным условиям. Для проведения своего исследования мы воспользовались программой первичной профилактики наркомании, направленной на содействие в решении задач взросления подростков.

Программа первичной профилактики наркомании. Целью первичной профилактики является повышение психологической устойчивости подростков и юношей к наркотической контаминации (заражению). Авторами программы были выделены следующие задачи:

- 1) минимизация факторов наркориска психологического характера;
- 2) овладение учащимися психотехнологий преобразования негативных установок в личностно развивающие;
- 3) поиск индивидуальных и групповых стратегий преодоления экзистенциального отчаяния и связанных с ним негативных переживаний;
- 4) снижение онтологической энтропии, развитие личностной субъектности и самосознания.

Первый вариант программы был разработан коллективом психологического факультета Самарского государственного университета в 1996 г. Она основывалась на лонгитюдном изучении случаев становления личности, свободной от наркотиков в неблагоприятных условиях среды, и представляла собой технологию работы с подростками и студентами [Березин, Лисецкий и др., 1998, 1999]. В настоящее время программа профилактики наркомании претерпела качественные изменения. Сейчас она ориентирована, прежде всего, на содействие в решении онтологически значимых задач взросления и является хорошо апробированной разработкой нашего научного коллектива [Березин, Лисецкий, Литягина, Самы-

кина, Серебрякова и др., 2000; 2005а; 2005б; 2001а; 2001б; 2001в; 2001г; 2002; 2003; 2005а; 2005б].

Обобщив данные теоретического анализа концепций и программ, можно выделить некоторые общие принципы организации работы с подростками и молодежью.

- Системность (межведомственное взаимодействие).
- Дифференцированный подход к различным субъектам профилактики (дети, подростки, молодежь, родители, педагоги и др.).
- Развитие волонтерского движения.
- Проведение профилактики аддиктивного поведения методами информирования о последствиях злоупотребления ПАВ; формирование навыков и ценностей здорового образа жизни и антинаркотических установок; формирование эффективных стратегий преодоления кризисных ситуаций (стрессоустойчивость); развитие коммуникативных навыков, способность противостоять давлению группы (умение сказать «нет») и др.

Анализ современных концепций и программ показывает, что профилактика в основном связывается с термином «формирование», т.е. предполагается отсутствие в личности подростка каких-то качеств, недоразвитость навыков, неверные жизненные ориентации и др. Недостаточно уделяется внимания при разработке программ внутреннему миру личности, ценностям и потребностям подростков. Также необходимо отметить, что в программах практически отсутствуют критерии эффективности профилактического воздействия.

Одно из первых исследований эффективности программ профилактики зависимого поведения было проведено в 1989-1990 гг. В.В. Гульдано, О.Л. Романовой, И.В. Иванниковой. Критерием эффективности в реализации программы рассматривался сдвиг в знаниях школьников об алкоголе, табаке, наркотической зависимости, правильном поведении в ситуациях, провоцирующих их употребление [Гульдан, Романова и др., 1990].

А.Е. Неудахина проводила сравнительный анализ реализации программы «Здоровье» в трех регионах РФ (Москва, Ивановская область, Республика Татарстан) [Касаткина и др., 2001; Неудахина, 2002]. Психолого-педагогическая оценка влияния программы «Здоровье» на изменение поведения и мировоззрения учащихся осуществлялась на основе изучения установок детей по отношению к проблеме здоровья.

Косвенно критерии эффективности проводимой профилактической работы содержатся в целях и задачах рассмотренных выше концепций и программ, но они носят скорее медико-социальный, а не психологический характер и сводятся к следующему:

- 1) снижение спроса на наркотики и другие ПАВ;
- 2) снижение заболеваемости наркоманиями, токсикоманиями и алкоголизмом, а также сопутствующими заболеваниями;
- 3) улучшение показателей здоровья (группы здоровья).

Этот факт не случаен. В настоящее время более или менее четко определены критерии физического здоровья, чего нельзя сказать о психическом и социальном здоровье. Считаю необходимым подробнее рассмотреть два важных понятия: «здоровье» и «здоровый образ жизни».

Понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни»

Проблема здоровья и здорового образа жизни освещается в трудах философов (М.Н. Руткевич, А.П. Бутенко, В.З. Коган, Е.П. Капустин, В.И. Столяров и др.), социологов (А.В. Лисовский, Л.Я. Рубина, И.М. Быховская, В.В. Бовкун и др.), медиков (Ю.П. Лисицына, Н.М. Амосов, В.Е. Апарин и др.), психологов и педагогов (Т.А. Ильина, В.А. Сластенин, М.Я. Виленский, П.А. Виноградов и др.) [Барышева, 1997].

Современная медицина, критикуя определение здоровья, данное еще в 1948 году в Уставе Всемирной организации здравоохранения, за слабую практическую применимость, другой общеупотребимой трактовки этого понятия пока не предложила.

Здоровье – это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие.

П.И. Калью, проведя анализ сущностных признаков здоровья в трудах разных авторов, группировал все их разнообразие в соответствии со следующими моделями определения понятия здоровья [Никифоров, 2002].

В *медицинской* модели здоровьем считают отсутствие болезней и их симптомов, при этом упор делается на медицинские признаки и характеристики.

Биомедицинская модель рассматривает здоровье как отсутствие у человека органических нарушений и субъективных ощущений нездоровья. Основной акцент делается на природно-биологической сущности человека.

Согласно *биосоциальной* модели здоровье включает в себя биологические и социальные признаки, которые рассматриваются в единстве, но при ведущей роли последних.

Ценностно-социальная модель предполагает, что здоровье является для человека ценной, необходимой предпосылкой для полноценной жизни.

А.В. Моложавенко, изучив причины нездоровья, указывает, что в настоящее время исследователи все чаще приходят к выводу о том, что главная причина заключается в отсутствии у подростка сформированной внутренней позиции, определяющей целенаправленную деятельность по укреплению собственного здоровья [Моложавенко, 2002]. Выбор подростком образа жизни, связанного с ценностными представлениями о себе, с возможностями позитивного социального влияния и гибкого (имеющего ресурсы выбора) поведения, обеспечивает продуктивно-успешные результаты деятельности в контексте здоровья как ценностной категории.

Г.С. Никифоров в своей работе «Психология здоровья» называет наиболее часто встречающиеся в литературе критерии психического и социального здоровья (таблица 5) [Никифоров, 2002].

Здоровый образ жизни традиционно определяется как совокупность внешних и внутренних условий жизнедеятельности человеческого организма, при которых все его системы работают долговечно, а также совокупность рациональных методов, способствующих укреплению здоровья, гармоничному развитию личности, методов труда и отдыха [Никифоров, 2002].

Согласно программному документу «К здоровой России. Политика укрепления здоровья и профилактики заболеваний» [Р.Г. Очачнов, Р.А. Халатов, Г.С. Жуковский и др., 1994] здоровый образ жизни определяется как поведение, базирующееся на научно обоснованных санитарно-гигиенических нормативах, направленных на сохранение и укрепления здоровья. ЗОЖ выражает ориентированность личности на укрепление и развитие личного и общественного здоровья, реализует наиболее ценный вид профилактики заболеваний – первичную профилактику, предотвращающую их возникновение, способствует удовлетворению жизненно важной потребности в активных телесно-двигательных действиях [Барышева, 1997].

По определению Ю.И. Смирнова, понятие «ЗОЖ» содержит пять смысловых значений. ЗОЖ как конкретный вариант образ жизни, результат теоретического осмысления реальной жизнедеятельности человека. ЗОЖ как медико-педагогическая система рациональной жизнедеятельности человека в сфере труда, быта и отдыха. Физическая и экологическая культура обеспечивает гармоничное развитие личности человека, максимальную реализацию его индивидуального и общественно значимого потенциала. ЗОЖ как реальное и эффективное средство стабилизации здоровья и выживания населения в условиях системного кризиса. ЗОЖ как результат физической активности охраны и улучшения здоровья населения [Абдульманова, Минкина, 2002].

Критерии психического и социального здоровья

(по Г.С.Никифорову)

Здоровье	Нездоровье
Психические процессы	
<ul style="list-style-type: none"> - адекватность психического отражения, - адекватное восприятие самого себя, - способность концентрации на предмете и удержание информации в памяти, - способность к логическому и критическому мышлению, - креативность и др. 	<ul style="list-style-type: none"> - неадекватность восприятия себя, - нелогичность, - снижение когнитивной активности, - неорганизованность, категоричность (стереотипность) и некритичность мышления, - повышенная внушаемость
Психические состояния	
<ul style="list-style-type: none"> - эмоциональная устойчивость, - зрелость чувств соответственно возрасту, - совладание с негативными эмоциями, - естественное проявление чувств, эмоций, - способность радоваться, - сохранность привычного самочувствия 	<ul style="list-style-type: none"> - чувственная тупость, - беспричинная злость, враждебность, - ослабление как высших, так и низших инстинктивных чувств, - повышенная тревожность
Свойства личности	
<ul style="list-style-type: none"> - оптимизм, доброжелательность, - уравновешенность, самоконтроль, - нравственность, чувство долга, - адекватный уровень притязаний, - уверенность в себе, независимость, - несклонность к лени, воля, - непосредственность (естественность), - чувство юмора, - самоуважение, - адекватная самооценка, - энергичность, активность, - целеустремленность (обретение смысла жизни) 	<ul style="list-style-type: none"> - зависимость от вредных привычек, - уход от ответственности за себя, - утрата веры в себя, свои возможности, - неадекватная самооценка, - утрата интереса, любви к близким, - пассивная жизненная позиция, - чрезмерное усиление или ослабление самоконтроля, - неадекватное восприятие мира, - дезадаптивное поведение, - конфликтность, враждебность, - эгоцентричность (жестокость, бессердечность) и др.

Ни в одном значении ЗОЖ не понимается как основной принцип, которому должен следовать взрослеющий человек! Здоровый образ жизни – это укрепление, сохранение, поддержание, результат опыта, средство..., но никаких не здоровье! Если мы будем понимать здоровый образ жизни как ограничение, то вряд ли здоровый взрослый человек, не говоря уже о подростке, обрадуется этому новому принципу жизни.

Проблема формирования привычек здорового образа жизни, сознательного отношения к своему здоровью и физической подготовленности актуализируется на всех этапах возрастного развития личности и является важнейшей характеристикой конкурентоспособного человека. Решение данной социально значимой проблемы должно осуществляться за счет новых подходов к системе физического воспитания, эффективной реализации его валеологического потенциала [Барышева, 1997].

Выделяют следующие функции ЗОЖ:

1) поло-возрастную идентификацию (соответствие физического созревания возрасту и полу подростка);

2) самопонимание (выраженный интерес подростка к познанию своего внутреннего мира, обеспечивающий формирование и становление зрелых морально-ценностных установок);

3) коммуникативную (направленность и ориентация подростка на построение партнерских отношений с другими людьми, адекватное понимание важности и значения диалогического взаимодействия со сверстниками и взрослыми);

4) самоопределение (самостоятельность подростка в решении собственных проблем и выборе будущей профессии, путей социального самоопределения) [Моложавенко, 2002].

Выделенные функции рассматривались как ориентиры, которые определяли для педагога пути профилактики аддиктивного поведения подростка, позволяли обнаружить составляющие ЗОЖ,

обеспечивающие реализацию этих функций в формировании и становлении подростка.

В литературе можно найти также причины, которые препятствуют формированию адекватного отношения к здоровью [Никифоров, 2002]. Среди них выделяют следующие причины.

– *Здоровый человек (каким в норме является подросток) не замечает своего здоровья, воспринимает его как естественную данность.*

– *Здоровье приобретает актуальную жизненную необходимость, когда оно уже нарушено.*

– В основе нездорового поведения лежит феномен «*нереалистического оптимизма*», который развивается из отсутствия личного опыта болезни, веры в то, что, если заболевания нет, то его и не будет в будущем, вера в возможность справиться с болезнью.

– Нездоровое поведение приносит сиюминутное удовольствие, а последствия этих поступков кажутся далекими и маловероятными.

– Если рекомендации по укреплению и сохранению здоровья, полученные от средств массовой информации или врача, не совпадают с представлениями человека, то вероятность их выполнения будет невысокой.

– Существует возрастная динамика значимости здоровья. Его приоритетная роль чаще отмечается представителями среднего и особенно старшего возраста. Молодые люди обычно относятся к проблеме здоровья как к чему-то достаточно важному, но абстрактному, не имеющему к ним прямого отношения. Если они уделяют внимание здоровью, то преимущественно его физической составляющей.

– Существует эффект задержанной обратной связи: результат от заботы о поддержании здоровья отсрочен во времени. Это одна из главных причин негигиенического поведения людей.

Основа здорового образа жизни обеспечивается рядом факторов, выделенных Беллоком и Бреслау (1965г.): сон (7-8 часов), регуляр-

ное питание, отказ от дополнительного приема пищи (т.е. в перерывах между ее приемами), вес, не превышающий 10% оптимальный-более, чем на 10%, регулярные занятия спортом и закаливание, ограничение алкоголя, отказ от курения. Кроме того, ЗОЖ предполагает соблюдение правил личной гигиены, разумное соотношение труда и отдыха, удовлетворенность работой, достаточную медицинскую активность, наличие семьи [Никифоров, 2002].

Из перечисленных факторов ЗОЖ можно видеть, что многие из них просто не реально соблюдать в подростковом возрасте. Организация учебно-воспитательного процесса осложняет, а иногда делает практически невозможным соблюдение тех правил ЗОЖ, которые декларируются взрослыми. Перегруженность учебными предметами, факультативы, подготовительные курсы у выпускников, легкомысленное отношение к урокам физкультуры даже у самих преподавателей – все это препятствует нормальному ритму сна – бодрствования, питания, не говоря уже об удовлетворенности от выполняемой деятельности.

Проведенное нами исследование ценностей подростков выявило устойчивое противоречие между общепринятыми «взрослыми» представлениями о ценностях подросткового возраста и реальными ценностями периода взросления. В списке важных жизненных ценностей здоровье занимает десятое место, причем здоровье близких (родителей, родственников) является более значимым, чем собственное здоровье. Для взрослых «здоровье» и «здоровый образ жизни» являются очень близкими по значению. Здоровый образ жизни рассматривается взрослыми как условие сохранения здоровья. Для подростка здоровье ценно, в том смысле, что дает возможность экспериментировать с собой и со своим телом, выявляя таким образом свои возможности и способности (подробнее об исследовании см. в Главе II). Понятно, что в таком понимании формировать навыки здорового образа жизни неэффективно с точки зрения профилактики наркомании.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются специалисты, осуществляющие профилактическую деятельность, – это оценка эффективности профилактических программ. Она может быть как непосредственной, кратковременной, так и отставленной во времени. Среди критериев оценки результативности программ профилактики часто называют следующие: численность участников, отношение к программе, изменение информированности, изменение намерений, изменение отношения к ПАВ, изменения поведения, изменения отношения к себе, изменения в общении. Тренинги, ориентированные на развитие коммуникативной компетентности учащихся, тренинги личностного роста, здоровьесберегающие технологии часто заменяют программы профилактики аддиктивного поведения.

На сегодняшний день любую программу, где в целях указывается профилактика вредных привычек или развития наркомании, относят к типу профилактических, не обосновывая при этом принципы организации профилактики, цели и ожидаемые результаты. Ситуация усугубляется тем, что при противоречивости выделенных критериев психического и социального здоровья очень сложно оценить эффективность той или иной профилактической программы.

Таким образом, мы имеем множество критериев социального и психологического здоровья, которые не помогают ни конструировать, ни оценивать профилактические программы, по причине своей крайней противоречивости. Если воспитывающие взрослые не знают, что хотят получить и как оценить результат, вряд ли они могут построить эффективные программы сопровождения развития личности взрослеющего человека. Выход из этой ситуации – «идти от подростка», развивать и поддерживать естественные устремления и создавать условия для решения ЕГО задач взросления, а не «предупреждать» о последствиях, с которыми (после несоблюдения правил ЗОЖ) сталкиваются потерявшие здоровье взрослые.

В результате проведенных исследований (1996-2006), нам удалось найти более точные ответы на такие важные вопросы, как:

- в чем состоят психологические особенности личности, устойчивой к наркотической контаминации?

- что представляют собой возрастные и индивидуальные закономерности развития личности подростка, исключающие возможность употребления наркотиков?

- в чем заключаются субкультурные особенности наркотизма?

- какие семейные предпосылки влияют на наркозависимость и созависимость?

- каковы психологические механизмы динамики личности, употребляющей наркотики?

- в чем причины низкой результативности сложившихся на сегодня подходов и программ к профилактике наркомании и реабилитации наркозависимых, какие противоречия и заблуждения снижают их эффективность?

- как повысить результативность деятельности специалистов в области профилактики наркомании и реабилитации наркозависимых?

- что составляет психологические основы и каковы эффективные модели профилактики наркотизма?

На первом этапе (1995-1998 гг.) мы получили очень убедительный, на первый взгляд, список основных личностных свойств, способствующих поддержанию психологической устойчивости к наркотическим соблазнам. В обобщенной форме он представлял собой следующее:

- стрессоустойчивость,

- низкая внушаемость,

- стремление удовлетворять любопытство к неведомым сферам жизни, минуя потерю сознательного контроля [Березин, Лисецкий, 1998].

На основе полученных данных мы разработали программу психологических тренингов, способствующих развитию названных ка-

честв личности, и предположили, что создали эффективную профилактическую программу наркотизма. Однако наши ожидания не оправдались. Значительное число школьников и учащихся ПТУ, прошедших программу, оставались за чертой непредсказуемости в отношении употребления наркотиков.

В период 1992-1998 гг. в России различные специалисты (педагоги, медработники, психологи) предлагали профилактические программы, разработанные либо самостоятельно, либо в результате адаптации зарубежных программ. Подробный анализ большинства известных программ, включая наиболее известные зарубежные, приведен в нашей монографии «Пути и методы предупреждения подростковой и юношеской наркомании» [Березин, Лисецкий, Орешникова и др., 1999].

Продолжение исследований привело к тому, что первоначальный список качеств наркоустойчивости личности был преобразован, дополнен и расширен. Теперь он представлял собой систематизированный перечень обобщенных факторов наркотизации. Каждый из них был оснащен психотехнологией предупреждения или компенсации, включая систему параметров контроля и оценки [Березин, Лисецкий и др., 2001в].

1. Избегание стресса.
2. Любопытство.
3. Внушаемость.
4. Незрелость навыков поведения в проблемных ситуациях.
5. Инфантильность.
6. Педагогическая запущенность.
7. Последствия травм.

Мы продолжали выявлять все большее количество причин и предпосылок наркотизации, подробный анализ которых занимал все больше места в наших публикациях. Мы, как и многие другие специалисты, продолжали находиться «в плену» принципа психологической сообразности и традиционных взглядов на наркотиза-

цию как на следствие чего-то, полагая, что если устранить выявленную причину, или психологически подготовить подростка к встрече с ней, то он станет на всю жизнь защищенным от наркотиков. Достаточно научить его говорить «наркотикам – нет!», и все у него будет хорошо.

Новые эмпирические данные позволили нам строить более совершенные профилактические программы, направленные на предупреждение наркотизма. К сожалению, их результативность не соответствовала ожиданиям. «Ответственность» подростка, выученная как урок, «взросление» в условиях ролевого контекста всякий раз оставались неэффективными. Ошибки, которые мы совершали, многие специалисты продолжают совершать и сегодня. В результате уходит время, разбазариваются государственные средства, погибают дети, а несуществующие успехи обосновываются достижениями «нулевого роста»... Ответственность и субъектность как послушность в подростковом возрасте невозможна.

Характерная реплика подростка после школьной лекции о вреде наркотиков: «Когда подневольные пытаются учить жить своевольных, то сначала становится смешно, а потом скучно. Из жалости или чтобы не скучать, мы им подыгрываем».

Развитие личности по предписаниям часто вызывает эффект, обратный взрослению – инфантилизацию. Инфантилизация прогрессирует, если личностно-психологическое взросление, включающее процесс саморазвития личности подростка, существенно отстает от его ролевого развития. Инфантильная личность, оказываясь в условиях «ролевой взрослости», взрослых требований, взрослых решений, жестких предписаний, вынуждена постоянно испытывать неудовлетворенность собой. Это состояние становится «валовым чувством» неблагополучия – генерализованной неудовлетворенностью личности. Для него характерным является постоянное, трудно преодолимое переживание либо беспокойства, либо скуки. Наркотики всегда способны обеспечить человека устойчи-

вой мотивацией и универсальными средствами снятия такого рода неудовлетворенности.

§ 5. Ролевое и личностное взросление

Задачи ролевого и личностного взросления могут быть одинаковыми, но результаты их решения могут быть совершенно противоположными. Практика показывает, что личность может опережать свой хронологический возраст, а может заметно отставать от него. Более того, знания, умения, навыки социального поведения, которые соответствуют требованиям, предъявляемым обществом к каждому конкретному возрасту, могут быть освоены только на внешнем, ролевом уровне, оставив минимальный след в личностно-психологической организации человека. Соответственно, если за возрастную характеристику человека принять его способность справляться с задачами соответствующего уровня, то эти задачи необходимо будет разделить на два класса: ролевые задачи возраста и личностно-психологические задачи взросления.

Способы решения ролевых задач возраста индивид осваивает по образцам в условиях управления извне. Личностно-психологические задачи взросления невозможно научиться решать вне самодвижения, без проявления своей субъектности в условиях неопределенности, непредсказуемости, неповторимости. Термин «субъектность», вслед за В.А.Петровским, мы понимаем как ответственность за непредрешенность. Роль можно выбрать и в дальнейшем придерживаться ее в той или иной мере, личность придумать невозможно – **ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВ, ТОЛЬКО БУДУЩИ СОБОЙ**. Период взросления неизбежно отмечен непредсказуемостью, поэтому-то ее «снятие» по подсказке воспитателя может приводить к результатам, противоположным ожиданиям воспитывающих взрослых.

Мы считаем, что выбор правильного подхода к проблеме возрастных особенностей старшеклассников чрезвычайно важен, поскольку имеющаяся сегодня педагогическая практика показывает недостаточность опыта, которым располагают воспитатели, особенно если речь идет о профилактике различного рода негативных зависимостей (курение, алкоголь, наркотики).

Взрослеющий человек в отличие от взрослого вынужден в короткий промежуток времени находить варианты решения основных задач своего дальнейшего развития, одновременно развивая свое «Я» как субъекта выбора себя, то есть как постановщика задач.

Главная проблема заключается в том, что ЭТИ ЗАДАЧИ, при множестве различных социальных институтов, призванных оказывать помощь, КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПЕРИОД ВЗРОСЛЕНИЯ ДОЛЖЕН РЕШАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО. «Движение» личности подростка в процессе решения этих задач всегда противоречиво, конфликтно, парадоксально, индивидуально неповторимо. Подросток находится в положении маргинальной личности (принадлежащей двум культурам), он **не хочет больше принадлежать сообществу детей и в то же время знает, что он еще не взрослый.**

Наши исследования показали, что программы профилактики не должны и не могут строиться на основе представлений взрослых о ценностях жизни, на их воспоминаниях о перипетиях их собственного детства. Профилактические программы должны быть обращены к периоду взросления как самоценному периоду в жизни человека с только ему присущими ценностями, конфликтами и проблемами. Воспитателям важно понять, что привлекательными для подростка является не психоактивное вещество, а новые возможности, которые открываются ему при употреблении наркотиков [Лисецкий, Литягина, 2004].

Ранее доказанное положение о том, что у наркомании нет специфических причин [Березин, Лисецкий и др., 1998], позволяет нам утверждать, что поводом для употребления подростками наркоти-

ческих веществ может быть все, что угодно, тогда как зависимость от них возникает и формируется там и тогда, где и когда «субъект» получает средства, соединяющие новые возможности с новым отношением к себе (к миру) в момент «снятия» состояния генерализованной неудовлетворенности. Если же состояние генерализованной неудовлетворенности, свойственное подростковому возрасту, циклически возвращается к своему владельцу через определенный промежуток времени, то мотив ее преодоления приобретает форму зависимости, так как оказывается ненасыщаемым, а субъектность без ответственности – незавершенной.

Самостоятельная локализация неудовлетворенности, преодоление себя на фоне переживания избыточных возможностей являются атрибутами процесса взросления подростка. С точки зрения педагогической практики, содержание процесса взросления удобнее всего представить в виде комплекса задач развития и саморазвития личности. Задачи развития имеют образцы, четкие критерии и методы решения. Задачи личностного саморазвития, по сути дела, являются задачами взросления, онтологического укоренения личности в себе и в мире, и потому более неопределенны и многозначны.

Осмысленная локализация состояния неудовлетворенности, формирование стремления к переживанию избыточных возможностей, самоценных форм активности, мотивации саморазвития возникают и воспроизводятся в процессе решения онтологически значимых задач взросления. Однако, эти задачи, являясь объективными условиями периода взросления, могут способствовать как взрослению личности подростка, так и его инфантилизации – выученной беспомощности.

Наши многочисленные исследования подтвердили, что эффективным средством локализации неудовлетворенности в период взросления является развитие устремлений.

Возможность действовать, не связанная с какими-либо внешними требованиями, порождает новый мотив, предметом которого яв-

ляется переживание особого состояния «множественности исходов», избыточности возможностей. Условием возникновения этого состояния является наличие неопределенности и непредсказуемости событий. Процессом и результатом – саморазвитие. Устремление – новая динамическая константа личности, которая, возникнув однажды, продолжает оказывать влияние на дальнейшую эмоциональную и творческую активность человека [Петровский, 1992; 1996а].

Результаты наших исследований позволяют утверждать, что профилактика наркотизма и других видов негативных зависимостей без развития устремлений и содействия подросткам в решении их задач взросления бесполезна и сверхзатратна. Ролевое поведение подростка, выученное на «отлично», но не укорененное личностно, еще больше нарушает целостность его «Образа Я», обостряет противоречия в его «Я-концепции».

Сегодня необходимы качественно новые модели и программы профилактики наркотизма среди подростков и молодежи, основанные на развитии устремлений, решении задач взросления, восстановлении целостности «Образа Я», онтологической укорененности личности.

§ 6. Мультипричинность возникновения зависимого поведения

Исследования, посвященные подростковой наркомании, показали, что выделение конкретных причин наркотизации подростков и старшеклассников является невозможным. Распространение наркомании связано с одновременным существованием нескольких групп факторов, каждая из которых, взятая в отдельности, не является определяющей. обстоятельный анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблемам наркомании показал многообразие точек зрения и подходов к данному вопросу. Если обобщить причины, перечисляемые авторами, получится список,

который, однако, не будет исчерпывающим [Лисецкий, 2003; Березин, Лисецкий и др., 2005б].

- Подражание взрослым, специфика социализации и поиск новых впечатлений, нарушения в эмоциональной сфере.

- Стресс, внушаемость, любопытство, педагогическая запущенность, последствия травм.

- Экономические причины, несовершенство законодательства, традиции употребления легальных наркотиков (кофе, табак, пиво, алкогольные напитки).

- Семейные проблемы, наследственность, психопатологии, неполная семья, деструктивная семья, ригидная семья и т.д.

- Особенности характера, такие, как уступчивость, чувство вины, нерешительность, внушаемость, тревожность и т.д.

- Личностные особенности, аффилиативность (поиск покровителя), потребность в признании, подавленность душевных и сексуальных переживаний, психологическая защита, стиль поведения и мышления и т.д.

Для удобства мы обобщили и классифицировали все названные различными авторами причины по нескольким основаниям, получив, таким образом, совокупность факторов, находящихся во взаимодействии друг с другом.

Факторы наркотизации условно можно разделить на объективные и субъективные. Внутри объективных причин выделяют макропричины и микропричины. Субъективные разделяются на индивидуально-биологические, индивидуально-психологические и личностно-психологические (рис.3).

Рассмотрим подробнее каждую группу факторов.

Объективные факторы. Их наличие не зависит от индивида, это объективно существующие условия, влиять на которые человек практически не может. К объективным факторам относят социально-экономическое состояние общества, традиции, реклама, климат в семье и школе и т.д. Макропричины – это условия, существующие

щие в обществе в целом, а микропричины – это условия внутри той социальной группы, в которой находится субъект.

Классификация факторов и причин наркотизации

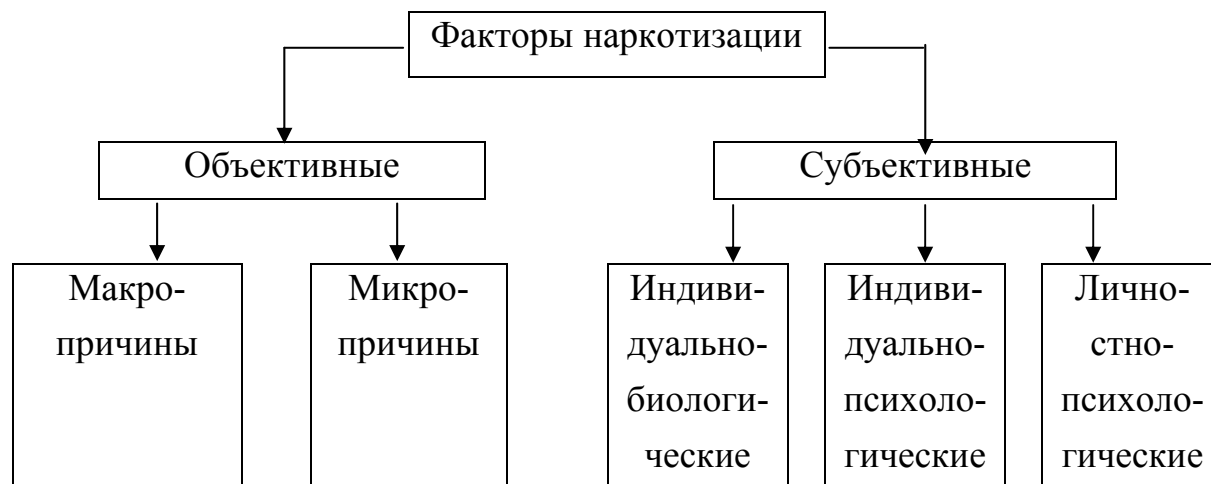

Рис. 3

Объективные макропричины

Экономическое/социальное неблагополучие

Дети из социально неблагополучных семей, для которых характерны социальная изолированность, неудовлетворительные жилищные условия, родители которых имеют малопрестижный род занятий или являются безработными, больше подвержены риску быть постоянными участниками правонарушений и часто злоупотреблять алкоголем и наркотиками. Экономически (социально) неблагополучные условия могут быть определены социальным работником, социальным педагогом как один из возможных факторов риска.

Задача социальных отделов – способствовать социальной адаптации неблагополучных семей посредством реализации возможных правовых или экономических мер (выделение материальной помощи, содействие в устройстве родителей и трудоспособных детей на работу, определение детей в санатории, детские лагеря, социальные гостиницы и т.д.)

С другой стороны, так же высок шанс наркотизации у детей из внешне благополучных, состоятельных семей: озабоченность родителей своим социальным положением, напряженность, тревожность, конфликты, часто возникающие в отношениях между бизнесменами и их супругами и детьми, создают неблагоприятную обстановку в семье, что не может не отразиться на психологическом благополучии подростка. К сожалению, многие состоятельные люди (особенно, отцы) по тем или иным причинам не всегда признают наличие неблагоприятной атмосферы в семье, поэтому вовремя не обращаются к психологу. Со стороны центров социально-психологической помощи контроль практически невозможен, поскольку без запроса (обращения) специалисты не могут вмешиваться в семейную ситуацию и, следовательно, противостоять возможной наркотизации подростка. В данном случае важным является сотрудничество центров социально-психологической помощи со школами, лицеями, колледжами и другими, в том числе и негосударственными, образовательными учреждениями, в которых специалисты (педагоги, психологи) имеют больше возможностей общения с детьми и их семьями, а значит, больше возможностей профилактической работы.

Неблагоприятное окружение и общественная необустроенность

Районы, отличающиеся высоким уровнем преступности, с часто меняющимися жильцами, не способствуют возникновению чувства единения и общности среди людей, населяющих их, которое существует в более благополучных районах с меньшей плотностью заселения и низким уровнем преступности. Неблагоприятное соседство и общественная необустроенность способствуют распространению злоупотребления алкоголем среди местной молодежи.

Задачей организаций, занимающихся профилактикой наркомании, в данном случае является сотрудничество с правоохранительными органами в целях ужесточения контроля над распространени-

ем наркотических веществ в данном районе, а также создание досуговых центров, подростковых клубов, отделов внешкольной работы, структурирующих свободное время детей и подростков, проживающих в этом районе.

Противоречия и несогласованность в законодательстве

Положение дел с употреблением алкоголя и наркотиков напрямую связано с существующими законами и правилами, действующими в отношении алкоголя и наркотиков, содержащимися в федеративном и местном законодательствах. Кроме того, сейчас сложилось явно негативное отношение к законам и законодательной власти, поэтому существует опасность игнорирования законов как выражение протеста против существующей политической и экономической ситуации в нашей стране. Также важно, что изменения в законодательстве не всегда становятся известны обывателю, и незнание этих изменений может поставить человека вне закона.

Задачей работников центров социально-психологической помощи, в частности, юридических отделов, является просвещение детей и родителей по вопросам законодательства в отношении наркомании и лиц, распространяющих и употребляющих наркотики.

Доступность алкоголя и наркотиков

Доступность алкоголя и наркотиков объективно связана с вероятностью злоупотребления ими. В школах, где наркотики более доступны, существуют более высокие показатели употребления наркотиков. Кроме того, на вероятность употребления наркотиков оказывает влияние соседство со школой ночных клубов, ресторанов, кафе, продуктовых магазинов, рынков, парков и других мест с пониженным контролем над распространением наркотиков и алкоголя. Действительно, несмотря на существующий запрет на продажу алкоголя детям до 18 лет, многие продавцы в целях увеличения прибыли продолжают снабжать подростков алкоголем и не несут за это никакой ответственности.

Также, как и в случае неблагоприятного окружения и социальной необустроенности, необходимо сотрудничество центров и администраций учебных заведений с правоохранительными органами, а также с органами государственного муниципального управления.

Реклама

К сожалению, легальные и нелегальные наркотики рекламируются чрезвычайно широко. Речь идет как о явной, так и о скрытой рекламе.

Алкогольные и табачные изделия рекламируются открыто. Сопровождающая их информация, например, «Полная свобода...», «Всегда первый...», «Свежий взгляд на вещи...» и т. п. прочно связывает в сознании подростка табак и алкоголь с ценностями жизни: свобода, достижения, престиж, дружба. Наличие этих связей, обнаруживающихся только с помощью психодиагностики, как правило, не осознается, что делает их еще более опасными. Увы, эксплуатируется вечное стремление человека к свободе. Но свободным делает только внутренняя свобода, а отнюдь не наркотик!

Реклама, к сожалению, принадлежит к числу макрофакторов, предупредить влияние которых порой невозможно. Противостоять рекламе может только эмоционально зрелый и самодостаточный подросток, не испытывающий эмоционального дефицита в отношениях со сверстниками и окружающими взрослыми людьми.

Объективные микрочины

Частые перемены места жительства

Частые перемены места жительства оказывают отрицательное влияние на подростка, поскольку сталкивают его с необходимостью построения отношений с новыми друзьями, соседями, одноклассниками, что нередко обуславливает появление трудностей и проблем. Чем чаще семья переезжает, тем выше опасность возникновения проблем, связанных с употреблением наркотиков. Однако ес-

ли семья умеет органично вливаться в жизнь общества на новом месте, а соседи ей рады, данный риск понижается.

Задача центров социально-психологической помощи состоит в данном случае в помощи семьям и особенно подросткам в адаптации на новом месте: предоставление необходимой информации о школах, медицинских учреждениях в данном районе, городе, а также тесное сотрудничество с классными руководителями, в чей класс поступили новые дети.

Семейная предрасположенность

Дети, рожденные или воспитанные в семьях с алкогольными традициями, подвержены большому риску пристраститься к алкоголю и другим наркотикам. В этом свою роль играют как генетические факторы, так и влияние непосредственного окружения. Например, мальчики, родившиеся в семье алкоголика, даже воспитываясь в семье, усыновившей их, подвергаются в четыре раза большему риску стать алкоголиками, чем мальчики, родившиеся в «неалкогольных» семьях. В семьях, где родители для того, чтобы расслабиться, употребляют запрещенные наркотики или много пьют (не обязательно становясь алкоголиками), имеется большая вероятность, что дети начнут употреблять алкогольные напитки в подростковом возрасте. Если родители к тому же приобщают своих детей к употреблению наркотиков, включая, конечно, и алкоголь, риск возрастает. Чем больше членов семьи употребляют алкоголь и наркотики, тем выше риск.

Очевидно, что в таких семьях вероятно раннее приобщение к спиртному. Оно влечет высокую вероятность того, что дети начнут испытывать алкогольную или другую зависимость или у них возникнут проблемы со злоупотреблением алкогольными напитками в юношеском или зрелом возрасте. Молодые люди, начинающие пить в возрасте до 15 лет, подвергают себя в два раза большему риску,

чем те, кто не спешит пробовать спиртное, пока им не будет за девятнадцать.

Задачей центров социально-психологической помощи является своевременное распознавание таких семей и необходимая социальная, психологическая работа с ними, а в некоторых случаях – частичная или полная изоляция детей от родителей, способствующих употреблению детьми наркотических и алкогольных веществ.

Неумелость и непоследовательность в воспитании

В семьях, в которых родители не устанавливают четких норм поведения, в которых дети остаются предоставленными самим себе и где дисциплинарная практика чрезмерно сурова и непоследовательна, подростки подвергаются большому риску совершения правонарушений и частого употребления алкоголя и наркотиков. Здоровые, эмоционально насыщенные отношения в семье чаще всего являются фактором, предотвращающим тягу ребенка к алкоголю и наркотикам.

В данном случае задача центров социально-психологической помощи состоит в педагогической и психологической коррекции отношений в семье и обучении родителей и детей способам эффективного межличностного взаимодействия.

Протест и риск в подростковом возрасте

Подростковый возраст известен как период обострения протеста против существующих в обществе взрослых людей моральных норм, принципов и стереотипов поведения. Поскольку в обществе взрослых существует однозначно негативное отношение к наркотикам и наркоманам, подростки одной из форм протеста выбирают именно употребление наркотиков.

Кроме того, переоценка ценностей в подростковом возрасте связана с увеличением потребностей в переживании риска как формы эмоционально насыщенного переживания. Зачастую риск реализуется в употреблении наркотиков и правонарушениях.

Задачей психологов и педагогов является помощь подросткам в удовлетворении потребностей в риске другими способами (например, риск самораскрытия проявляется в личностно ориентированных и социально-психологических тренингах, физический риск – в занятиях спортом), а также в общем эмоциональном развитии ребенка.

Общение с пьющими и употребляющими наркотики сверстниками

Общение со сверстниками, употребляющими наркотики, является одним из наиболее надежных индикаторов, указывающих на возможность употребления наркотиков подростками, независимо от того, имеют место или нет другие факторы риска. Если друзья выпивают, это является сильным аргументом в пользу того, что подросток, возможно, будет злоупотреблять алкоголем.

Очевидно, что запретить подростку общаться с такими друзьями – задача не из легких, однако родители должны приложить все усилия, чтобы создать для ребенка необходимые факторы защиты от возможной наркотизации. В том числе, родители могут обращаться к психологам и педагогам центров социально-психологической помощи.

Неуспеваемость, отсутствие желания продолжать обучение в школе

Начиная с четвертого, пятого и шестого классов неудачи в учебе усиливают риск злоупотребления алкоголем, наркотиками и вероятностью правонарушений. У учащихся младших классов начальной школы способность к социальной адаптации является более важным фактором, позволяющим прогнозировать вероятность пристрастия к алкоголю и наркотикам, а также склонность к правонарушениям, чем академическая успеваемость.

С распространенностью случаев употребления наркотиков связаны показатели, свидетельствующие о том, насколько сильно учащиеся привязаны к школе, время, затрачиваемое на выполнение

домашних заданий и значение, которое имеет для них обучение в школе. Подростки, которым школа ненавистна и которые не стремятся продолжать обучение в ней и затем поступать в вузы, имеют больше шансов пристраститься к алкоголю и наркотикам в подростковом возрасте.

Задачей специалистов социально-психологических центров является сотрудничество со школами, в частности, классными руководителями таких подростков, а также помощь подросткам в профессиональном самоопределении и профориентации, определение их в различные образовательные учреждения, повышении мотивации на учебу и дальнейшее образование.

Положительное отношение окружения к алкоголю и наркотикам

Когда дети считают, что от курения марихуаны нет вреда, когда алкоголь ассоциируется у них с «хорошо проведенным временем», существует очень большая вероятность того, что они будут выпивать и употреблять наркотики. По большей части то, как подростки объясняют свое поведение (употребление наркотиков, алкоголя), связано с существующими мифами типа «В любой момент я могу бросить», «От бутылки пива не становятся алкоголиками» и т.д.

Мифы о наркотиках и наркоманах, существующие в сознании подростков, разрушить очень сложно и порой просто невозможно. В этом случае эффективной может стать лишь работа психолога, групповая работа, направленная на обсуждение с подростками этих мифов и выработку у них сознательного, критичного отношения к наркотикам и наркоманам.

Субъективные факторы

К *индивидуально-биологическим* относятся наследственность в отношении психических заболеваний и алкоголизма, тяжелые соматические заболевания и нейроинфекции в раннем детстве. Большое значение для формирования девиантного поведения имеют ор-

ганические поражения головного мозга. Перечисленные нарушения являются скорее предпосылками, т.е. обуславливают индивидуально-психологические и личностно-психологические причины. В частности, органические поражения головного мозга влияют на психоэмоциональное состояние, снижают способность индивида переносить физические и психологические нагрузки, противостоять стрессу и негативным влияниям окружающей среды. Это отражается на адаптационных возможностях человека, вследствие чего формируется девиация.

Индивидуально-психологические причины – это особенности когнитивной, эмоционально-волевой сферы, обуславливающие возникновение и развитие девиаций. Примером здесь может быть низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам, тревожность, импульсивность, возбудимость, несформированность мотивационной сферы и т.д. В ряде работ отечественных и зарубежных авторов существенное значение отводится мотивационно-потребностной сфере личности.

Зарубежные исследователи в качестве мотивов употребления подростками и молодежью психоактивных веществ приводят: влияние приятеля, потребность в изменении своего состояния, желание уйти с помощью наркотиков от решения жизненных проблем, снять эмоциональный дискомфорт. Э. Фромм рассматривает употребление наркотиков как частный случай культа потребительства среди молодежи, следовательно, мотивом приобщения к наркотикам служит стремление «потреблять счастье» как товар. Среди мотивов, противодействующих употреблению наркотиков, отмечают «отсутствие к ним интереса», «влияние друзей и родителей», кроме того, для девушек большое значение имеет выраженность религиозных чувств, а для юношей – успехи в школе.

В работах отечественных ученых [Личко, Битенский, 1991], посвященных изучению мотивов употребления наркотиков, упоминается о внутригрупповой конформности – желании «не отстать» от

сверстников, о поиске необычных ощущений и переживаний, о «скуке». Мнение авторов о роли указанных мотивов расходятся. А.Е. Личко и В.С. Битенский использовали классификацию мотивов, которую В.Ю. Завьялов разработал для алкоголиков, выделяя вслед за ним следующие группы мотивов.

1. Социально-психологические мотивы:

- мотивы, обусловленные традициями и культурой;
- субмиссивные мотивы, отражающие подчинение давлению других людей или референтной группы;
- псевдокультурный тип мотивов, свидетельствующих о стремлении подростка приспособиться к «наркотическим ценностям» подростковой группы.

В.С. Битенский считает, что эти мотивы характерны для начального этапа наркотизации. Подростки часто объясняли употребление наркотиков тем, что они подчинялись давлению сверстников.

2. Потребность в изменении собственного состояния:

- гедонистические мотивы (т.е. желание наслаждаться самим процессом употребления и тем состоянием, которое дает наркотик);
- аттрактивные мотивы (привлекательность наркотика и связанных с ним переживаний);
- мотивы гиперактивации поведения (повышение активности, улучшение настроения и т.д.).

3. Патологическая мотивация, связанная с наличием абстинентного синдрома и патологического влечения к наркотику, т.е. мотивация улучшения самочувствия вследствие абстиненции.

Личностно-психологические причины – это особенности личности, яркая выраженность которых может усиливать действие других факторов.

Ряд авторов [Битенский, Херсонский и др., 1989; Курек, 1993; Личко, Битенский, 1991] отмечает, что степень риска возникновения наркомании зависит от акцентуаций характера подростков и юношей. С.П. Генайло установил, что наркомания формируется

преимущественно в подростковом возрасте у лиц с выраженными тенденциями к самоутверждению и немедленному удовлетворению своих претензий в сочетании с неспособностью к длительной, целенаправленной деятельности, раздражительностью, склонностью к избыточному фантазированию, демонстративному проявлению чувств, подражанию и лжи. Это обстоятельство приводит к снижению социальной адаптации и способствует формированию асоциальных форм поведения, в том числе употреблению психоактивных веществ. Степень выраженности личностных изменений, их особенности обуславливаются нарушениями (гипо- и гиперопека) родительского отношения и воспитания. По данным В.С. Битенского, тип акцентуации характера влияет на возникновение девиации и более того, определяет предпочтительный выбор психоактивного вещества [Битенский и др., 1989]. Так, например, epileptoидный тип проявляет особый интерес к галлюциногенам и ингалянтам; подростки с истероидной акцентуацией предпочитают приятное состояние или успокоение, вызываемое транквилизаторами; при шизоидном типе проявляется тенденция к употреблению опиоидных препаратов и гашиша, т.е. желание вызвать у себя эмоционально приятное состояние. Отмечается склонность к аддиктивному поведению подростков с неустойчивым, конформным, гипертимным, циклоидным типами акцентуации характера.

Большинство авторов приходит к выводу, что высокий риск нарко- и токсикомании можно отметить у подростков с epileptoидным, неустойчивым, гипертимным типами характера. В большинстве случаев выявление подростков, юношей, злоупотребляющих психоактивными веществами, происходит поздно, когда их поведение уже характеризуется патохарактерологическими реакциями. Нельзя считать надежными результаты, полученные преимущественно с помощью «прямого» метода исследования (клиническая беседа, интервьюирование, анкетирование) наркомана и опроса его родителей, преподавателей. Возможно, что те аспекты

личности, которые интерпретируются как причина употребления психоактивных веществ, являются его следствием. Вывод, сделанный нами, согласуется с результатами исследований И.Н. Пятницкой, которая считает, что искать в личности подростка некую специфическую предрасположенность к наркоманиям – ошибочно [Пятницкая, 1994].

Многие зарубежные ученые утверждают, что значительная часть лиц, употребляющих психоактивные вещества и находящихся в лечебных заведениях, имеет личностные проблемы [Личко, Битенский, 1991; Сирота, Ялтонский и др., 2001]. Обнаружены нарушения психической активности, эмоционального функционирования, снижение самооценки, способностей к совладанию со стрессом и саморегуляции, низкие показатели интеллекта и распространенность личностных расстройств.

Ряд авторов отмечает низкий общеобразовательный и культурный уровень, недостаточное развитие духовных аспектов личностей наркоманов [Березин, Лисецкий и др., 1999]. Низкая самооценка и неудовлетворенность жизнью выявлены в работе W. Budzinski [Белогуров, 1997]. Schroeder Debra S., Laflin Molly T. сделали вывод о том, что на основе существующих данных о корреляции между самооценкой и употреблением наркотиков нельзя сделать однозначный вывод о том, что самооценка является одним из наиболее существенных факторов наркомании [Сирота, Ялтонский и др., 2001].

Заслуживают внимания работы, которые посвящены изучению корреляции между различными патологиями развития детской психики и последующим асоциальным поведением и злоупотреблениями психоактивными веществами. Анализ таких работ представлен в обзоре Е.С. Меньшиковой. Большое внимание исследователей привлекает синдром расстройства внимания у детей (ADND), который определяется как сложности в доведении дел до конца, как дома, так и в школе, трудности в общении, как с близкими взрослыми, так и с

детьми. Критерии ADND часто меняются, что затрудняет диагностику, кроме того, около половины детей с ADND имеют дополнительные нарушения поведения, связанные с физической агрессивностью. Именно эти дети впоследствии чаще злоупотребляли наркотиками (по данным лонгитюдных исследований ряда авторов). R. Pihl, J. Peterson считают, что слабая социализация и когнитивный дефицит у детей ведут к развитию ADND. Тенденция нарушать правила в подростковом возрасте нередко приводит таких детей к употреблению алкоголя и наркотиков. Наряду с увеличением вероятности фармакологического подкрепления это приводит к возрастанию риска злоупотребления алкоголем и наркотиками. В ходе обследования студентов колледжа, у которых в детстве был диагностирован синдром дефицита внимания, отмечено наибольшее количество навязчивых мыслей, которые возникают при выполнении заданий на внимание и не связаны с ним [Сирота, Ялтонский, 2003]. Обнаружены корреляции между употреблением наркотиков, навязчивыми мыслями и стремлением к поиску новых ощущений.

Обобщив результаты многолетних исследований, мы также пытались определить факторы подростковой наркотизации как совокупность внутренних и внешних условий, влияющих на формирование у подростка предрасположенности к употреблению психоактивных веществ: низкая стрессоустойчивость, любопытство, последствия травм и заболеваний, педагогическая запущенность и отсутствие навыков конструктивного решения проблем и конфликтов.

Исследования различных авторов показали [Березин, Лисецкий и др., 1999], что существуют общие черты, свойственные людям, злоупотребляющим наркотиками или алкоголем: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая устойчивость к всевозможным воздействиям, неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость и незрелость, склонность неадекватно реагировать на препятствия, неумение найти продуктивный выход из психотравмирующей си-

туации. Нетрудно заметить, что эти черты свойственны не только алкоголикам и наркоманам, но и плохо социально адаптированным людям. Кроме того, такие личностные характеристики часто проявляются в подростковом возрасте, особенно, если этот период развития протекает с осложнениями.

Многие исследователи считают, что влечение подростка к употреблению наркотиков является признаком глубокого личностного неблагополучия и логическим завершением предшествующего развития [Максимова, 1996].

Можно и дальше продолжать перечисление причин наркотизации, обнаруженных различными специалистами, однако, становится все более очевидным, что **количество причин употребления психоактивных веществ оказывается таким же нескончаемым, как и количество проблем, с которыми может встречаться человек в течение своей жизни.**

Нам удалось подтвердить на практике мысль В.А.Петровского о том, что «наркомания не имеет телеологического основания, а следовательно, и результирующей терапии». **Все объяснения причин наркотизации возникли как приписывание отдельным, частным случаям статуса общих.**

Никому на самом деле не известно, у скольких подростков, пробующих из любопытства алкоголь или наркотики, возникает наркотическая зависимость. На ранней стадии очень трудно установить связь, после которой чувство настоящей тревоги и раздражительность («генерализованная неудовлетворенность») появляются у подростка в результате отказа от алкоголя или наркотиков, а когда в основе чувств подростка лежат другие причины. Если помнить, что наркотические вещества в тех или иных количествах содержатся во многих лекарствах, в том числе предназначенных для детей, то определение первопричины становится практически невозможным.

Скорое всего, «причинноцентрированность» многих авторов связана со сложившейся своего рода «линейностью» в осмыслении столь противоречивого явления, которое представляет собой «человек-употребляющий психоактивные вещества». Конечно, указание причины всегда облегчает понимание следствия. Но это бесполезно, когда количество причин на самом деле оказывается бесконечным.

Человек – не моносистема. В его действиях невозможно найти одну единственную причину, один мотив, один специфический смысл. Одномотивность в действительности – не столько научная абстракция, сколько характеристика конкретной патологии [Асмолов, 2002].

Окончательный вывод становится все более очевидным: конкретных причин первичной наркотизации нет и быть не может, кроме доступности наркотических веществ и решения индивида проверить на себе их действие.

НО! Существует огромное количество предпосылок, которые все время вынуждают личность принимать самостоятельные ответственные решения. В таких условиях только развитие субъектности (самопричинной активности и ответственности в ситуации неопределенности и риска) является надежным фактором личной наркоустойчивости подростка.

§7. Психологические задачи взросления

*Какая вещь кажется тебе
наиболее реальной?
Я сама.*

(диалог психолога с 15-летней девочкой
из книги И.С. Кона «Дружба»)

Подростковый возраст – это период физического, эмоционального и интеллектуального взросления. Согласно Ж.Пиаже, в подростковом возрасте интеллектуальное развитие претерпевает качест-

венные изменения. Именно изменением структуры когнитивной сферы можно объяснить некоторые конфликты в период взросления. Примерно с 12 лет интеллект ребенка вступает в стадию формальных операций, с которой связано развитие способности к анализу собственных мыслей (рефлексией). Развитие способности оперировать идеальными ситуациями и обстоятельствами может стать основой внутриличностных конфликтов, т.к. подросток мыслит идеалами, категориями, которые отсутствуют в ситуациях реальности [Ремшмидт, 1994]. В результате столкновения внешней и внутренней реальностей, разрешения внутренних конфликтов подросткового возраста, происходит формирование компетентности в новых видах деятельности, прокладываются индивидуальные маршруты саморазвития.

Важная функция когнитивного развития состоит в построении жизнеспособной теории самого себя, становлении Я-концепции личности (Р.Бернс, И.С.Кон, Р.Мейли, В.В.Столин и др.). Структуру «Я-концепции» составляют различные подструктуры или Я-образы: телесное, настоящее, динамическое, фальшивое, фантастическое, идеальное, возможное, представляемое и др. [Кон, 1984; 1989; Столин, 1983].

Образ тела (телесное Я) является основой для развития Я-концепции. Схема тела как относительно устойчивая подструктура Я-концепции и самочувствие как поток переживаний восприятия тела в настоящий момент времени включены в психическую структуру организма (В.В.Столин, И.С.Кон).

Наличное Я (настоящее Я, актуальное Я) определяется как образ, каким человек кажется себе в действительности в данный момент (М. Розенберг, И.С. Кон). Система представлений человека о себе (каким он себя считает «здесь и теперь») не соответствует его реальным психическим и физическим качествам, т.к. многое человек может просто не осознавать, игнорировать или добавлять качества, которые реально у него отсутствуют. Функция настоящего Я

состоит в адаптации личности в актуальных социальных ситуациях, так как при изменении ситуации этот образ также изменяется.

Динамическое Я представляет собой тот тип личности, каким индивид поставил перед собой цель стать. Это уже относительно устойчивая подструктура Я-концепции.

Фальшивое Я, по определению В.В.Столина, – это искаженное актуальное Я, хотя в принципе искаженным может быть любая подструктура Я-концепции. Фальшивое (но желательное) Я выполняет защитно-адаптивные функции, для поддержания которых личность использует такие механизмы, как самообман, дискредитация и вытеснение.

Фантастическое Я – это представление о том, каким хотел бы стать человек, если бы все было возможно, т.е. если бы можно было отвлекаться от реальных условий жизнедеятельности и развития.

Идеальное Я – подструктура личности, включающая представление человека о том типе личности, каким он должен был бы стать исходя из усвоенных моральных норм, идентификаций и образцов, это подструктура является целью, к которой человек стремится.

Вероятное (будущее или возможное) *Я* – это представление индивида о том типе личности, каким он может стать (М. Розенберг). Эта подструктура может значительно отличаться от идеального Я. Иначе говоря, к своему будущему Я человек в определенной мере идет произвольно, помимо своего желания и идеального Я.

Представляемые Я – это такие образы или маски, которые личность создает, чтобы скрыть слабости, болезненные черты своего реального Я. Представляемые Я создаются для окружающих. А.А. Налчаджян относит их, как и фальшивое Я, к защитно-адаптивным подструктурам самосознания [Налчаджян, 1988].

Ш. Самуэль выделил «измерения» Я-концепции: образ тела, «социальное Я», «когнитивное Я» и самооценку личности [Крайг, 2000; Ремшмидт, 1994].

По мнению Р.Стренг, существует четыре основных аспекта Я.

– Основная Я-концепция, включающая представление подростка о собственной личности, своих способностях, положении в обществе (роли, статус).

– Временные Я-концепции, которые возникают при изменении настроения, ситуации, от прошлых или текущих переживаний.

– Социальное Я подростка: его представление о том, что о нем думают другие люди (в процессе социального взаимодействия, участия в группах, сотрудничества или соперничества, переживания конфликтных ситуаций происходит как познание самого себя, так и идентификация с объектами за пределами своего Я, что влияют на формирование идентичности).

– Идеальное Я, то есть то, каким подростком хотел бы стать. Представления об идеальном Я могут быть заниженными (препятствуют достижениям), завышенными (могут привести к фрустрации и снижению самооценки) или реалистическими. Реалистические Я-концепции способствуют приятию самого себя, психическому здоровью и достижению реалистических целей.

«Я-концепция» развивается под влиянием первичного опыта в семье. С возрастом все большее значение приобретают внесемейные факторы. Я-концепция является результатом взаимодействия биологических, психологических и психосоциальных влияний в процессе развития. Она выступает как *основа чувства самооценности*, весьма важного для формирования поведения человека и восприятия им собственного положения в обществе.

С появлением способности к выделению себя из среды и интроспекции (самонаблюдению) у подростка формируется «образ Я». Этот образ неразрывно связан с развитием сознания. Именно благодаря развивающемуся сознанию подросток получает качественно иное знание о мире и о себе, нежели чем в детстве. Постепенно подросток выделяет себя из внешнего мира, научается смотреть на себя со стороны, сравнивать и отличать себя, свою внеш-

ность, свои поступки, цели и в целом картину мира от представлений других людей (в том числе значимых взрослых). Этот процесс обеспечивает подростку основу самовосприятия и выделения себя из среды, появляется «образ Я».

«Образ Я» – это чувственный образ, со всеми свойственными ему чувственными атрибутами. «Образ Я» отличается от «Я-концепции», которая более однозначно, в смысле логично и непротиворечиво, и в силу этого, менее полно отражает богатство связей, отношений, переживаний, установок и намерений человека. «Образ Я» – противоречив и многомерен, в его строительстве можно условно выделить три «архитектурные школы». Первая – родительская. «Образ Я» ребенок описывает и переживает в терминах родительских посланий, эмоционально выраженных отношений, обращенных к нему со стороны родителей. Вторая – подростковая среда – «школа подростковой субкультуры». Самовосприятие формируется в терминах групповых подростковых ценностей и конкурентных отношений. Третья – индивидуальный, авторский стиль воплощения себя в своем собственном образе. Здесь на первый план выступает обнаружение своей индивидуальной неповторимости, встреча со своей единственностью. Единственность, основа которой уже «выстрадана» в процессе взаимодействий с мирами Природы, Культуры, Других, Своим собственным [Лисецкий, Литягина, 2004].

Х. Ремшмидт выделяет следующие аспекты взросления, обусловленные как внутренними (степень аффективности, наличие внутриличностных конфликтов и др.), так и внешними факторами (оценка окружающими, нормы общества и др.) [Ремшмидт, 1994].

Биологическое развитие представляет собой совокупность соматических изменений, выражающихся в физическом и половом развитии.

Психологический аспект взросления выражается в совокупности индивидуальных процессов, связанных с переживанием и при-

нятием собственных телесных изменений и реакций на них окружающих.

Социологический аспект взросления выражается в том, что при достижении физического развития взрослого человека (биологической половой зрелости), подросток не обладает в обществе правами и обязанностями взрослого.

Правовой аспект. Период взросления характеризуется ростом ответственности перед законом.

Размытость возрастных границ данного периода развития.

Французский психолог Б. Заззо во второй половине XX века, изучая подростков из различных социально-экономических слоев общества, выявила, что начало отрочества как правило относят к 14 годам, связывая его с половым созреванием, а верхняя граница этого периода оказывается более размытой: 19, 20, 21 год. Л.И. Божович, характеризуя подростковый возраст как самый сложный и длительный, разделяет его на две фазы: в первой фазе (12-14 лет) возникает способность ориентироваться на цели, выходящие за пределы сегодняшнего дня («способность к целеполаганию»); вторая фаза (15-17 лет) связана с осознанием своего места в будущем, т.е. с рождением «жизненной перспективы», которая включает представление о своем желаемом «я», и о том, что он хочет совершить в своей жизни [Божович, 1995].

Сегодня наиболее распространенными формальными ориентирами – границами возрастных стадий принято называть следующие [Ремшмидт, 1994].

Детство: от рождения до 12 лет.

Подростковый возраст: от 12 до 18 лет.

Юность: от 18 лет до 21 года, в некоторых периодизациях – до 25 лет.

Термином «период взросления», как правило, обозначают время подростничества и юности, вместе взятых, т.е. период с 12 до 21 (25) лет. Однако по некоторым признакам эти границы могут быть

изменены. *Календарное взросление не всегда соответствует личностно-психологическому.*

В настоящее время в возрастной психологии усиливается тенденция рассматривать период взросления как процесс решения возникающих в ходе развития личности проблем, обозначая его термином «возрастные задачи развития» и его семантическими аналогами. Идея такого подхода обсуждалась Е. Шпрангером (1926), Р. Хавигхерстом (1948), Х. Ремшмидтом (1979) и др.

Под психологическими задачами взросления мы понимаем особый вид задач развития, в результате решения которых появляется взрослость как системная характеристика личности, способной к самореализации. Критериями психологической взрослости в эмоциональной сфере является чувство ответственности, в когнитивной – рефлексивность, в волевой – конструктивное действие в условиях онтологической неопределенности (как способность действовать в соответствии с моральными критериями). Психологические задачи взросления – это объективные ситуации неопределенности периода взросления, в результате субъектного преодоления которых у подростка появляется, проявляется и формируется взрослость.

Взрослость личности, по нашему мнению, характеризуется «онтологической укорененностью» [Лэнг, 1995], собственной, а не заимствованной целостностью, развитой субъектностью, готовностью к проявлению ответственной самопричинности в ситуациях онтологической неопределенности, наличием системы внутриличностной самоподдержки.

Своевременно решенные подростком задачи взросления составляют основу его внутриличностной системы самоподдержки. Система самоподдержки необходима взрослеющей личности для обеспечения надежной, устойчивой связи между полаганием себя в изменчивых неопределенных условиях неоднозначного жизненного выбора и полаганием на себя в момент принятия окончательного

решения. В старшем подростковом возрасте наиболее значимыми сферами, где решаются психологические задачи взросления, являются отношения с родителями и другими взрослыми, со сверстниками и группой, полоролевое самоопределение, постижение вечных истин и конечности личной жизни.

Если подросток избегает решений задач собственного взросления (а взрослые всячески его поддерживают в этом), то ребенок остается инфантильным и привыкает быть беспомощным. В результате без внешнего покровительства, без помощи окружающих такой ребенок в дальнейшем будет испытывать значительные трудности в самостоятельном решении любых задач, связанных с личным выбором.

В соответствии с классификацией задач, предложенной Н.Н. Нечаевым, задачи взросления можно отнести к задачам, в которых решение не согласуется с данными условия, когда наряду с недостающими имеются избыточные и (или) частично неверные сведения. Сталкиваясь с задачами взросления, подросток попадает в ситуацию «двойного зажима». С одной стороны, он хочет повзрослеть (решить задачи), с другой – он не знает, каков будет результат. Это ситуация, когда цель и результат не только не совпадают, но и могут быть противоположны [Бейтсон, 2003]. Поэтому задачи взросления не решаются адаптивными средствами. Для решения такого рода задач подростку необходимо проявить неадаптивную активность [Петровский, 1994].

В. Штерн указывает, что подростковому возрасту свойственны «серьезные игры», в которых подросток учится использовать свои силы и возможности, ставить и добиваться целей, примерять на себя различные роли и др. Он выделяет три основных задачи самоопределения в подростковом возрасте: 1) в сексуальной сфере; 2) в психологической (интеллектуальной, эмоциональной, личностной); 3) в социальной сфере.

Х. Ремшмидт указывает шесть основных потребностей, для удовлетворения которых подросток прямо или косвенно проявляет активность, изыскивает и осваивает новые пути: 1) физиологическая – запускающая физическую и сексуальную активность; 2) потребность в безопасности, удовлетворяемая через принадлежность к группе; 3) потребность в независимости и эмансипации от семьи; 4) потребность в привязанности; 5) потребность в успехе, в проверке своих возможностей; 6) потребность в самореализации и развитии своего «Я».

Согласно Р. Хавигхерсту [Гинзбург, 1998; Ремшмидт, 1994] юношескому возрасту соответствуют следующие задачи развития.

- Принятие собственной внешности и эффективное использование своего тела, необходимость осознания его особенностей и научение осмысленно управлять своим телом.

- Усвоение мужской или женской роли: необходимость индивидуально выбрать структуру полового поведения и «образ» своей половой роли.

- Установление новых и более зрелых отношений с ровесниками обоих полов. Важным становится влияние группы.

- Завоевание эмоциональной независимости от родителей и других воспитателей, при объективно существующем сопротивлении взрослых.

- Подготовка к профессиональной карьере.

- Подготовка к браку и семейной жизни: приобретение знаний и социальной готовности, необходимых для выполнения задач, связанных с партнерством и семьей.

- Формирование социальноответственного поведения: подготовка к участию в деятельности на пользу общества и усвоение политической и общественной ответственности гражданина.

- Построение системы ценностей и этического сознания как ориентиров собственного поведения: критический анализ ценностей

окружающей культуры должен привести к формированию собственной системы ценностей, которая регулировала бы поведение.

К. Гаррисон (1975), формулируя задачи взросления, сходные с теми, которые выделил Р.Хавигхерст, предлагает разделять ранний и поздний периоды взросления с постепенным переходом от одного к другому, не носящие характера качественного скачка.

Х. Ремшмидт описывает следующие задачи развития Я в период взросления.

– Достижение большей волевой независимости (независимость в планировании своего времени и принятии решения; усвоение новых ценностных представлений на основе их собственной значимости, независимо от взглядов родителей или других референтных личностей; рост доверия к внесемейным группам и влияниям; больший реализм в формировании целей и стремлении к новым ролям; усиление потребности влиять на других).

– Изменение целей на основе ценностных представлений (потребность в самостоятельной приобретенной идентичности; повышение требовательности к самому себе; углубление самооценки).

– Смена гедонистических мотивов более отдаленными целями, направленными на достижение определенного статуса.

– Возрастание способности к действиям.

– Принятие на себя моральной ответственности с учетом ценностей общества.

В глубинной психологии и интеракционизме процесс отделения от семьи обязательно включается в задачи, требующие решения в период взросления [Ремшмидт, 1994].

Е.С. Калмыкова указывает на необходимость оказывать помощь молодым людям в решении задач развития [Калмыкова, 2001]. Она считает, что невротические конфликты в сочетании с неразрешенными задачами развития затрудняют преодоление подростками объективного возрастного кризиса и обуславливают застревание в подростковой фазе.

Е.С. Калмыкова, используя классификацию нормальных задач развития О. Кернберга, называет следующие задачи развития подростков:

- 1) консолидация ощущения эго-идентичности;
- 2) утверждение нормальной сексуальной идентичности;
- 3) ослабление привязанности к родителям и выбор гетеросексуального объекта;
- 4) замещение инфантильного регулируемого поведения супер-эго интернализованной и гибкой системой морали.

Т.И. Шульга, В. Слот на основе работ зарубежных авторов (Achenbach (1990), Waters, Sroufe (1983), Masten, Braswell (1991), Selman (1980) и De Geus (1995)) сформулировали возрастные задачи для подростков и юношей (13 лет-21 год) [Шульга, Слот и др., 2001].

1. Освобождение от зависимости, приобретение автономии – умение становиться менее зависимым от родителей и определять свое место в семье и среди родственников при изменяющихся взаимоотношениях:

- уметь строить бесконфликтные отношения, договариваться с родителями (13-15 лет);
- найти свое место в семье, определить свои отношения с родственниками и родителями, уметь решать проблемы без конфликтов (16-18 лет).

2. Здоровье и внешность – подросток должен заботиться о хорошем физическом состоянии, внешнем виде, хорошем питании и избегать излишнего риска:

- самостоятельно следить за своим весом, физическим состоянием и развитием (13-15 лет);
- вести здоровый образ жизни, вовремя остановиться при наличии вредных привычек (16-18 лет).

3. Свободное время – устраивать интересные мероприятия, полноценно проводить время, свободное от обязанностей:

- уметь выбирать для свободного времени нужные, полезные дела, приносящие удовольствие (13-15 лет);

- полноценно проводить свободное время (16-18 лет).

4. Интимность и сексуальность – открытие для себя возможностей и желаний в сфере интимных и сексуальных отношений:

- открытие телесных изменений, сексуальности (13-15 лет);

- половая идентификация, выбор партнера для любви и продолжения отношений с ним (16-18 лет).

5. Учеба или работа – приобретение знаний и умений, дающих возможность выбирать себе работу и хорошо работать по выбранной профессии:

- учеба, направленная на выбор профессии (13-15 лет);

- самостоятельный выбор учебы для приобретения профессии, самостоятельность в учебе (16-18 лет).

6. Социальные контакты и дружба – установление и поддержание контактов и умение оценить, что могут дать контакты с другими, готовность к дружбе, умение доверять другому и вызывать доверие к себе, принятие друг друга:

- готовность к дружбе, умение показывать свои чувства и видеть, как другие реагируют на твои чувства (13-15 лет);

- умение оценить другого, умение выразить свои чувства, ухаживать за другим и т.д., постоянство чувств (16-18 лет).

7. Авторитет и инстанции – принятие факта, что определенные лица и инстанции поставлены над тобой, умение постоять за себя в рамках действующих правил и законов:

- неподчинение власти, протест против требований (13-15 лет);

- осознание необходимости подчинения требованиям и властям (16-18 лет).

8. Создание и поддержание в порядке собственных жилищных условий – поиск или создание места для проживания и умение обращаться с домашними или соседями по квартире:

- уметь подчиняться установленным правилам (13-15 лет);

– уметь самостоятельно строить взаимоотношения с теми, с кем живешь (16-18 лет).

С.В. Пятова, изучая особенности личностного развития подростков с тяжелыми хроническим соматическим заболеванием (муковисцидоз), описывает нарушения процесса разрешения нормальных возрастных задач развития, среди которых называет:

1) автономизацию от родителей, переоценку и перестраивание отношений с ними;

2) разрешение трудностей в интимно-личностном общении;

3) осознание соматических изменений, их включение в схему тела, в том числе, становление половой идентичности;

4) осознание временной протяженности своего «Я», включающей проекцию себя в будущее;

5) профессиональное самоопределение [Пятова, 1997].

Таким образом, большинство исследователей подросткового и юношеского возраста считают, что в период взросления подросток неизбежно сталкивается и вынужден решать две главные задачи:

– достижение некоторой автономии и независимости от родителей/взрослых;

– формирование идентичности, создание целостного Я, гармонично сочетающего различные элементы личности.

Термин «идентичность» (от лат. Identitas – тождественность) в психологической литературе не имеет однозначного толкования. Это один из многих терминов, у которых отсутствует четкое определение. Словарь дает следующие определения идентичности [Климова, 2002]:

– Свойство сущности или явления, для которого характерно совпадение, тождественность с одним или несколькими другими реальными или абстрактными сущностями или явлениями по основным или общим признакам.

– Совокупность самобытных характерных особенностей человека, составляющих личность индивида – индивидуальность.

– Самоидентичность – самосознание, понимание своей самобытности, неповторимости, отличия от других объектов. Субъективный эквивалент «Я».

– Отношения, устанавливаемые при психологической идентификации.

В своем исследовании мы используем определение идентичности Т.Марковой. **Идентичность – это твердо усвоенный и лично-стно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, выражающийся, во-первых, в адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации и, во вторых, в способности личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе развития [Климова, 2002].**

Таким образом, идентичность – это показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой, согласно Э. Эриксону, скрыты на предшествующих стадиях онтогенеза.

Формирование идентичности называют центральной задачей периода взросления. Э. Эриксон перечисляет важнейшие конфликты этого периода: диффузия идентичности (неспособность «Я» сформировать идентичность); диффузия времени (нарушение чувства времени); застой в работе (часто связан с диффузией идентичности, проявляется как неспособность выбрать и конструктивно разрешать задачи развития); отрицательная идентичность проявляется в отрицании принятых ролей, которые способствуют формированию идентичности (возможно принятие ролей, которые характеризуются как опасные и нежелательные).

Дж. Марсия (1980), разрабатывая собственную теорию на основе эпигенетической теории Э. Эриксона, выделяет 4 варианта, или статуса идентичности в соответствии с основными конфликтами [Элкинд, 1996; Эриксон, 1996]:

- предрешенность (статус идентичности тех, кто принял на себя обязательства, не проходя через кризис идентичности, как правило, переняв ценности родителей);
- диффузия (статус идентичности тех, кто не прошел через кризис идентичности и не принял на себя никаких обязательств);
- мораторий (статус идентичности тех, кто находится в самом центре кризиса идентичности);
- достижение идентичности (статус идентичности тех, кто прошел через кризис и принял на себя обязательства вследствие самостоятельных решений).

Мы полагаем, что эмпирическим референтом достижения идентичности может служить появление у подростка внутриличностной системы самоподдержки. Основу этой системы составляет субъективный опыт личности, полученный в результате решения своих задач взросления. Решение каждой отдельной задачи должно быть «выстрадано» и отрефлексовано личностью не только когнитивно, но и «организмически», чувственно-телесно. Гносеологическая субъектность должна быть «онтологически укоренена» (Р. Лэнг).

В результате многолетних научных и практических исследований мы составили примерный перечень психологических задач взросления:

- принятие подростком своего имени;
- принятие собственной внешности и тела;
- достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола;
- достижение полоролевой идентичности;
- достижение эмоциональной независимости от родителей;
- построение системы ценностей,
- выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью);
- построение отношений с Абсолютом (Богом);
- выбор профессиональной перспективы;

– принятие себя.

Содействие подросткам в решении задач взросления целесообразно сочетать с вариативным выстраиванием личностно-профессиональной перспективы их жизни.

Принятие своего имени. Имя собственное рассматривается как первое звено в структуре самосознания человека (В.С. Мухина). Посредством имени человек с первых дней жизни накапливает положительные (или отрицательные) эмоции по отношению к себе со стороны ближайшего окружения, при этом формируется чувство базового доверия к людям и ценностное отношение к самому себе [Абульханова-Славская, 1991; Мухина, 2000; Абдульманова, Минкина, 2002].

На последующих этапах онтогенетического развития этот структурный элемент самосознания прорастает сложными интегративными связями и определяет ценностные ориентации человека в его притязаниях на признание, в особенностях половой идентификации, в характере построения жизненных перспектив, а также в системе прав и обязанностей [Бурменская и др., 1990; Мухина, 1991].

Имя собственное определяет человека как представителя социума, конкретного этноса, дает возможность занять свое место в системе общественных отношений, причисляет его к определенному полу. Благодаря имени и местоимению «Я» ребенок научается выделять себя: персону, отличную от других; со сходными с другими детьми качествами, но и обладающую индивидуальными особенностями. Имя рано приобретает глубоко личностный смысл для человека.

Для младшего подросткового возраста характерны эксперименты с именем, которые проявляются в виде придумывания прозвищ себе и своим товарищам. Подросток изучает реакцию и поведение, в том числе и собственное, на изменение имени. Эти эксперименты могут закончиться отторжением собственного имени, а это будет

означать внутриличностный «раскол», нарушение психологической целостности, непринятие части себя.

Принятие собственной внешности и тела. Оценивая свое тело как норму, неполноценность или физическое превосходство, подросток тем самым делает вывод о своей социальной ценности [Исаев, 1999; Костенок, 1995; Лаврова, 2001; Тхостов, 2002]. Принятие собственных телесных изменений является одной из важнейших задач для подростка. Понимание своего тела – это преломление в сознании собственных способностей, а также восприятий и оценок окружающих, которые могут способствовать как развитию уверенности в себе и самопринятию, так и бурным аффектам по поводу своей внешности (тела и лица) и искажению поведения.

Рост тела и изменение его пропорций опережают осознание и принятие этих изменений, вследствие чего подросток не знает, как использовать то, что имеет. Чтобы понять, на что он теперь способен, подросток подвергает себя различным испытаниям (идет на риск). И.П. Павлов назвал это явление «рефлексом свободы», В.А. Петровский – «неадаптивной активностью», «потребностью быть личностью», быть субъектно представленным и продолженным в значимых других и самом себе. М. Цукерман определяет эту тенденцию как «поиск ощущений», В. Ротенберг, В.В. Аршавский называют ее «поисковой активностью» [Мастеров, 1996; Петровский, 1992; Ротенберг, 2002]. *Поисковое поведение* – это активное поведение в условиях неопределенности, когда человек не имеет возможности с полной уверенностью прогнозировать результаты своей активности. В отличие от панического поведения, которое тоже осуществляется в условиях неопределенности, человек с поисковым поведением способен адекватно оценить каждый промежуточный результат на пути достижения главной цели и соответственно корригировать свое поведение. Поисковое поведение толкает человека на поиск новых, необычных, даже опасных переживаний, но пока он сохраняет поисковое поведение (даже, если при этом

испытывает страх или гнев), его здоровью, по мнению В. Ротенберга, ничего не угрожает. «Здоровье – это золотая монета, которой природа расплачивается за готовность к риску».

Однако, как указывает В.С. Мухина, отсутствие ценностного отношения к своему телу, аутоагрессивные действия в отношении себя являются сигналом дефекта в личностном развитии. Природа аморальна, и для здоровья безразлично, в каком направлении развивается поисковое поведение. Сам процесс поиска имеет большее значение для здоровья, чем его прагматический результат. Об этом же говорит в своей теории М. Чиксентмихайя: наслаждение процессом осуществляемой деятельности оказывается значительно ценнее, чем ее результат [Буякас, 1995].

Именно поэтому остается неэффективным данный подход в воспитании детей и подростков – «формирование навыков здорового образа жизни» как принципа профилактики аддиктивного поведения. Для подростка ценнее рисковать и ощущать новые эмоции «здесь и сейчас», чем не рисковать, надеясь на вознаграждение в будущем.

Достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола, с группой. В старшем подростковом возрасте референтной для личности становится группа сверстников, в отличие от более ранних периодов, когда определяющими для ребенка являлась семья и взаимоотношения с родителями [Белинская, 1997; Бодалев, 1995; Кондратьев, 1997].

Большинство подростков включаются в субкультуру, характеризующуюся определенными, присущими только ей особенностями. Принадлежность к той или иной субкультуре дают возможность подростку противостоять актуальной жизненной ситуации, в таких формах, как:

- бегство от общества (наркотики, секты, медитация и др.);

– развитие и культивирование альтернативных, прежде всего социальных и творческих, интересов (борьба за мир, защита окружающей среды, альтернативные производства и др.);

– цинизм: направления, связанные с культурой и модой, выделение себя из толпы посредством внешнего вида, музыки, сленга и т.п.;

– агрессивные стычки (рокеры, футбольные «фанаты» и т.д.);

– традиционные формы самоорганизации (союзы, группы по увлечениям) [Ремшмидт, 1994].

Достижение полоролевой идентичности. Становление половой идентичности включает в себя биологический процесс созревания и усвоение личностью своей половой роли. Формирование женской или мужской идентичности осуществляется под влиянием семейного воспитания. Существенное воздействие на полоролевые позиции оказывают нормы и представления общества.

Исследования американских подростков, проведенные в 1987 году Б. Роско, показали, что свидания в период взросления выполняют 7 основных функций: *развлечение* (возможность развлечься, повеселиться со сверстником противоположного пола), *социализация* (возможность узнать особенности противоположного пола и получить навыки общения), возможность поднять свой *статус* среди сверстников, *выбор брачного партнера* (испытание себя в роли будущего мужа или жены), *интимность* (установление близких эмоциональных отношений, доверие к человеку противоположного пола), приобретение *сексуального* опыта, *товарищеские* отношения (возможность приобрести друга противоположного пола) [Кривцова и др., 1997; Крайг, 2000].

Достижение эмоциональной независимости от родителей и других взрослых. В период взросления подросток ощущает острую необходимость выйти из-под родительской опеки, стать независимым человеком, иметь все права, которые есть у взрослых (при этом он еще не задумывается, что права означают и обязанности).

В процессе отделения от семьи Ф. Найдхард (1970) выделяет четыре области взаимоотношений между родителями и взрослеющими детьми: 1) взаимодействие в сфере общения; 2) нормативный контроль родителей над детьми; 3) эмоциональная связь и солидарность; 4) экономическая зависимость (или независимость) [Ремшмидт, 1994].

Как указывают исследователи подросткового и юношеского возраста E. Douvan, J. Adelson (1966), M. Ratter, R. Graham, O. Chadwick, W. Yule (1976), в процессе изменения отношения подростка к семье можно в период взросления выделить следующие этапы:

- критика образа жизни взрослых, их ценностей вследствие созревания когнитивных структур и появления идеальных моделей;
- «обесценивание» родителей по причине возрастающего влияния референтной группы сверстников;
- ослабление эмоциональных связей с родителями и замена их отношениями со сверстниками, перенос центра социализации из семьи в группу сверстников (и как следствие – принятие норм этой группы, формирующих поведение подростка);
- отказ от родительского дома отражается не на всех формах поведения, взглядах и установках (нельзя сказать, что подростки отвергают абсолютно все, что относится к родителям. Идентификация с родителями отступает на задний план лишь в некоторых областях жизни) [Ремшмидт, 1994].

Семья в период взросления продолжает оставаться важнейшей референтной группой. Именно поэтому автономность и стремление к самостоятельности не означают полную независимость от родителей, т.к. родители продолжают влиять на детей на протяжении всего периода взросления (а иногда и взрослости).

Дж. Хилл (1987) предлагает понимать подростковое стремление к независимости и автономии как саморегуляцию. Подросток, переоценивая усвоенные правила и нормы, учится быть независимым, оставаясь одновременно взаимозависимым. По мере взросления

подростки развивают способность сочетать обязательства перед другими, лежащие в основе взаимозависимости, с чувством Я, составляющим основу независимости [Каплан и др., 1993; Крайг, 2000].

Построение системы ценностей. Принадлежность к группе сверстников способствует переструктурированию усвоенных (прежде всего родительских) и ассимиляции новых ценностей. При этом подросток перенимает как положительные, так и отрицательные ценности референтной группы, усваивает модели поведения, в том числе и девиантные с точки зрения взрослых. Построение и переоценка ценностей являются основным процессом морального развития в подростковом и юношеском возрасте. Главная цель переоценки ценностей состоит в развитии способности взглянуть на мир другими глазами и построить свою систему ценностей, отличную от родительской [Андреев, 1991; Балл, 1997].

Л.И. Божович и другие отечественные психологи считают, что переходный подростковый период завершается возникновением особого личностного новообразования, которое обозначают термином «самоопределение» [Божович, 1995]. Самоопределившийся человек имеет относительно устойчивую систему ценностей, знает чего хочет и более или менее представляет, как этого добиться.

Построение отношений со временем (будущим, смертью, жизнью) и Абсолютом (Богом). Важной составляющей кризиса идентичности в подростковом возрасте являются отношения со временем, которые являются одним из показателей зрелой личности (А. Маслоу, Ф. Перлз, Р. Мэй). Подавляющее большинство подростков не умеют рационально использовать собственное время. Они не видят связи прошлого с сегодняшним днем, в результате не умеют думать о дне завтрашнем [Белинская, 1999]. В настоящем подросток ощущает постоянный цейтнот, ничего не успевает, а его собственная необязательность приводит к снижению его самоуважения. Достижение гармоничных отношений со временем означает для подростка:

– во-первых, способность жить настоящим, т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей своей полноте, а не как подготовку к абстрактному будущему или фатальное следствие прошлого;

– во-вторых, способность ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т.е. видеть свою жизнь целостной [Кривцова, 1997].

Важная задача при обучении подростка рационально использовать собственное время – научить его самостоятельно планировать события собственной жизни, ставить и достигать цели, используя ресурсы своей личности.

Проблема смысла жизни, обостряющаяся в подростковом возрасте, неразрывно связана с осознанием и принятием, а зачастую с мучительным поиском некой внутренней точки, стержня, позволяющего удерживаться в изменяющемся внешнем полном противоречий мире и сохранять стабильность собственного внутреннего мира. Таким стержнем становится «обретение» Бога (в религиозном понимании) или Абсолюта (как некой субстанции, «мудреца» внутри самой личности). Это помогает подростку частично понять ограниченность его личной жизни, конечность своего «Я», осознать без психотравматических последствий онтологическую сущность понятий «время», «смерть», «жизнь», «бесконечность» и «трансцендентность мира».

Выбор профессиональной перспективы. После определения профессиональной перспективы или поступления на работу, идентичность личности начинает определяться скорее не семьей, досугом или группой сверстников, а работой и профессией. Выполнение каких-либо производственных функций позволяет молодому человеку чувствовать себя взрослым полноправным членом общества, вне зависимости от материального вознаграждения за выполняемую деятельность [Башев, 2000; Миронова, 1999].

Принятие себя. Период взросления (или, как его часто называют, кризис подросткового возраста) существенно отличается от предыдущих этапов развития личности. В младшем возрасте депривация вновь возникающих потребностей связана, прежде всего, с внешними препятствиями (запретами взрослых, изменившимся образом жизни, сковывающим его активность, и др.). В периоде взросления ведущую роль в депривации потребностей начинают играть внутренние факторы: запреты, накладываемые подростком на самого себя, ранее сформировавшиеся психологические новообразования (привычки, черты характера и др.), которые создают состояние противодействия мотивов и ценностей личности, мешают достижению желаемого образа Я, целостного и согласованного [Карвасарский, 1990; Кривцова и др., 1997; Крайг, 2000; Хорни, 1997а].

Главным психологическим достижением ранней юности является открытие своего внутреннего мира (И.С. Кон). Развитие когнитивной сферы актуализирует у подростка стремление к самопознанию, дает возможность анализировать собственные мысли и чувства, строить планы и др. Задача принятия себя как личности, как целостного субъекта, способного к зрелой и целенаправленной активности является самой важной, интегральной задачей периода взросления [Кон, 1984]. Подросток «знает» себя за счет оценок, поступивших из окружающего мира, и желаемых (зачастую, иллюзорных) представлений о себе. В этой задаче наиболее ярко проявляется особенность всех задач взросления, в отличие от задач развития, – отсутствие образца, эталона, «картинки», завершенной формы. Узнавание себя не может состояться по чужому образцу. Задача заключается в познании своей собственной и истинной сущности. Этот процесс интегрирует в себе все предыдущие задачи взросления.

Психологические задачи взросления субъективно ценны и онтологически значимы для подростка. Для описания фактов научно-

го знания В.А. Петровский выделил три параметра, которые, по нашему мнению, могут характеризовать в том числе задачи взросления: нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость [Петровский, 1992].

Информативность задач взросления понимается нами как устранение неопределенности в самопринятии подростка. В процессе актуализации и решения задач взросления подросток накапливает знания о собственной личности, начинает осознавать причины собственных психологических проблем и «открывать» пути их решения.

Задачи взросления *нетривиальны*, в том смысле, что подросток в своей жизни впервые сталкивается с необходимостью их решения. Осознавая несоответствие собственных желаний и стремлений с противоречивыми требованиями взрослого окружения, он вынужден находить новые способы решения возникающих трудностей, в том числе используя неприменяемые до этого возраста способы.

Экзистенциальная значимость задач взросления проявляется в высоком уровне заинтересованности в самопознании и самораскрытии. В случае нерешенности или нерешаемости психологические задачи взросления ведут к накоплению внутреннего напряжения, утрате целостности, противоборству внутриличностных мотивов и ценностей, онтологической энтропии личности. Личность, которая не может справиться с напряжением, используя свои внутренние ресурсы, будет искать другие способы избавления от неудовлетворенности.

Даже такой краткий обзор задач взросления позволяет понять их онтологическое значение для взрослеющей личности. Приведенный выше перечень задач взросления сведен в оптимальную систему, удобную для научного анализа и практической личностно-ориентированной работы с подростками.

1. Организмическое (чувственно-телесное) принятие подростком своего имени, внешности, тела.

2. Формирование способности к конструктивному преодолению внутриличностных мотивационных и ценностных противоречий, готовности к развитию своей «Я-концепции».

3. Выстраивание ответственных отношений со сверстниками обоего пола.

4. Выстраивание отношений с родителями и другими взрослыми без эмоциональной зависимости.

5. Осознание своего отношения к вечности, бесконечности, Абсолюту, ограниченности жизни.

На основе разработанной модели задач взросления мы создали психопрофилактическую программу формирования у подростка системы внутриличностной самоподдержки и развития ее субъектности.

Выводы по главе I

Подростковый возраст во всех психологических концепциях предстает как кризисный, характеризующийся амбивалентностью, которая может быть как предпосылкой формирования зависимого поведения, так и основой становления идентичности личности. Подростковому возрасту свойственна некоторая социально-психологическая дезадаптивность, по причине которой подростков часто относят к категории детей «группы риска».

Аддиктивное поведение является одной из форм девиантного (отклоняющегося) поведения (И.С. Кон, К.С. Лисецкий, А.В. Моложавенко и др.) и понимается как зависимость от объектов неживой природы, в отличие от термина «зависимое поведение», которое характеризуется влечением к обладанию как объектам неживой, так и живой природы (например, зависимость от других людей). Основными формами аддиктивного поведения являются зависимость от психоактивных веществ (чая, кофе, алкоголя, табака, нар-

котиков), интернет-зависимость, зависимость от деструктивных культов и азартных игр.

Среди существующих на сегодняшний день теорий нет единого взгляда на природу возникновения аддикций. Психоанализ рассматривает наркотик как средство, повышающее уровень адаптированности (Г. Гартман), способствующее регрессии на более раннюю стадию развития. П. Блос при страсти к наркотикам рассматривал как удовлетворение потребности в «эмоциональном растворении». Зависимость рассматривается как искаженная частная адаптационная система человека и в индивидуальной психологии (А. Адлер). Гуманистический психоанализ (Э. Фромм) алкоголизм и наркоманию считает одним из способов удовлетворения потребности в преодолении отчуждения и одиночества. Наркозависимый человек представляет собой мазохистский тип личности, который является пассивной формой симбиотической связи. Э. Берн рассматривает аддиктивное поведение как вариант игры, другую сторону эмоциональной зависимости от матери. Согласно теории зависимости (К. Бандура, Р. Уолтерс), при переходе от детской зависимости от взрослых к зависимости от сверстников могут не сформироваться устойчивые эмоциональные отношения. Это, в свою очередь, ведет к развитию у подростков социальной агрессивности, развитию чувства тревоги, средством снятия которого может служить наркотическое вещество. Теория процесса противодействия в мотивации связывает формирование наркотической зависимости с мозговыми структурами, а именно с «центром удовольствия» (дофаминовая теория удовольствия). Согласно теории стресса и копинга (Р. Лазарус), каждый человек находит собственный способ совладания со стрессом (копинг-стратегии) на основе имеющегося у него личного опыта (личностные ресурсы или копинг-стратегии). Зависимость – это способ, открытый человеком для совладания со стрессорами. Интеракционистический подход (Т. Шибутани) рассматривает наркотическое вещество как звено в цепочке избегания ситуации фрустрации. При успешном разрешении ситуации

это приводит к фиксации данной модели поведения. Дж. Келли основной причиной неврозов, алкоголизма, наркомании и других личностных расстройств считал внутренне конфликтную и противоречивую жизненную концепцию, которая снижает адаптационные возможности личности. В гуманистических теориях наркомания рассматривается как способ избавления от фрустрации значимых потребностей, одиночества, отчуждения, это «болезнь лишенности» (А. Маслоу, Г. Олпорт). Причина личностных расстройств лежит в неконгруэнтности, в сниженном внутреннем «локусе контроля» (К. Роджерс). Зависимый человек – это человек, у которого утрачен или не найден смысл жизни (В. Франкл). По мнению А. Менегетти (онтопсихология), индивид обращается к наркотикам, когда он психологически уже является наркоманом, т.е. наркомания – это следствие нарушений в личности, а не причина. Психосинтез (Р. Ассоджиоли) рассматривает зависимость от наркотиков как личностное поведение, направленное на изоляцию от общества, где человек не признан, это своеобразная форма суицида. Ст. Грофф употребление наркотиков связывал со стремлением индивида к ненасильственному самоубийству, причина которого кроется в патологии III перинатальной матрицы (процесс биологических родов). Алкоголизм, наркомания, как и в психоанализе, связывалась с депрессией и суицидом, с отменой самого процесса рождения. Согласно Ф. Перлзу, у людей с зависимым поведением нарушен процесс «контакт-ухода»: одна доминирующая потребность выступает как фигура, образуя ригидный паттерн поведения. Э. Эриксон считает сформированную аддикцию результатом предшествующего развития личности. В подростковом возрасте искаженное неразрешенными конфликтами развитие результируется в кризисе идентичности или спутанности ролей. В рамках деятельностного подхода зависимое поведение можно описать через понятие ложно опредмеченной потребности. В качестве основного механизма развития аддикции предстает описанный А.Н. Леонтьевым механизм «сдвига мотива на цель». Доминирую-

щим мотивом становится поиск объекта, который удовлетворяет насущную потребность. Согласно этно-культурному подходу (А.В. Сухарев), личность современного человека формируется из «осколков» различных культур, и поэтому лишена целостности и самоопределенности. В таких условиях человек, испытывая стрессы и депрессивные состояния, обращается к психотропным веществам как антистрессорам и антидепрессантам. Вероятность возникновения аддикции повышается, если употребляемые вещества не свойственны для культуры, к которой принадлежит человек.

Период взросления – это самостоятельная фаза жизни, содержанием которой является переход от детства к взрослости. В этот период перед подростком неизбежно возникают задачи, от решения которых зависит развитие «я», становление идентичности и психологическое развитие в последующие этапы.

Различие задач взросления и задач развития, отсутствие эталонов принципиально меняет взаимоотношения воспитателя и воспитанника.

Под психологическими *задачами взросления* мы понимаем особый вид задач развития, которое мы обозначаем как «онтологическое укоренение» субъекта жизни в отношениях к себе и миру. Результатом решения задач взросления является взрослость как системная характеристика личности. Основные задачи взросления подросткового возраста: принятие своего имени; принятие собственной внешности и тела; достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола; достижение полоролевой идентичности; достижение эмоциональной независимости от родителей; построение системы ценностей, выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью), с Абсолютом (Богом); выбор профессиональной перспективы; принятие себя.

Профилактика в основном связывается с термином «формирование» (навыков здорового образа жизни, конструктивного общения, преодоления стрессовых ситуаций и др.), т.е. предполагается отсутствие в личности подростка каких-то качеств, дефицит навы-

ков, неверные жизненные ориентации и др. Недостаточно уделяется внимания при разработке профилактических программ внутреннему миру личности, ценностям и глубинным потребностям подростков. Кроме того, низкая результативность программ объясняется отсутствием в них «телесного» компонента.

Среди критериев оценки результативности программ профилактики часто называют: численность участников, отношение к программе, изменение информированности, изменение намерений, изменение отношения к ПАВ, изменения поведения, изменения отношения к себе, изменения в общении. При противоречивости выделенных критериев психического и социального здоровья очень сложно оценить эффективность той или иной профилактической программы.

Невозможно выделить одну или несколько универсальных причин возникновения негативной зависимости. Наркомания (как и любая другая негативная зависимость) мультипричинна.

ГЛАВА II. ИССЛЕДОВАНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ВЗРОСЛЕНИЯ

§1. Психосемантическое исследование особенностей сознания наркозависимых

В наших исследованиях основной акцент делается на изучении индивидуального сознания человека. Для этого используют методы экспериментальной психосемантики (семантический дифференциал, методику множественной идентификации). При разработке модифицированных психосемантических методик мы опирались на работы Ч. Озгуда, Дж. Келли, А.Г. Шмелева, В.Ф. Петренко и др.

Многие психологические методы исследования представляют личность как точку в диагностическом пространстве, когда нет возможности изменения данного субъекта, когда он оценивается в отношении к некоторой выборке, а не исходя из его индивидуальности. В отличие от них психосемантические методы позволяют изучать личность как носителя некоторого пространства смыслов, исследовать индивидуальную систему значений, анализировать влияние мотивационных факторов и эмоциональных состояний субъекта на формирующуюся у него систему значений, позволяет преобразовывать чувственную информацию в знаковую форму. В качестве графической модели индивидуального сознания конструируются психосемантические пространства как пространства особым образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты некоторой содержательной области [Петренко, Митина, 1997; Петренко, 2005].

Конструирование семантического пространства включает три основных этапа. Первый этап связан с выделением семантических (смысловых) связей анализируемых объектов. Испытуемый заполняет матрицы сходства (исследование расстояний) анализируемых объектов. Второй этап предусматривает уменьшение числа исследуемых переменных (семантических связей между объектами), т.е.

уменьшение размерности семантического пространства – переход от признаков-шкал к категориям-факторам. На этом этапе применяются методы математической статистики, чаще всего факторный и кластерный анализ. Третий этап – интерпретация результатов (полученных факторных структур) [Петренко, 2005].

Свойства психосемантической методики множественной идентификации:

- дает возможность проникнуть в уникальный внутренний мир личности;
- позволяет получать значимую структурно-количественную информацию об организации индивидуальной системы значений;
- благодаря алгоритмизированной процедуре информация может быть подвержена независимой перепроверке;
- позволяет увидеть возможные основания формирования аддиктивного поведения;
- может использоваться не только с целью диагностики, но и в качестве коррекционной методики в индивидуальном консультировании.

Методы экспериментальной психосемантики дают возможность исследования уникальных личностных причин обращения к наркотику, позволяют увидеть природу возникновения зависимости.

В отличие от распространенной модели определения «факторов риска», предложенная нами модель отвечает на вопрос: «ЗАЧЕМ» подросток обращается к наркотику, что его личность от этого получает. Говоря языком психологического консультирования, мы выявляем ЗАПРОС, глубинную смысловую мотивацию. Факторная модель пытается отвечать на вопрос: «ПОЧЕМУ» подросток употребляет наркотики, т.е. определяет ЖАЛОБУ и поверхностную мотивацию.

Исследование аддиктивного поведения проводилось с целью изучения особенностей индивидуального сознания людей, употреб-

лявших наркотики. Конструируя методику множественной идентификации, мы исходили из следующих теоретических положений.

Пространство, реконструирующее внутриличностные отношения человека, может быть объективировано, обозначено и проинтерпретировано как пространство отношений между его частными «Я», особого рода автономиями, которые Р. Ассаджиоли назвал субличностью. Субличности – это множество разнообразных персонажей или психологических узлов внутри личности, которые в какой-то степени действуют независимо, обладают своими относительно суверенными потребностями и целями [Бадхен, Каган, 1997]. В современной психологии существует ряд понятий, которые обозначают подобные психологические образования личности, своеобразные синонимы субличностей. В психоаналитической традиции подобные образования обозначаются как «интроекты», в теории личностных конструктов – как «ролевые позиции» (Дж. Келли), в теории персонализации – как «идеальные другие» (А.В. Петровский, В.А. Петровский), а также роли, позиции, архетипы (К.Г. Юнг), фиксированные элементы «Я-концепции» (Я реальное, Я идеальное, Я отвергаемое и др.).

Все субличности связаны друг с другом, как части единого целого, но отношения между ними могут возникать в соответствии с суверенными потребностями и целями. Отношения эти могут иметь различную эмоциональную окраску: от симпатии и полного принятия друг друга до антипатии, ненависти, противоборства и взаимного уничтожения. Эмоциональная «заряженность» дает внутреннему образу не только психическую, но и физическую энергию. Целостное, интегральное «Я» человека может по-разному относиться к своим сублиčnostям, однако, возможно даже такое, когда оно полностью отождествляется с одной из них. В таких случаях говорят, что человек отождествил себя с ролью, отрицает существование себя как возможного иного. По мнению К.Г. Юнга, идентификация человека со своей социальной ролью является источни-

ком невротиков. Человек не может безнаказанно «отделиться» от самого себя в пользу самой идеальной, но искусственной личности [Юнг, 1994; 1996]. Это чревато ригидностью в отношении социальной адаптации, потерей возможностей для развития и саморазвития личности. Одна из субличностей, лидируя постоянно, подавляя все остальные, создает внутриличностный «раскол», нарушает психологическую целостность, создает условия для возникновения и воспроизводства зависимого поведения человека. Зависимость в данном случае становится объективной необходимостью, поскольку выполняет функцию внешнего подкрепления однозначно принятой человеком роли, особенно, если сам человек предпочитает избегать в отношении себя принятия самостоятельных решений, выступать в качестве онтологической причины себя.

Для изучения внутриличностных отношений мы использовали методы экспериментальной психосемантики, в частности, методику множественной идентификации (В.Ф. Петренко) в авторской модификации.

Впервые методику множественной идентификации мы применили для изучения особенностей сознания следующих групп испытуемых: наркозависимые подростки, находящиеся в состоянии ремиссии от 2 до 6 месяцев; не употребляющие наркотики подростки; наркозависимые взрослые, находящиеся в состоянии ремиссии от 1 до 8 месяцев; не употребляющие наркотики взрослые; лица, находящиеся в состоянии ремиссии более 4 лет [Литягина, Лисецкий, 1997; Литягина, Черемушкина, 1999].

Бланк методики представлял собой таблицу, в которой испытуемому предлагалось оценить, насколько у той или другой предлагаемой субличности выражено соответствующее качество. Для исследования были выбраны следующие качества: общительный, властный, подчиняющийся, нравится мне, напрягающий, смелый, пугающий, опасный, противоречивый, лидер, деятельный, экспериментирующий, обидчивый, уверенный в себе, авторитетный.

В данной методике мы использовали такие субличности, как:

- Я,
- Отец,
- Друг,
- Отвергаемое Я,
- Муж/Жена (реальные или представляемые),
- Идеальное Я,
- Мать,
- Значимый другой,
- Враг,
- Я под действием алкоголя или наркотика (реальное или представляемое состояние).

Кратко остановимся на теоретическом обосновании выбора вышеперечисленных субличностей.

Субличности «Мать» и «Отец» выбраны как наиболее значимые для личности. Для ребенка эмоциональные связи с другими людьми, особенно с близкими, являются определяющими в развитии, психика ребенка зависит от психики родителей, особенно матери, настолько, что ее рассматривают в качестве придатка к психике родителей (К.Г. Юнг). В соответствии с концепцией привязанности Дж. Боулби и М. Энсворт, человек, к которому возникает привязанность, называется «объектом привязанности». Первичный объект привязанности – мать – обеспечивает ребенку безопасность, надежность и уверенность в своей защищенности, он без труда налаживает вторичные привязанности с другими людьми. Если же мать не удовлетворяет потребность ребенка в любви и защите, он не может устанавливать вторичные привязанности, ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам. Система привязанностей имеет свою мотивацию, которая включает две противоположные тенденции: стремление к новому, к опасности и поиск поддержки и защиты [Смирнова, 1995].

В детстве привязанность мотивирована поддержкой и защитой, исходящей от близких взрослых, образуя контур внешнего подкрепления. Любопытство, как реализация стремления к новому и опасному, контролируется взрослыми. При благоприятном течении психологического развития у ребенка постепенно формируется внутренняя система самоподдержки, и он сам начинает контролировать собственную мотивация к риску и опасности. Однако, при нарушении формирования внутренней системы самоподдержки подросток, отвергая внешний контроль взрослых, реализует стремление к опасности и риску, самостоятельно не может контролировать свои действия, не видит предельных границ риска, не может ответственно оценить последствия своего поведения. Поэтому нам важно понять, на чем основана система привязанности подростка, изучить ее особенности, а также определить, насколько подросток находится под влиянием родителей.

Степень совпадения позиций «Я», «Отец», «Мать» (т.е. близкое расположение в семантическом пространстве, приписывание сходных характеристик) может косвенно отражать степень принятия опыта родителей, их ценностей и установок. Как правило, вся жизнь, которую могли бы прожить, но не прожили родители, передается детям по наследству в превращенной форме, т.е. последних бессознательно принуждают к такому течению жизни, которое должно компенсировать несбывшееся в жизни родителей. Определить, насколько дети подвержены такому родительскому влиянию, в свою очередь, помогает изучение образов «Идеального Я» и «Отвергаемого Я».

Известно, что образы «Идеального Я» и «Отвергаемого Я» формируются под влиянием родителей. В наше исследование мы их включили по двум причинам. Во-первых, для определения внутриличностного конфликта, основой которого является расхождение между образами «Я» и «Я идеальное». Во-вторых, чтобы «увидеть», какие качества личность вытесняет, не признает, отвергает, определить возможные причины этого непринятия. С помощью ме-

тодики множественных идентификаций можно определить, содержит ли образ «Идеального Я» родительские установки или же этот образ – результат самостоятельного, субъектного развития личности. Очень часто люди вместо того, чтобы развиваться по собственному пути, идти к образу «Идеального себя», стремятся реализовать то, что от них ожидали родители. В результате недостижение самоидентичности приводит к разочарованиям, психологическим кризисам и возможно, к негативной зависимости. «Отделенность» образа «Идеальное Я» от образов «Мать», «Отец» в семантическом пространстве выступает одним из критериев психологической зрелости. Это означает, что личность в своем развитии руководствуется собственной перспективой, а не реализует родительские ожидания.

С образом «Я Отвергаемое» тесно связан образ «Враг», который играет значительную роль в функционировании внутренней системы отношений личности. Известный факт, что личность, узнавая в другом собственные не принимаемые (нежелательные, отвергаемые) качества, относится к этому человеку негативно. Другой человек может вызывать негативное отношение и потому, что обладает желаемыми качествами, которых у личности нет или они плохо развиты. Характеристики субличности «Враг» и взаимоотношения с другими внутренними образами дает нам представление о возможных конфликтах и предпочтениях в структуре отношений внутренних образов, о том, что личности недостает, и возможно чего боится человек.

Субличность «**Избранник**» (муж, жена) способна определять круг общения человека, его жизненные перспективы, относящиеся к выбору партнера для совместной жизни и создания семьи. Из анализа семантического пространства мы можем узнать, насколько человек подвержен влиянию семейного сценария при выборе спутника жизни. Для молодого человека определяющим является отношение к матери, а для девушки – к отцу. Степень связи с родителями и сложившееся к ним отношение неосознанно влияет на выбор суп-

руга, поощряя или затрудняя его. Сознательная любовь к отцу или матери способствует выбору партнера, похожего на отца или мать. Бессознательная связь (которая сознательно не проявляется в виде любви), напротив, усложняет выбор и вызывает различные модификации [Юнг, 1994]. Таким образом, чем сильнее бессознательное влияние родительского образа, тем чаще партнер выбирается в качестве позитивной или негативной замены родителям. Э.Берн считал, что с семейными сценариями передаются и игры, характерные для родительской семьи [Берн, 1988]. Например, игра «Алкоголик» («Наркоман») может изначально ориентировать подростка к построению такой семьи (с подходящим для этого партнером), в которой роли, функции и выигрыши будут уже известны на бессознательном уровне. Правила этой игры подросток усвоил с опытом жизни в родительской семье. Альтернативные варианты построения отношений он может просто не знать.

Субличность «**Значимый другой**» дает представление о наиболее ценных личностных качествах и состояниях, о значимых людях. Это могут быть родители, друг, а иногда даже враг. В последнем случае человек может переживать внутриличностный конфликт: с одной стороны, он боится врага, враждует с ним, с другой – стремится к отношениям, бессознательно подражая ему. Близость расположения в семантическом пространстве субличности «Враг» с еще одной важной субличностью, которую мы назвали «**Я под действием алкоголя и наркотика**», может указывать на значимость самого состояния опьянения и тех приобретений, которые личность получает при этом.

Включая в исследование субличность «Я под действием алкоголя / наркотиков», мы получаем возможность увидеть возможную основу для употребления психоактивных веществ. Наркотик может использоваться как средство снятия психологического напряжения, возникающего из отношений между субличностью. Например, в состоянии алкогольного опьянения подросток может чувствовать

себя более раскованным, самодостаточным, способным на поступки, которые в обычном состоянии для него затруднительны. Он может в субъективных переживаниях, находясь в состоянии опьянения, приближаться к образу «Идеального Я». Поэтому употребление психоактивных веществ будет оставаться ценным для подростка, если ему не показать альтернативные способы достижения тех же целей. Просто запретить употребление ПАВ невозможно.

Образы отца или матери, с которыми может отождествляться человек, позиция обобщенного другого: друга, врага, партнера, образ авторитета и идеального Я представляют собой особые «мировоззренческие миры» (В.А. Петровский), обладающие каждый своей системой интерпретации, своими целями и представлениями о средствах их достижения. Отношения образа «Я» в системе интериоризованных образов значимых других и их ценностных ориентаций определяют не только представление человека о своем месте в жизни, но и соответствие или несоответствие его бытия ценностным меркам, диктуемым различными ролевыми позициями, задают его доминирующее эмоциональное состояние [Петровский, 1996а].

Выше мы уже говорили, что наркомания мультипричинна. Для каждого человека характерна индивидуальная комбинация причин и условий, приводящих к риску возникновения зависимости. С помощью описанной методики возможно определить индивидуальные риски наркотизации.

После тестирования испытуемых с помощью методики множественных идентификаций полученные результаты обрабатывались с помощью факторного анализа.

После обработки результатов методики факторным анализом выявляется несколько относительно независимых факторов у каждой группы испытуемых. Факторы (или координатные оси) состоят из используемых в методике оценочных качеств (общительный, властный, лидер и т.д.). Отнесенность того или иного качества к конкретному фактору определяется по величине факторной нагруз-

ки: чем больше факторная нагрузка, тем больше это качество имеет вес в данном факторе. Факторная нагрузка качества может быть отрицательной. Это означает, что данное качество включено в противоположный полюс фактора, т.е. противостоит качествам с положительной нагрузкой.

В результате исследования мы установили сходство особенностей индивидуального сознания взрослых наркоманов (находящихся в состоянии ремиссии от 1 до 8 месяцев), наркотизирующихся подростков (находящиеся в состоянии ремиссии от 2 до 6 месяцев) и подростков, не употребляющих наркотики.

Семантические пространства подростков, употребляющих наркотики и здоровых подростков по отдельности приведены в приложении 1.

Подробнее рассмотрим совмещенное семантическое пространство подростков, употребляющих и не употребляющих наркотики (рис. 4). При обработке совмещенной матрицы результатов выборки зависимых и здоровых подростков было получено четыре относительно независимых фактора (таблица 6).

В представленной таблице выделенные факторные нагрузки указывают на то, что соответствующее качество включено в данный фактор. Например, первый фактор образован качествами: общительный (факторная нагрузка – 0,53), лидер (0,89), деятельный (0,88), экспериментирующий (0,74), уверенный в себе (0,54), авторитетный (0,75). Все перечисленные качества располагаются на одном (положительном) полюсе первого фактора. Другой полюс этого фактора (отрицательный) состоит из прямо противоположных качеств: необщительный, не лидер, пассивный (не деятельный, ленивый), не экспериментирующий, неуверенный в себе, не авторитетный. Четвертый фактор образован следующими качествами: положительный полюс – общительный (0,68), нра-

Таблица 6

Таблица факторных нагрузок качеств по выделенным факторам

Factor Loadings (Varimax normalized).Extraction: Principal components				
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Общительный	0,534718	0,002477	0,325803	0,682878
Властный	-0,270441	0,516190	0,446002	-0,557710
Нравится мне	0,271268	0,424410	0,159898	0,633939
Напрягающий	-0,463723	-0,247410	0,142922	-0,563419
Опасный	0,020531	0,062708	-0,106884	-0,777704
Противоречивый	0,187406	-0,129075	0,905023	0,153380
Лидер	0,892786	0,019816	-0,076312	0,380749
Деятельный	0,882732	0,021277	0,095643	0,288565
Экспериментирующий	0,737610	0,233456	0,134240	-0,267399
Обидчивый	-0,069114	-0,805079	0,173769	-0,025309
Уверенный в себе	0,541998	0,652999	0,107533	0,160625
Авторитетный	0,748137	0,194970	0,423990	0,342333
Expl.Var	3,661828	1,696307	1,436068	2,568406
Prp.Totl	0,305152	0,141359	0,119672	0,214034

вится мне (0,63), отрицательный полюс – властный (- 0,56), напрягающий (- 0,56), опасный (- 0,78).

Итак, на одном полюсе первого фактора сгруппировались «сильные» личностные качества, которые обеспечивают успешность в жизни. Другой полюс этого фактора образован противоположными качествами. Первый фактор мы назвали «сила эго», заимствовав термин у В.Ф. Петренко. Четвертый фактор отражает степень принятия личностью образа (субличности).

Выделенные факторы дают нам представление о системе категоризации действительности, познания других людей и самого себя. Если качества по оценке испытуемых попадают в один фактор, значит, они близки по значению, связаны. Например, подросток оценивает другого человека как властного, значит, он склонен расценивать его как опасного для себя и напрягающего, и этот человек подростку не

нравится. И, скорее всего, общаться с таким человеком подростку будет тяжело, так как он оценивается подростком как необщительный.

При реконструкции семантического пространства мы приняли фактор 1 за ось X, а фактор 4 – за ось Y. В качестве объектов семантического пространства выступили субличности, которые испытуемые оценивали во время исследования. В расположении объектов в семантическом пространстве (графически представленном как координатная плоскость) наблюдается следующая закономерность: чем дальше от центра расположены субличности (чем больше по модулю их координаты на оси X, Y), тем больше в них выражены качества, образующие данный фактор.

В совмещенном семантическом пространстве красным цветом выделены субличности, которые оценивали подростки, употребляющие наркотики; звездочкой (*) отмечены субличности, которые оценивали здоровые подростки (рис. 5).

Полученное семантическое поле можно условно разделить на четыре области:

- I. Область принимаемого и сильного эго.
- II. Область принимаемого, но слабого эго.
- III. Область отвергаемого, пугающего и слабого эго.
- IV. Область пугающего, но сильного эго.

Самая насыщенная первая область включает в себя субличности: «Избранник», «Избранник*», «Я идеальное», «Отец», «Друг», «Друг*», «Мать», «Мать*», «Я под действием наркотика», «Я под действием наркотика*». Данные персоны принимаются, положительно оцениваются личностью и обладают теми качествами, которые образуют полюса факторов этой части семантического пространства. Эти субличности в той или иной степени характеризуются такими качествами, как: лидер, деятельный, экспериментирующий, авторитетный, уверенный в себе, общительный, нравится мне. Относительная близость всех рассмотренных субличностей говорит об их качественном сходстве, сходстве состояний, целей, ценностей, установок и т.д.

Совмещенное семантическое пространство наркозависимых подростков и подростков, не употребляющих наркотики*

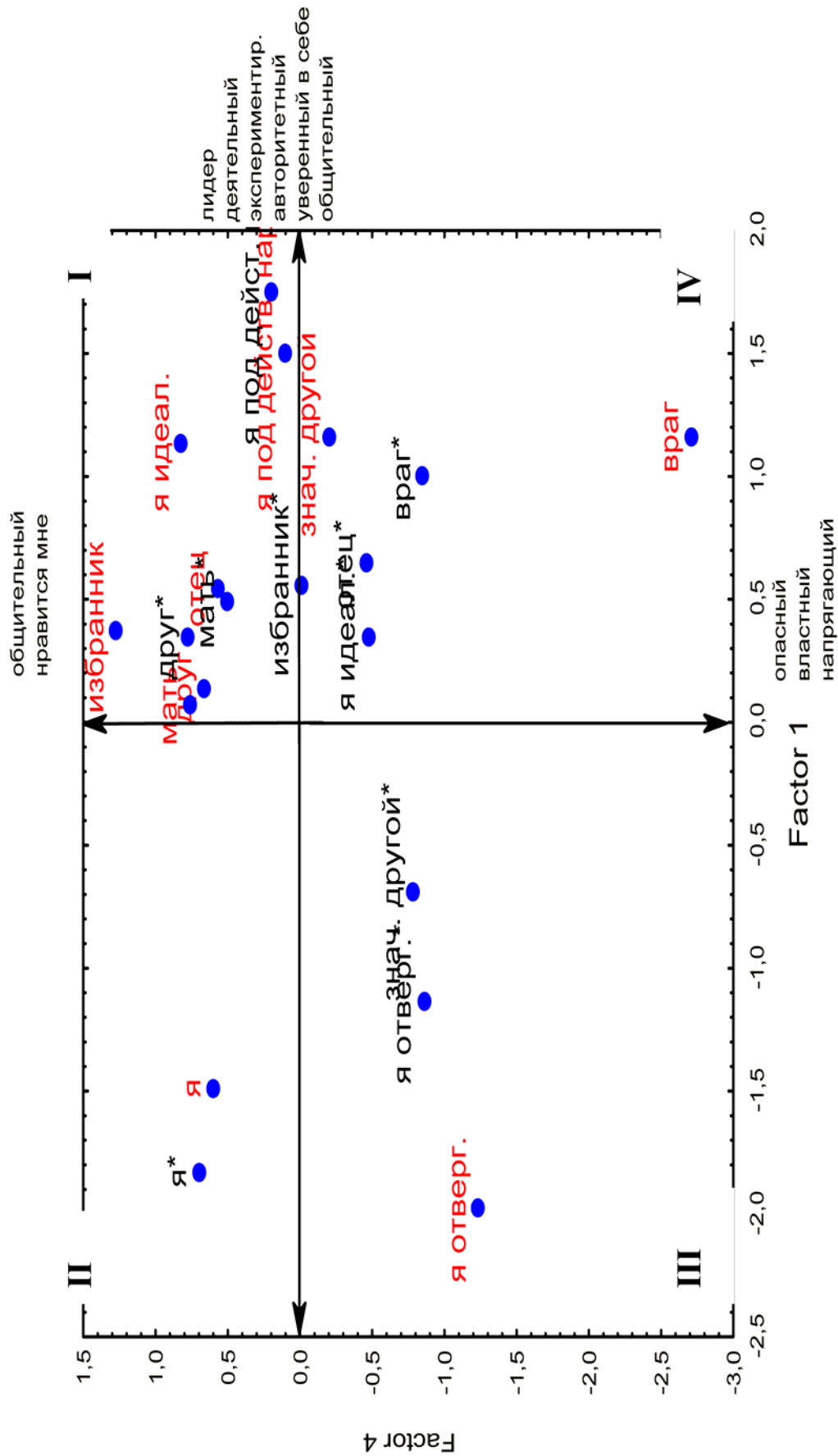

Рис. 5

Если принять положение, что расстояние между субличностями в семантическом пространстве, т.е. близость – удаленность, отражает характер существующих отношений, то можно предположить следующее.

Относительная близость субличностей «Мать», «Отец» к субличности «Я идеальное» и «Избранник» указывает на то, что родители влияют не только на формирование «Я идеального», но и на выбор спутника жизни: подростки стараются найти партнера, похожего на родителей. Этот вывод согласуется с положением теории транзактного анализа о наследовании семейного сценария (Э. Берн), психодинамическими теориями (З. Фрейд и др.).

В подростковом возрасте содержание образов «Друг» и «Избранник» практически совпадают. Можно предположить, что друзей подросток также выбирает под влиянием родителей.

Во второй области располагается субличность «Я», «Я *». Относительная удаленность субличностей «Я», «Я*» и «Я идеальное», «Я идеальное*» указывает на несоответствие актуального и желаемого уровня развития личности, т.е. идентичность, к которой стремится подросток, пока не достигнута. Однако, проекция образа «Я» у наркозависимых подростков по первому фактору близка к проекции образа «Я идеальное». Этот факт свидетельствует, что наркозависимые подростки, используя наркотическое вещество, достигают большего тождества образов «Я» и «Я идеальное».

Третья область содержит субличности «Я отвергаемое», «Я отвергаемое*», «Значимый другой». Эта область состоит из качеств, которые противоположны желаемым качествам для подростка. Они вызывают внутреннее напряжение и оцениваются как опасные. Проекция субличностей «Я отвергаемое», «Я отвергаемое*» и «Я», «Я*» на первый фактор близка, что указывает на сходное содержание этих образов. Подростки отрицают образ «Я настоящее» как слабый, не уверенный в себе, не обладающий авторитетом и т.п.

Четвертая область – пугающего и сильного эго – содержит субличности: «Враг», «Враг*», «Я идеальное*», «Отец*», «Мать*», «Значимый другой». Все перечисленные субличности в той или иной мере обладают качествами сильного эго. Однако, они являются менее принятыми образами, чем субличности из I области. Самой опасной, вызывающей напряжение и заставляющей подчиняться является образ «Враг», особенно для наркозависимых подростков. Для здоровых подростков образы «Я идеальное*», «Отец*», «Значимый другой*» оказываются также не приняты, как и образы «Я отвергаемое*», «Враг*».

Таким образом, можно говорить, что **подростки, не употребляющие наркотики, оказываются в ситуации меньшей личностной определенности, чем наркозависимые подростки.**

Полученные результаты позволяют утверждать, что употребление наркотиков в старшем подростковом возрасте способствует достижению личностной идентичности. Подросток воспринимает психоактивное вещество как средство обретения желаемых личностных качеств. Постепенно состояние «Я под действием алкоголя и наркотиков» может заменить состояние «Я настоящее», отождествиться с ним. Находясь в состоянии опьянения, подросток, таким образом, приближается по субъективным переживаниям к состоянию «Я идеальное», которое является для него недостижимым никакими известными ему другими средствами. Тем самым происходит сближение образов «Я настоящее» и «Я идеальное», возникает иллюзия достижения целостности, идентичности. Однако, само по себе *употребление наркотиков не разрешает психологических (онтологических) задач взросления*, поэтому подросток снова и снова вынужден употреблять наркотики, чтобы избавляться от генерализованной неудовлетворенности и поддерживать иллюзорное состояние идентичности.

Семантическое пространство наркозависимых взрослых оказывается похожим по основным характеристикам на семантическое

пространство наркозависимых подростков и подростков, не употребляющих наркотики. Однако, все основные субличности более, чем у подростков, группируются вокруг главной субличности «Я под действием наркотика», т.е. «наркоманская личность» уже сформировалась. Она обслуживает незавершенность, незаконченность развития в период взросления, компенсируя нерешенные психологические задачи подросткового возраста (рис. 6).

Данные проведенных исследований позволяют нам утверждать, что взрослые наркоманы продолжают жить в условиях неразрешенных задач взросления подросткового возраста.

Рассмотрев три выборки испытуемых, мы выделили риск и динамику развития аддикции:

- подростки с нерешенными психологическими задачами взросления;
- наркозависимые подростки;
- наркозависимые взрослые.

В процессе анализа групповых и индивидуальных результатов исследования были выявлены следующие предпосылки наркотизации.

1. Образ «Идеального Я» состоит в основном из качеств, которые способствуют достижению социальной успешности – общительный, лидер, авторитетный, уверенный и др. Таким образом, наркотик может восполнять личностный недостаток субъектности, активной жизненной позиции (близкое расположение субличностей «Я под действием наркотика» и «Идеальное Я»). Невозможность достижения идеала (как правило, сформированного под родительским влиянием).

2. Открытие «теневых» сторон в собственной личности и незнание, что с этим делать (используя терминологию К.Г. Юнга – открытие базового конфликта эго и тени), создает напряжение внутри личности и вынуждает подростка к поиску средства разрядки.

Семантическое пространство наркозависимых взрослых

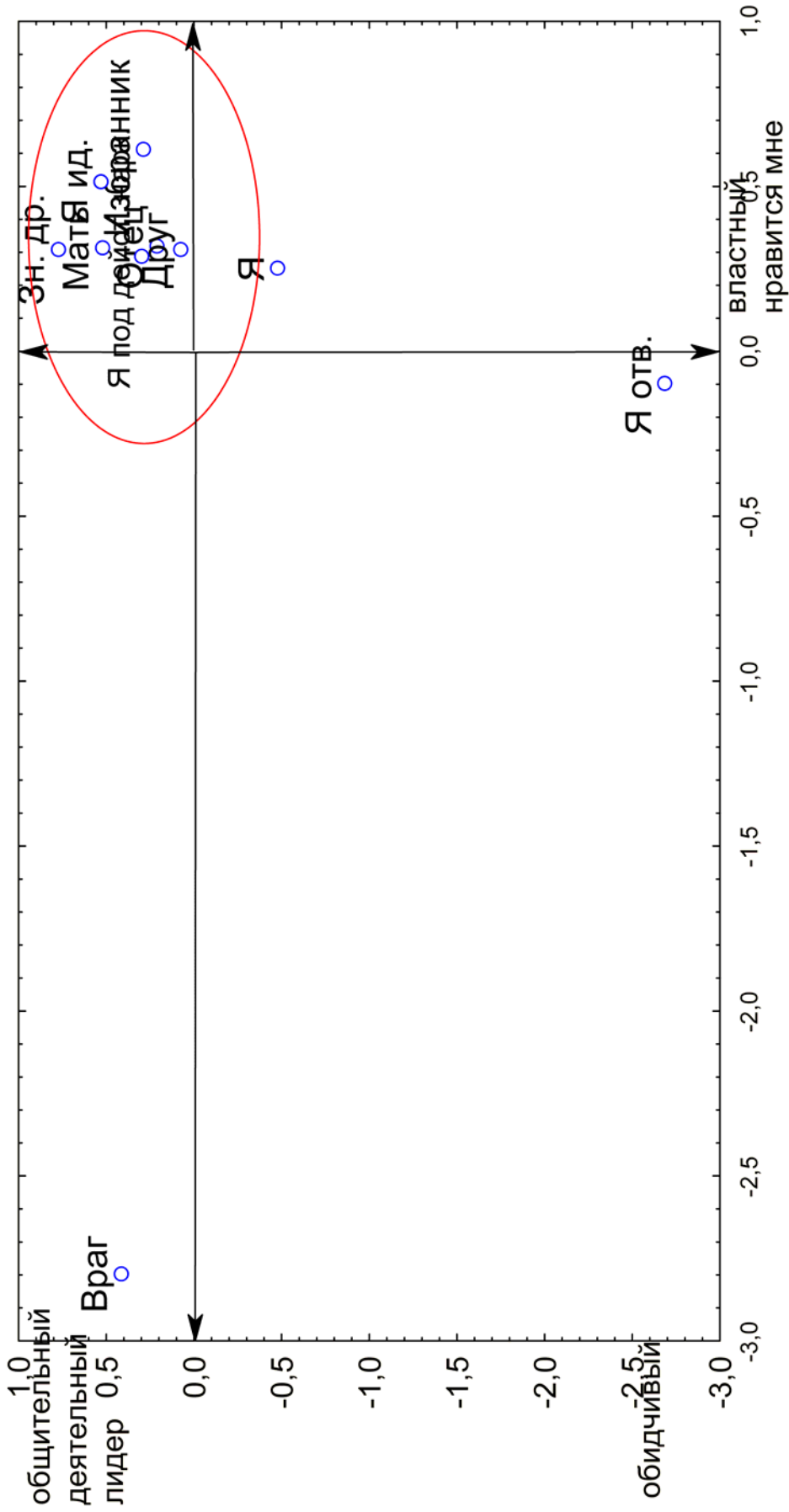

Рис. 6

3. Наркотик выступает как средство, поддерживающее отношения со значимыми другими (это может быть способ чувствовать себя нужным).

На первый взгляд обозначенные нами проблемы относятся к области межличностных отношений. Однако, межличностные отношения, возникающие конфликты с окружающими – это, прежде всего, проекция внутриличностных отношений. В основе нарушений межличностного взаимодействия лежат дисфункциональные отношения между отдельными внутренними образами (субличностью).

Для проверки наших выводов мы изучили семантические пространства людей, находящихся в состоянии длительной ремиссии (более 4 лет) (рис. 7), и взрослых, не употребляющих наркотики (рис. 8).

Полученные семантические пространства оказались сходными между собой и качественно отличными от семантических пространств, рассмотренных нами выше (подростков и наркозависимых взрослых).

Субличность «Я под действием алкоголя и наркотика» оказалась исключенной из области значимых субличностей и для здоровых взрослых, и для лиц, находящихся в длительной ремиссии. Для здоровых взрослых состояние «Я под действием алкоголя и наркотиков» оценивается как опасное и отвергается. Близкое расположение «Я отвергаемого» и «Я под действием алкоголя...» указывает на сходство этих образов. Они характеризуются необщительностью, обидчивостью, трусостью, ленью, неуверенностью, отсутствием авторитета и др. Для выборки наркозависимых, успешно прошедших профилактические и реабилитационные мероприятия, субличность «Я под действием алкоголя и наркотика» не только отвергается, но и рассматривается как враждебная. Для подростков и наркозависимых взрослых образ «Я под действием алкоголя...» имеет прямо противоположные характеристики.

В систему значимых субличностей включены такие образы, как: «Я настоящее», «Я идеальное», «Друг», «Избранник», «Значимый другой».

Семантическое пространство лиц, находящихся в состоянии длительной ремиссии

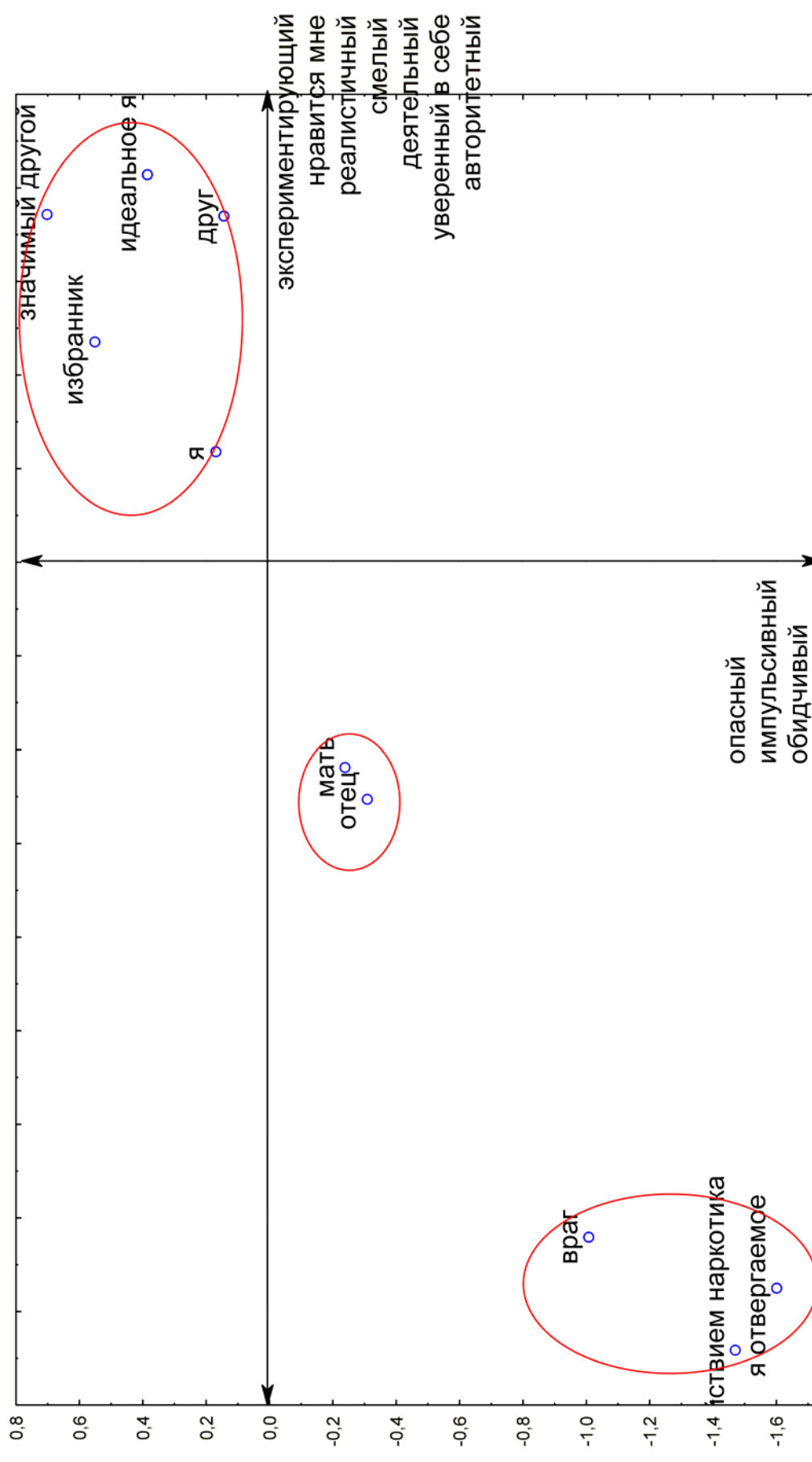

Рис. 7

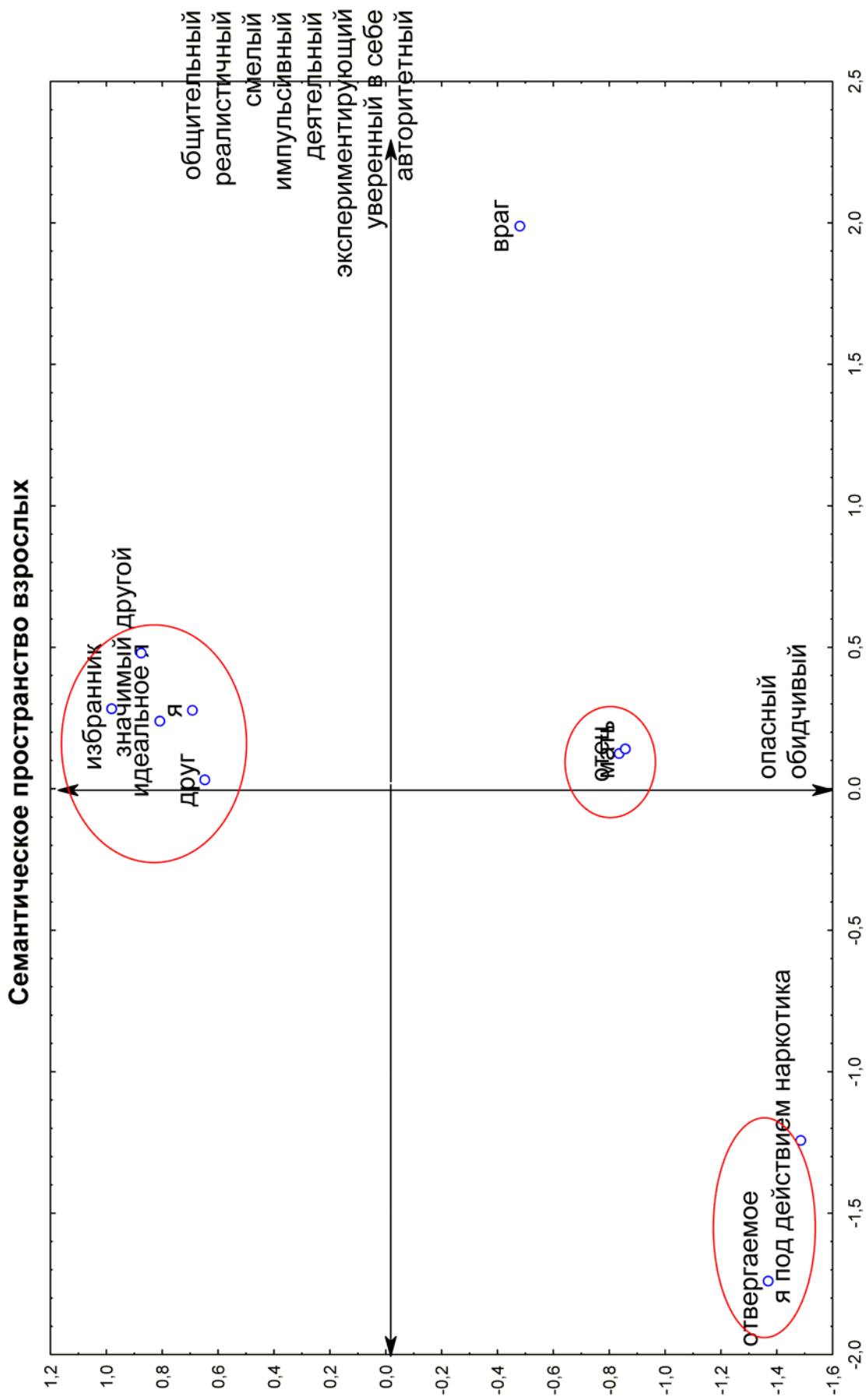

Рис. 8

В обеих выборках субличности «Мать» и «Отец» сходны по содержанию и отстоят от основных образов. Этот факт свидетельствует о приобретенной независимости от родителей. Сближение образов «Я настоящее» и «Я идеальное» говорит о содержательном их сходстве и достижении определенной степени идентичности личности взрослого.

У здоровых взрослых и людей, находящихся в состоянии ремиссии, оказывается пройденным этап подросткового кризиса. На это указывают данные исследования. Первые преодолели его самостоятельно, вторые в решении задач взросления вынуждены были обратиться за помощью к другим людям. Результатом взросления явилась приобретенная независимость от родителей, ответственность и способность самостоятельно определять содержание значимых для себя образов «Я идеальное», «Значимый другой», «Избранник», «Друг».

Приведенные результаты исследований представляют групповые, обобщенные тенденции. Количественный анализ результатов исследования, получаемых с помощью данной методики, будет важен, когда необходимо выявить общие для исследуемой группы тенденции, а качественный – когда изучается отдельная личность, ее отношения, проблемы, способы категоризации и др.

Итак, мы обнаружили, что состояние «Я под действием алкоголя» может быть для человека ценным, поскольку дает избыточность возможностей, снимает внутриличностное напряжение, создает иллюзию идентичности. Если человеку ничего не предложить взамен, не дать другого средства достижения этих целей, то отказаться от употребления психоактивных веществ он не сможет. В качестве альтернативы употребления наркотиков часто подросткам предлагают здоровый образ жизни. Однако, такой подход к профилактике оказывается неэффективным. В следующем параграфе мы постараемся прояснить, почему так происходит.

§2. Исследование ведущих ценностей периода взросления

По данным проведенного нами анкетирования работников системы образования (психологов, социальных педагогов, заместителей директоров по воспитательной работе), а также из анализа их работы с подростками можно констатировать, что организация профилактики формирования зависимого поведения является для них проблемной областью. Основная трудность в организации профилактики состоит в отсутствии личностно-ориентированного подхода к ее проведению. В основном профилактическая работа сводится к проведению лекций, бесед (возможно с привлечением специалистов здравоохранения, работников центров социально-психологической помощи, правоохранительных органов, юристов), конкурсов рисунков, плакатов, рефератов и др., тренингов на развитие навыков коммуникативной компетентности у подростков, которые, при отсутствии методологического подхода, превращаются в клуб общения. Конференции, круглые столы для специалистов, занимающихся организацией и проведением профилактики, малоэффективны и превращаются в отчет о проделанной работе.

Профилактическая работа с детьми, входящими в группу риска, сводится к постановке их на внутришкольный учет или на учет в отделение по делам несовершеннолетних, проведению бесед с подростками и их родителями, контролю за посещением учебных занятий. Подростки группы риска, по данным анкетирования, являются самой сложной категорией для социально-психологической работы, поэтому специалисты вынуждены либо дистанцироваться, либо формально выполнять необходимую работу.

Основной идеей организации профилактики является формирование у подростков навыков здорового образа жизни и сохранения здоровья, информирование о последствиях действия психоактивных веществ на организм, запугивание и др. Мы задались вопросом, насколько эта идея соотносится с ценностями подросткового возраста?

Для нас было важно выявить ценности в актуальной жизни подростка, на которые он ориентируется в период взросления, которыми он живет, а не просто имеет о них представление.

С целью определения наиболее значимых жизненных ценностей подросткового возраста мы провели опрос 250 подростков в возрасте 15-16 лет [Литягина, Лисецкий, 2003; 2004].

Респондентам предлагалось написать 20 ценностей, которые для них являются значимыми в жизни. После этого необходимо было выбрать из написанного списка 10 самых важных ценностей и расположить их в порядке значимости от 1 до 10. Первое место должна была занять самая важная ценность, десятое – наименее важная из выбранных.

Результаты показали наличие устойчивого противоречия между общепринятыми «взрослыми» представлениями о ценностях подросткового возраста и реальными ценностями периода взросления.

Наиболее значимыми ценностями для подростков являются: семья, родители; друзья; образование. Они занимают первые три позиции в рейтинге. Далее идут: любовь как отношение с противоположным полом; такие абстрактные ценности, как жизнь, свобода, независимость; материальное благополучие, карьера, работа. В рейтинге важных жизненных ценностей здоровье заняло десятое место, причем здоровье близких (родителей, родственников) оказалось более значимым, чем собственное.

Подросток не имеет достаточного знания о себе как здоровом или больном, но он хорошо знает, что такое здоровье и болезнь близких. Так как сфера отношений с родителями и близкими людьми для подростка является значимой, то естественно желание, чтобы они были здоровы. Здоровье является внутренне конфликтной сферой для подростков. С одной стороны, они опасаются в будущем не иметь хорошего здоровья, с другой, у подростков постоянно присутствует тенденция рисковать своим здоровьем. Подросток не знает, что такое здоровье, потому что в норме растущий организм

достаточно сильный и способен справляться с болезнями. Чтобы понять, что такое здоровье, и почувствовать себя здоровым, подросток должен знать, что такое болезнь. Опыт болезненных состояний он может получить, проводя эксперименты с собственным здоровьем, рискуя, испытывая свой организм. Само по себе состояние здоровья интересно для подростка, и конечно, он хочет быть здоровым. Однако, тот способ, который предлагают взрослые, а именно, здоровый образ жизни, рассматривается подростком как ограничение возможностей.

Принцип формирования навыков здорового образа жизни у подростков и молодежи, который положен в основу большинства программ профилактики зависимого поведения, не соотносится с ценностями подросткового возраста, и потому не может служить ориентиром и критерием для их разработки и распространения.

Вышеобозначенное положение подтвердило исследование значения категорий «здоровье» и «здоровый образ жизни» (точнее смысла, который вкладывают подростки и взрослые в эти понятия) на выборке (181 респондент) подростков в возрасте 15-17 лет и взрослых от 25 до 67 лет. Исследование проводилось с использованием модификации метода семантического дифференциала (Приложение 2). В результате выяснилось, что в определении рассматриваемых категорий подростками и взрослыми имеются существенные различия.

Приведем пример семантического пространства категорий «здоровье» и «ЗОЖ» так, как их оценивают подростки (для лучшего понимания мы приводим несколько упрощенную картину) (рис.9).

Факторы X и Y обозначены нами соответственно как личный и медико-социальный аспекты оцениваемых категорий «здоровье» и «ЗОЖ».

В медико-социальном аспекте в сознании подростка значение понятий «здоровье» и «здоровый образ жизни» сближаются: и здо-

ровые и здоровый образ жизни требует соблюдения правил личной гигиены, связано с физическими упражнениями и с соблюдением определенных правил питания (больше для понятия «ЗОЖ»), дает уважение и признание в обществе.

Сравнение понимания категорий «здоровье» и ЗОЖ подростками

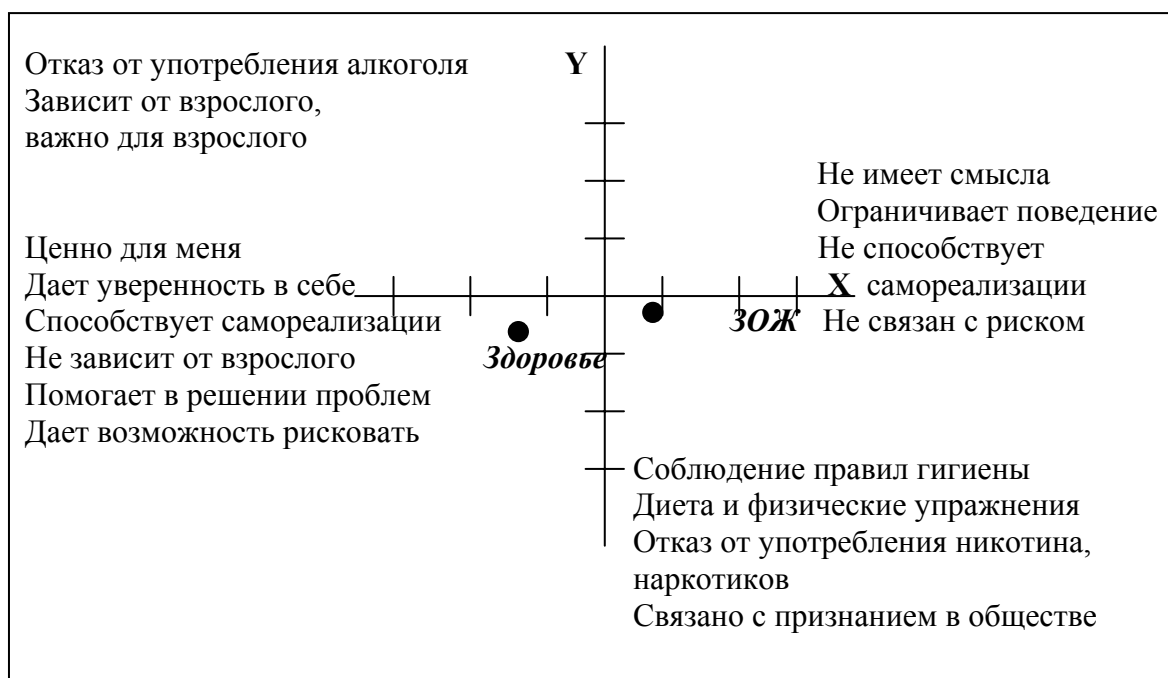

Рис. 9

В медико-социальном аспекте в определении подростками рассматриваемых понятий только на первый взгляд заметно сходство. На самом деле, можно видеть между ними принципиальные отличия:

- здоровый образ жизни предполагает правильное питание, а «здоровье», как его понимают подростки, позволяет человеку не придерживаться особых правил питания;

- подростки считают, что «здоровый образ жизни» предполагает отказ от употребления алкоголя и табака, в отличие от «здоровья», который позволяет курить и употреблять алкоголь;

– здоровье дает больше возможности рисковать и быть уверенным в себе, в своих силах и возможностях, тогда как соблюдение правил здорового образа жизни ведет к ограничению;

– здоровье важно для подростка значительно больше, чем здоровый образ жизни.

Следует обратить внимание на полярность фактора, отражающего медико-социальный аспект: употребление алкоголя и отказ от курения и наркотиков входят в противоположные полюса фактора. Этот не случаен. В профилактической работе в настоящее время упор делается на информировании о вреде наркотиков и никотина на организм человека, тогда как алкогольные напитки (в частности пиво) постоянно рекламируются в СМИ.

Из полученного семантического пространства (рис. 9) видно, что ценность «здоровье» для подростков заключается в том, что его наличие дает уверенность в себе, способствует самореализации, дает возможность рисковать, помогает в решении проблем и не зависит от взрослого. Тогда как «здоровый образ жизни» оценивается подростками как не имеющий смысла (т.е. не актуальный в подростковом возрасте); соблюдение правил ЗОЖ не связано с риском, ограничивает поведение и поэтому не ведет к самореализации.

Взрослый, формируя у подростка навыки здорового образа жизни, основывается на понимании категории «болезнь – здоровье», принятой во взрослом мире, где границы уже известны. Для подростка же здоровье ценно в том смысле, что дает возможность экспериментировать с телом и собой, выявляя таким образом свои возможности и способности. Переживая физический риск, подросток острее ощущает реальность собственного «Я», узнает об особенностях личностных границ и таким образом усваивает категории «болезнь – здоровье». Подросток не может разделить эти ценности, т.к. они не пережиты, отсутствуют в его опыте, а принять на веру – означает подчиниться, потерять свободу и попасть в зависимость от взрослого, снова оказаться в детской позиции.

Здоровый образ жизни в том смысле, как его понимают взрослые (отсутствие наркотиков, ограничение потребления табака и алкоголя, здоровое питание, соблюдение режима дня и др.), ограничивает самопознание подростка. Он может формально согласиться с задачами, поставленными ему взрослыми, но реально будет поступать в соответствии с собственными задачами взросления. Употребление, например, пива, компенсируя неуверенность и незрелость, обеспечивает психологическое благополучие, которое важнее отсроченного во времени (когда-то в старости что-то может болеть) физического здоровья. Таким образом, физическое самочувствие сильно зависит от психологического, и оно становится опережающим у подростков, в отличие от взрослых, у которых физическое и психологическое самочувствие более уравновешены. («Я знаю от взрослых, что употреблять алкоголь плохо, но сами взрослые это делают. Мне это дает ощущение собственной значимости, и я буду продолжать»).

С возрастом человек начинает понимать, что представляет собой содержание понятий «здоровье» и «здоровый образ жизни», в отличие от подростков, для которых эти понятия во многом являются абстрактными.

Понимание того, что здоровье связано с соблюдением правил ЗОЖ, зависит от него самого, требует затраты волевых усилий и полного отказа от любых наркотиков, приходит только к 25-35 годам. Однако, даже в этом возрасте существуют различия в рассматриваемых понятиях:

- «ЗОЖ» предполагает соблюдение правил гигиены, правильного питания, отказа от употребления табака и алкоголя, тогда, как здоровье дает возможность полностью или частично игнорировать эти правила;

- здоровье является большей ценностью, в отличие от ЗОЖ, его наличие позволяет быть взрослым и чувствовать себя уверен-

ным и независимым, дает возможность рисковать, в сравнении с правилами ЗОЖ, которые ограничивают поведение;

– обладая здоровьем, можно реализовать себя, оно помогает в решении проблем.

Таким образом, мы видим, что человек даже в возрасте 25-35 лет осознает ценность здоровья как возможность собственной реализации и не рассматривает ЗОЖ как условие сохранения здоровья.

По результатам нашего исследования это понимание приходит только в 40 – 60 лет, когда понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни» для взрослых становятся семантически близкими между собой категориями. Для одной группы взрослых ЗОЖ является условием сохранения здоровья, и они стараются соблюдать правила ЗОЖ. Другая группа взрослых рассматривает ЗОЖ как условие сохранения здоровья в подростковом и юношеском возрасте. Эта группа характеризуется большей пассивностью собственного поведения и, как правило, «не ведут» ЗОЖ. Основная причина такого образа жизни в том, что здоровье уже потеряно в молодости.

Результаты наших исследований согласуются с исследованием Т.А. Лазаревой [Лазарева, 2006]. В своей дипломной работе «Исследование переживания счастья в различные периоды жизни человека», выполненной под руководством Н.В. Зоткина, она показала, что потребность в здоровье своем и своих близких возникает в возрасте 20-35 лет, а ведущей эта потребность оказывается у людей в возрасте 65-75 лет. По данным ее исследования для детей и подростков от 7 до 18 лет здоровье вообще не включено в систему значимых ценностей, достижение которых способствует переживанию счастья. Молодые люди 20-35 лет рассматривают здоровье как один из необходимых источников материальной обеспеченности. Для пожилых людей здоровье ценится как само по себе, так и за то, что позволяет поддерживать более широкие межличностные связи. В период геронтогенеза удовлетворенность жизнью во многом зависит от того, насколько человек способен обслуживать себя, общать-

ся, вести активную жизнь, быть социально активной личностью. Четко различая болезненные состояния и здоровье, пожилые люди осознанно подходят к организации жизненного пространства, регулируют свой образ жизни и деятельности. Вот тут и находит свое применение здоровый образ жизни для сохранения и поддержания оставшегося здоровья. Сохранение и поддержание уровня здоровья становится важнейшим и необходимым условием для продуктивной жизни пожилых людей. Однако, даже в этом возрасте здоровый образ жизни свойственен не всем пожилым людям. Поддерживать здоровье стремятся те люди, у которых имеются другие важные цели в жизни, которых они хотят достичь. Если пожилой человек разочарован, находится в состоянии апатии, ни к чему не стремится и уже ничего от жизни не ждет (т.е. смысл жизни утрачен), здоровье ему тоже ни к чему.

Исследуя подростковые ценности, мы заинтересовались вопросом, насколько подросток сам разделяет и осознает декларируемые им ценности, кто является носителем этих ценностей в социальном окружении подростка, и в каких внутренних образах (субличностях) они воплощаются.

Для исследования мы вновь использовали методы экспериментальной психосемантики, в частности, методику множественной идентификации. Всего было обследовано 35 подростков в возрасте 16 лет. Результаты были обработаны с использованием процедуры факторного анализа.

В качестве оценочных характеристик мы взяли ценности подростков, выявленные в предыдущем исследовании, и добавили параметр «здоровый образ жизни» (рис. 10).

Респондентам предлагалось оценить, насколько предъявляемые ценности актуальны для следующих персонажей: «Я в 13 лет», «Я – взрослый», «Я – идеальное», «Я в настоящем», «Мои родители», «Типичный подросток», «Типичный взрослый», «Здоровый человек», «Счастливый человек», «Успешный человек».

Рис. 10

Анализ полученных результатов показал следующее.

1. Для подростка оказались связаны такие ценности, как самореализация, свобода и независимость, собственное здоровье, образование, уважение и признание. Собственное здоровье и образование рассматриваются подростками как условие личной успешности. Эти ценности составили положительный полюс фактора X.

Фактор Y образован такими ценностями, как «риск» и «любовь», с одного полюса, а другой включает осознание здоровья близких как ценность, карьерный рост, наличие хорошей работы и здоровый образ жизни. Обратим внимание, что в сознании подростка любовь (отношения с противоположным полом) связывается с возможностью рисковать, а риск и любовь противопоставляются здоровому образу жизни. Расположение вышеперечисленных качеств еще раз подтверждает тезис о том, что здоровый образ жизни не согласуется с ценностями подростков, т.к. ограничивает реализацию потребности в интимно-личностном общении с противоположным полом и рискованное поведение.

2. Себя подростки оценивают как склонных к риску, стремящихся к установлению контактов с противоположным полом, не заботящихся о соблюдении правил здорового образа жизни, и в этом образ «Я в настоящем» совпадает с образом «Типичного подростка». Однако «Типичный подросток» представляется ограниченным в возможности самореализации, проявлениях свободы и независимости, его меньше волнует собственное здоровье и образование в отличие от образа «Я в настоящем», который оценивается как более успешный. Это может свидетельствовать о несколько оптимистичных, возможно неадекватных представлениях о себе в сравнении со своими сверстниками.

3. Образы успешного, счастливого и здорового человека практически сливаются в оценках подростков и характеризуются высокой степенью личной успешности.

4. Близость образов «Мои родители», «Я-идеальное», «Я-взрослый» объясняется тем, что они складываются под влиянием родителей. Содержание понятий «здоровье» и «здоровый образ жизни» и отношение к ним подростка изначально определяется тем, как родители определяют и относятся к собственному здоровью, к здоровью близких и соблюдению правил здорового образа жизни.

5. В сознании подростка образ «Типичного взрослого» близок по значению с образом «Типичного подростка». Подросток приписывает взрослому достаточно высокую вероятность проявления риска и допущение несоблюдения правил здорового образа жизни. Подросток рассуждает примерно так: «Если сами взрослые поступают не так, как учат меня, значит, чтобы быть взрослым, я тоже не буду соблюдать правила ЗОЖ».

На основании результатов проведенных исследований, в частности сравнения выявленных ведущих ценностей подросткового возраста и основных задач взросления, можно утверждать, что решение задач взросления является ценным для подростка (таблица 7).

**Сравнение ведущих ценностей подросткового возраста
и задач взросления**

<i>Ценности</i>	<i>Задачи взросления, онтологического укоренения</i>
* Я и мое имя	Принятие своего имени
Риск, признание	Принятие собственной внешности и тела
Любовь, дружба	Выстраивание отношений с противоположным полом, усвоение специфики поведения и образа мужской или женской роли
Семья, родители, родственники. Здоровье близких. Свобода, независимость	Выстраивание отношений с родителями и другими взрослыми, освобождение от эмоциональной зависимости
Друзья, дружба, доверие, преданность	Выстраивание отношений со сверстниками обоих полов, с группой
Жизнь как целое Образование; карьера и профессиональная перспектива, благосостояние и благополучие	Выбор профессиональной перспективы. Выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью, Богом / Абсолютом)
Собственное здоровье (больше психологическое, чем физиологическое)	Принятие себя
Мой город, мир, Родина. Этнокультурные основания.	Построение системы ценностей. Формирование социальноответственного поведения (подготовка к участию в деятельности общества и усвоение политической и общественной ответственности гражданина)

* задача отношения к имени как чувственно-телесному переживанию, решается в начале подросткового возраста

Результаты исследований свидетельствуют, что принцип формирования навыков здорового образа жизни у подростков и моло-

дежи, положенный в основу большинства программ профилактики, не соотносится с ценностями подросткового возраста (Е.В. Литягина, К.С. Лисецкий). Ценность «здоровье» для подростков в том, что его наличие дает уверенность в себе, способствует самореализации, дает возможность рисковать, помогает в решении проблем и не зависит от взрослого. «Здоровый образ жизни» оценивается подростками как не имеющий смысла (т.е. не актуальный в подростковом возрасте); соблюдение правил ЗОЖ не связано с риском, ограничивает поведение и поэтому не ведет к самореализации [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004; Литягина 2004]. Любое ограничение подросток оценивает как «покушение» на собственную взрослость, что вызывает реакцию протеста. Часто естественные особенности развития подростков в период взросления, прежде всего противоречивость, расцениваются взрослыми как личностные нарушения. При таком подходе неудивительно, что учащиеся подросткового возраста, как правило, пополняют категорию «детей группы риска». Профилактика, как правило, связывается с термином «формирование» (навыков здорового образа жизни, конструктивного общения, преодоления стрессовых ситуаций и др.), т.е. предполагается отсутствие в личности подростка каких-то качеств, дефицит навыков, неверные жизненные ориентации и др. Недостаточно уделяется внимания особенностям внутреннего мира личности, ценностям и потребностям подростков. Воспитывающие взрослые практически не помогают подростку решать специфически психологические задачи взросления. В итоге подросток взрослеет вопреки взрослому миру, используя известные и доступные для себя способы – курит, необоснованно рискует, употребляет психоактивные вещества, т.е. не соблюдает правила ЗОЖ.

В период взросления физическое развитие, как правило, опережает социальное, вызывая при этом гиперчувствительность во всех важных сферах жизни. Там, где подросток не справляется с ситуацией, в его поведении появляется реактивность. Задача воспитателей

научить подростков трансформировать реактивность в личностную активность и таким образом актуализировать устремления.

Адекватно используя энергию и сопротивление реактивности, можно содействовать в решении задач взросления. Если подросток переживет ощущение «Я МОГУ решать свои задачи САМ», он будет доверять себе, верить в собственные силы. А человек, доверяющий себе, – доверяет миру [Скрипкина, 1998]. Подросток осваивает ценности взрослого мира, не теряясь в нем, а приобретая ощущение уникальности и неповторимости собственного Я, которое переполнено желаниями и активностью в поисках проверки своих возможностей.

Выводы по главе II

1. Взрослые наркоманы живут в условиях нерешенных задач взросления подросткового возраста. Семантические пространства, отражающие структуру индивидуального сознания наркозависимых взрослых и подростков, имеют сходное строение и отражают неразрешенные задачи подросткового возраста. Наркотик восполняет личности недостаток субъектности, на что указывает близкое расположение образов «Я под действием наркотика» и «Идеальное Я».

2. Подростки, не употребляющие наркотики, оказываются в ситуации меньшей личностной определенности, чем наркозависимые подростки.

3. Употребление наркотиков в старшем подростковом возрасте способствует достижению личностной идентичности. Подросток воспринимает психоактивное вещество как средство обретения желаемых личностных качеств.

4. Само по себе употребление наркотиков не разрешает психологических (онтологических) задач взросления, поэтому подросток снова и снова вынужден прибегать к наркотикам, чтобы избавлять-

ся от генерализованной неудовлетворенности и поддерживать иллюзорное состояние идентичности.

5. Существует устойчивое противоречие между общепринятыми «взрослыми» представлениями о ценностях подросткового возраста и реальными ценностями периода взросления.

6. Принцип формирования навыков здорового образа жизни у подростков и молодежи, который положен в основу большинства программ профилактики зависимого поведения, не соотносится с ценностями подросткового возраста, и потому не может служить ориентиром и критерием для их разработки и распространения.

7. Здоровый образ жизни в том смысле, как его понимают взрослые (отсутствие наркотиков, ограничение потребления табака и алкоголя, здоровое питание, соблюдение режима дня и др.), ограничивает самопознание подростка. Он может формально согласиться с задачами, поставленными ему взрослыми, но реально будет поступать в соответствии с собственными задачами взросления.

8. У детей и подростков от 7 до 18 лет здоровье не включено в систему значимых ценностей, достижение которых способствует переживанию счастья. Потребность в здоровье своем и своих близких возникает в возрасте 20-35 лет, а ведущей оказывается у людей в возрасте 65-75 лет. Молодые люди 20-35 лет рассматривают здоровье как один из необходимых источников материальной обеспеченности. Для пожилых людей здоровье ценится как само по себе, так и за то, что позволяет поддерживать более широкие межличностные связи.

ГЛАВА III. ПСИХОЛОГИЯ НАРКОТИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Личность как само - чувство

Как остаться подлинно живым,
не будучи «дрожащей тварью»?

Грех, получая положительное
подкрепление, забывает рас-
каяние, совесть, любовь.

Искать единственную причину употребления людьми наркотических веществ – дело малополезное. Причин для этого может быть столько, сколько бывает проблем в жизни человека. Наркотическая зависимость легче всего возникает у подростка не тогда, когда его жизнь невыносимо тяжела, и не тогда, когда она легка (и потому бывает скучна), а тогда, когда он переживает в себе избыточные возможности, открывает в себе другой «формат» своей личности, позволяющий ему расправляться как с тяжестью, так и со скукой в своей жизни [Научно-методические основы первичной профилактики..., 2000].

Наркотики в буквальном смысле «отдают» судьбу каждого в его собственные руки. Но это уже проблема личного выбора варианта отношения к себе, к другим, к окружающему миру [Лисецкий, 2002].

- Зачем ты начал употреблять наркотики?
- Так получилось...
- Тебя заставили, уговорили?
- Нет.
- В чем же причина?
- Не знаю... Во мне, наверно...

Единственный мотив в ситуации выбора, который может быть выражен однозначно – ЗАХОТЕЛ. Человеку всегда, даже в счаст-

ливые мгновенья, не хватает чего-то, чтобы еще лучше себя почувствовать.

Мы предприняли попытку разобраться в некоторых особенностях субъективного выбора подростка, его «хотении хотеть», в неисчерпаемом желании испытать себя, даже если это осуждается окружающими или опасно для жизни. Дело даже не в том, что «запретный плод так уж сладок», и не в том, что подростку вдруг стало нечем себя занять, а в том, что ситуация, в которой есть множественность исходов, дает шанс подростку на преодоление себя, на переживание личностной целостности.

Общеизвестно, что главная опасность употребления наркотических веществ – возникновение зависимости от них. Специалисты выделяют два вида зависимости: физическую и психическую. Среди факторов, способствующих появлению зависимости, выделяют: биологические, психологические и социальные [Иванец, 1995].

В наркологии принято считать, что физическая зависимость развивается в результате того, что организм человека «настраивается» на прием наркотических веществ и включает их в свои биохимические процессы. Это постепенно приводит к соматовегетативным и неврологическим нарушениям, способствуя астеническим, депрессивным, невротическим и психопатическим расстройствам. В случае если организм не получает очередную дозу наркотического вещества, начинается абстиненция (как говорят в народе – ломка).

При рассмотрении психической зависимости и психологических факторов употребления наркотических веществ мы находим много спорного и пока малопригодного в конкретной профилактической работе [Психологические особенности наркоманов периода взросления, 2000].

Психология зависимости от наркотических веществ становится принципиально важной, когда речь идет о «срывах» после длительного неупотребления (ремиссии). Почему возникают срывы? Как их предотвратить в условиях, когда физическая зависимость и абсти-

нентный синдром полностью отсутствуют? Каким образом личностно-психологические особенности человека становятся первопричинными в отношении биологических и социальных оснований употребления наркотиков?

В наркологии и психиатрии психическую зависимость определяют как болезненное стремление к постоянному или периодическому употреблению наркотических веществ, в основе которого лежит воспоминание о переживании эйфории. Употребление наркотиков обеспечивает индивиду возможность испытывать желаемые приятные ощущения или снимать чувство дискомфорта. Злоупотребление наркотическими веществами ведет к формированию патологической структуры в личности употребляющего. Для такой личности становятся характерными следующие проявления.

1. Обострение борьбы мотивов в отношении оценки своего состояния и самочувствия.

2. Охваченность желанием (компульсивным или импульсивным стремлением) получать наркотическое вещество без учета ситуации.

3. Доминирование отношения к наркотическому веществу как сверхценности, отказ в его пользу от других альтернатив, наслаждений и интересов.

4. Периодический или циклический рост частоты употребления и концентрации наркотика вопреки пониманию вредных последствий.

В первой главе этой книги для обозначения психической зависимости мы использовали термин «аддиктивная зависимость» (масло масляное, аддикция – это и есть зависимость) или «аддиктивное поведение», самое простое и короткое определение которого – «злоупотребление ПАВ».

Лекарства, обладающие психоактивными свойствами, рекомендуют больным, находящимся в депрессивных, тревожных, ипохондрических и других состояниях подобного рода. Лечебные

свойства психоактивных препаратов используют для преодоления аутизма, расширения контактов с окружающими, снижения агрессивности в поведении больных и др.

К сожалению, наркотики употребляют не только больные люди, для которых наркотическое вещество играет роль лекарства, но и значительное число людей, для которых ПАВ – универсальное средство самоизменения своего душевного состояния. Ответ на вопрос: «Зачем они это делают?» содержится в самом названии – «психоактивные вещества» – вещества, способные изменять психическую активность человека. Естественно, что при немедицинском употреблении наркотиков все их лечебные качества сохраняются. В связи с этим у врачей возникает искушение приписывать незаконным потребителям наркотиков различные психические расстройства (подобные, названным выше) до того, как они (расстройства) действительно диагностированы.

Медицинская наука и практика придерживаются объективных методов и показателей в лечении больных. Иначе быть и не должно. Однако, когда речь заходит о низкой результативности наркологической помощи, то все специалисты высказывают обвинения в адрес «плохих» личностных качеств своих пациентов. «Бессубъектный» в начальный период лечения больной после неудачного лечения, объявляется субъектом своего активного, чуть ли не сознательного «невыздоровления», а наркомания – неизлечимой болезнью. Неизлечимость наркоманов обосновывается их психопатиями, особенностями (акцентуациями) характеров, искаженными представлениями о себе, низкой самооценкой, преобладанием гедонистических установок, недооценкой вреда наркотиков, положительным отношением к легальным наркотикам, затруднениями в общении, стремлением зарабатывать на распространении наркотиков, несформированностью высших эмоций, личной незрелостью, стремлениями искать защиту у окружающих, неспособностью принимать рациональные решения и контролировать себя, привычкой

избегать жизненно важных проблем. Все это может послужить поводом для употребления наркотиков. Но тогда получается, что первопричиной наркомании нужно признать «неидеальность» человека. По медицинским показателям только у идеального человека нет повода для употребления наркотиков.

В литературе можно встретить сравнение психической зависимости с «чувством любви». Влюбленный все время думает о предмете своей страсти, ожидает встречи с ним, стремится к нему, радуется, если встреча вот-вот состоится, тоскует и нервничает, если она откладывается, готов на все, чтобы постоянно быть рядом с предметом своего влечения. Любовь до сих пор не смогли объяснить ни философы, ни поэты. Так что мы имеем дело с определением одной неизвестной переменной через другую, еще более неизвестную и более сложную переменную.

Как наркотические вещества влияют на самочувствие, поведение, психические процессы и личность индивида, написано очень много книг и статей, но как психические процессы и личность могут влиять на поведение и самочувствие потребителя наркотиков, мы пока знаем очень мало.

Изучая поведение наркозависимых, мы обнаружили большое количество аргументов в пользу психической детерминации самочувствия наркомана даже в периоды острой абстиненции, то есть в период усиленной биологической детерминации. Известно, что в состоянии «ломки» возникают нарушения сна, пищеварения, функционирования слизистых оболочек, терморегуляции организма и др. В таких случаях говорят, что «больной не может найти себе места». Однако на практике приходится сталкиваться с явлениями, которые не вписываются ни в одну из биодетерминистских концепций. Например, если наркоману, находящемуся в «ломке», удастся раздобыть деньги, даже если у него нет в данный момент возможности приобрести наркотики, то лишь представление о том, как он приобретет их потом, завтра, когда-нибудь, снимает признаки бо-

лезненного состояния. Человек, только что метавшийся по комнате, спокойно засыпает безмятежным сном с блаженной улыбкой на губах. Подобные «выздоровления» могут возникать неоднократно. Что это? Опережающее отражение, способное подчинять себе работу вегетативной системы организма?

Интересный случай мы наблюдали по дороге в загородный реабилитационный центр (общину), расположенный в стороне от основной автомобильной трассы. Дождь размыл грунтовую дорогу, и автомобиль завяз по самое «брюхо» в середине пути от шоссе до общины. В машине находились два наркомана, следовавшие в центр реабилитации, сопровождающий – автор повествования и водитель. Надвигалась ночь, а вместе с ней у будущих реабилитантов начались признаки «ломки». Решили толкать машину к месту назначения. Движение было столь трудным и медленным, что периодически охватывало отчаяние... затем становилось жаль пройденного пути и движение возобновлялось. К рассвету группа добралась до «места дислокации». «Ломки» не было. Вместо нее возникло чувство радости.

Выходит, что абстиненция иногда зависит от психологического настроения личности не меньше, чем от обезболивающих таблеток. Если это так, то психология зависимости заслуживает более глубокого изучения.

Приведенные примеры – вовсе не уникальные случаи психологического обезболивания. В некоторых центрах реабилитации наркозависимых часто используют духовно-ориентированные практики психологической помощи для уменьшения физических страданий, особенно на этапе отказа от наркотических веществ. Нам известно множество фактов, когда болевые ощущения «исчезали» или вовсе не появлялись в условиях переживаний трансперсонального характера.

В качестве других доказательств «психологической анестезии» абстинентного синдрома можно привести примеры, связанные с

кровопусканием или уколами обыкновенной кипяченой водой. Это относится к внутривенному (инъекционному) употреблению наркотиков. Если у наркомана нет возможности сделать себе инъекцию, то можно просто «перерезать себе вены», приведя в ужас своих родных и близких. На самом деле вид крови снимает напряжение и боль абстинентного синдрома. Кстати, все опытные наркоманы режут себе вены так, чтобы кровотечение можно было легко остановить. Что и происходит сразу после того, как их родные в очередной «последний раз» дают им деньги на приобретение наркотиков. Нам известны случаи, когда эффект снижения боли возникал у наркомана или группы наркоманов, когда в их присутствии один из них «резал свои вены». В тех случаях, когда кровопускание помогает недостаточно, некоторые наркоманы использовали укол кипяченой водой.

Эффект обезболивания часто зависит от визуального наблюдения за движением крови в шприце, которая попадает туда через иглу после прокола вены. Потребителю хорошо известно, что самого наркотика в кипяченой воде нет.

Приведенные примеры подтверждают психологическое происхождение многих аспектов наркотической зависимости. Это означает, что роль личности в физиологии человека намного больше, чем это представляется в естественно-научных дисциплинах.

Интеграция биологии и психологии помогла бы достичь новых результатов и открыть новые методы в медицинской практике. Необходимость развития психосоматического направления в медицине уже ни у кого не вызывает сомнения. Психологизация лечебного процесса все больше востребована обществом. А ее реализация все более заметна по внедрению новых психотерапевтических и психокоррекционных программ. Различного рода формы зависимого поведения (аддикции) не только трудно лечить, но даже трудно понять без анализа психологической картины болезни. Эта картина пока еще рассматривается медициной как фон, как «сцена», как

«декорация» болезни, но не как личностно-опосредованное пространство субъекта, способного к самоизменению.

Влияние различных заболеваний на личность человека более или менее подробно описано в медицинской литературе. Тогда как влияние личности на возникновение физических заболеваний основательному рассмотрению пока что не подвергалось.

Если личность по своей природе (и по определению) активна, то она не может быть бесконтактной, изолированной от организма инстанцией, временно прописанной в «теле» отдельно взятого индивида. Соответственно она не может быть безразлична, нейтральна в отношении болезненных состояний ее носителя. Личность, проявляя себя определенным образом, либо способствует, либо препятствует развитию болезни тела.

§ 2. Взаимосвязь действования и чувствования

Человек – предмет взаимодействия двух разнородных, противоречащих друг другу источников: природного и культурного. Синтез природного и культурного (организмического и социального) создает «новые единицы» бытия человеческого Мира – мир Отношений. Эти отношения являются основой существования и дальнейшего развития человеческой личности. Если синтез осуществляется в условиях сложного, противоречивого с точки зрения личности выбора (в ситуации неопределенности, непредрешенности, риска), то мы говорим о проявлении человеком своей субъектности, об акте его личностного самоопределения. Если личность человека в какой-то мере психофизична, то его соматика в той же мере личностна.

В связи с этим, мы предлагаем понимать проблему злоупотребления наркотическими веществами как проблему личности, употребляющей наркотики в определенном социальном контексте, когда общество и культурная среда реагируют на это весьма противоречиво. Личность и социум имеют источни-

ки собственной активности и при определенных условиях могут становиться причинами изменений самих себя. Наркотическую зависимость мы будем понимать как форму отношений «Личность – наркотик», а также как форму взаимоотношений субъекта с самим собой.

Прежде чем начинать дорогостоящее медикаментозное лечение, стоит ответить на вопрос, почему наиболее результативными программами реабилитации наркозависимых являются лично-относительно-ориентированные программы: 12 шагов, группы взаимопомощи, духовно-ориентированные центры и трудовые общины?

О взаимосвязи умственных, эмоциональных и волевых процессов с физическими действиями человека известно давным-давно. Еще в XIX веке И.В. Сеченов подробно описал взаимовлияние «чувствования» (невидимого извне психического процесса) и «действия» (внешне наблюдаемого физического движения). Будучи различными по происхождению, они сопровождают друг друга до момента завершения человеком своего действия и «разрядки» чувства. Когда «разрядка» чувства и окончание действия совпадают, человек переживает состояние удовлетворения. Когда они не совпадают, снижается мотивация к дальнейшему действию.

«Чувствование» выполняет сигнальную функцию для «действия». Оно непрерывно посылает сигналы обратной связи в мозг человека, обеспечивает ему различение ситуативной динамики пространственно-временных изменений и возможность отличать одно мгновение от другого.

«Чувствование» имеет свой онтологический статус. Это легко заметить в случаях, когда человек вынужден делать то, что не хочет, или то, что ему неприятно. Сознание может «нашептывать» различные мотивы, но обмануть «чувствование» на протяжении всего «действия» ему удастся редко. Действие наперекор своим чувствам не бывает успешным. Противоположные чувства вызывают в теле дополнительные напряжения и усталость.

Активационная теория Линдсея–Хебба раскрывает влияние ретикулярной формации нижней части ствола головного мозга на эмоциональное состояние человека. Эмоции возникают вследствие нарушения и восстановления равновесия в соответствующих структурах центральной нервной системы [Изард, 1980].

Эмоции регулируют психическую активность человека, оказывая на нее вполне определенное влияние в зависимости от характера и интенсивности эмоционального переживания. Д.О. Хебб экспериментальным путем получил кривую, выражающую зависимость между уровнем эмоционального возбуждения человека и успешностью его практической деятельности. Между эмоциональным возбуждением и эффективностью деятельности человека существует криволинейная, «колоколообразная» зависимость (рис. 11).

Рис. 11

Для каждого человека (а в целом и для всех людей) имеется оптимум эмоциональной возбудимости, обеспечивающий максимум эффективности в работе. Оптимальный уровень эмоционального возбуждения, в свою очередь, зависит от многих факторов: от особенностей выполняемой деятельности, от условий, в которых она протекает, от индивидуальности включенного в нее человека и от многого другого. Слабое эмоциональное возбуждение не обеспечивает должной мотивации деятельности, а слишком сильное разрушает ее, дезорганизует и делает практически неуправляемой.

Возбуждение усиливает или ослабляет мотив. Но, по результатам исследований Д.О. Хебба, и мотив усиливает или ослабляет

возбуждение. Это позволяет нам говорить о взаимосвязи побуждений и возбуждений человека, побуждений, направленных на поиски оптимального в конкретной ситуации возбуждения.

До сих пор не получил окончательного ответа вопрос о том, каков этот оптимальный уровень. Некоторые сторонники данной концепции считали, что оптимальный уровень, к которому стремится организм, – некий нулевой уровень. Однако факты говорят о том, что это не так, поскольку некоторые виды раздражителей мы, несомненно, активно ищем сами. Например, такие, как вкус сладкого, сексуальные заигрывания, спортивные тренировки или захватывающие дух аттракционы. Эти действия не имеют смысла, если стремиться снизить уровень возбуждения или избежать стимуляции.

Поиск стимуляции можно наблюдать даже у животных, в частности крыс, которые предпочитают пить искусственно подслащенную воду, ради которой им приходится преодолевать препятствия, вместо того, чтобы пить обычную и без труда, хотя подсластитель не содержит калорий и не утоляет голода. Подобные выводы можно сделать и в отношении деятельности, движимой любопытством или «работой ради работы». Люди изобрели много способов испытывать парадоксальные удовольствия от страха и опасности. Похоже, что переживание удовольствия от решения не необходимой, не навязанной извне задачи уже является наградой. Люди приобретают загадки-головоломки, решают кроссворды и анаграммы в газетах, а также другим бесконечным множеством способов, часто весьма экстремальных, усиливают свою активность вместо того, чтобы постараться снизить ее, сэкономить свою энергию. Например, прыжки с парашютом с высотных зданий требуют огромных эмоциональных затрат.

Эти факты говорят, что оптимальный уровень возбуждения, вероятнее всего, находится выше нуля. Если же мы находимся значительно выше этого уровня, мы пытаемся снизить стимуляцию своей активности.

Каков же оптимальный уровень? Меняется ли он от мотива к мотиву? Для чего люди «охотятся» за дополнительными стимулами? Чтобы достигать оптимального уровня возбуждения, люди изыскивают разные способы. Иногда даже специально приглашают интересных людей, например, для организации неожиданных ситуаций или чтобы развеять скуку. Поиск стимуляции может привести к радикальным изменениям уровня возбуждения с помощью употребления наркотиков.

Можно говорить о перманентно присущей потребности человека улучшать свое состояние. Все люди периодически хотят взбодриться или расслабиться, но при этом не очень-то хотят потерять сознание и самоконтроль. Возможно, что именно здесь проходит граница между легальными и нелегальными наркотиками, то есть теми, которые не изменяют сознание и не лишают самоконтроля человека (чай, кофе, сигареты, сухое вино), и теми, что ведут к изменению сознания вплоть до потери самоконтроля.

Среди наркотиков существуют две большие группы – транквилизаторы и стимуляторы. Стимуляторы повышают возбуждение, а транквилизаторы снижают его. К транквилизаторам относятся различные седативные вещества (например, барбитураты), алкоголь и опиаты (опиум, героин, морфий). Общий эффект выражается в снижении активности всех нейронов ЦНС.

Может показаться удивительным, что пьяные люди часто бывают шумными и агрессивными и совсем не производят впечатления сонных и подавленных. Однако, если понимать, что гипервозбужденность нетрезвого человека – это процесс растормаживания психической активности после принятия первых доз алкоголя, когда деятельность тормозящих синапсов головного мозга подавляется, а функции возбуждающих синапсов еще не нарушены, тогда все становится на свои места. Вследствие этого обычные рамки поведения расширяются, и человек может вести себя несвойственным ему образом, испытывать эйфорию и отсутствие сексуальных и аг-

рессивных ограничений. При продолжении употребления алкоголя, подавление активности распространяется на все мозговые центры. Наступает общее замедление функций. Внимание и память становятся все более расплывчатыми, движения – неловкими, речь – смазанной, до тех пор, пока человек не потеряет сознание. В отличие от алкоголя и других успокоительных, опиаты действуют как анальгетики (болеутоляющие) и влияют на отдельные опиатные рецепторы. К тому же один из них – героин – при внутривенном введении способен вызывать сильную эйфорию, «улет», иногда схожий с сильным сексуальным возбуждением.

Стимуляторы – амфетамины, кокаин – усиливают кровяное давление, вызывают бессонницу, но при малых дозах – обеспечивают внешне спокойное поведение. Это привело к тому, что амфетамины (декседрин, цилерта, ритамин) стали использовать при лечении людей, страдающих гиперактивностью или расстройствами внимания.

Кроме того, стимуляторы повышают настроение, обеспечивая ощущение эйфории. Естественно, что наркотические вещества вызывают привыкание и в дальнейшем – зависимость. По мере употребления повышается толерантность организма к наркотику, требуется увеличение дозы для получения прежнего эффекта. В дальнейшем, когда наркотики отсутствуют, возникает абстинентный синдром. В общих чертах симптомы этого синдрома противоположны тому действию, которое оказывают наркотики.

Наш поиск элементарного и общего основания употребления наркотических веществ не имеет смысла. Как и другие ученые, психологи были бы счастливы получить ясные и точные определения изучаемого явления. Но природа, по всей видимости, создавала живой мир не для того, чтобы делать психологов счастливыми...

Живые организмы имеют физиологические потребности, которые они должны удовлетворять, чтобы жить. Но как только мы начинаем изучать причины и рассматривать мотивы

поведения людей в деталях, мы обнаруживаем, что наше поведение зависит не только от физиологии, и не только от наших знаний о той среде (внешней и внутренней), в которой мы живем и действуем. Наше поведение не однозначно и не односмысленно, поскольку подвержено влиянию так называемого «третьего фактора». Оно зависит от того, насколько и как мы сами пользуемся способностью к самодетерминации и свободе.

Перед «третьим фактором» оказался бессильным даже Господь Бог, который «сотворил людей правыми, а они пустились во многие помыслы» [Святое писание].

Действительно, создание какой-либо строго научной теории свободы проблематично по определению. Свобода как таковая может возникать только там, где отсутствуют или преодолеваются ограничения. Соответственно, все существующие в мире открытия и теории всех наук возникали всякий раз в результате проявления их создателями авторской свободы преодоления сложившихся ограничений.

Более подробно тема психической зависимости и авторской свободы рассматривается в другой нашей работе по онтосубъектному подходу в психологии.

Вопрос о том, как возникают у человека новые возможности, всегда интересовал исследователей различных философских и психологических школ. Избыточные возможности приносят человеку любовь, вера, вдохновение, устремления, состояние «потока», различного рода измененные состояния сознания (ИСС) и др. От остальных сфер индивидуальной активности человека их отличают самоценность, способность сообщать смысл всему происходящему во внешнем и внутреннем мире человека, переживание личностной целостности и самопричинности. При помощи ПАВ появляется суррогатная возможность преднамеренно изменять психическое и физическое состояние человека, регулировать непосредственно нерегу-

лируемое самочувствие, снижать онтологическую энтропию мотивационной сферы, «утолять жажду» психологической целостности.

Психические состояния – наименее изученная сфера психологии. Понятие «состояние» относят к характеристике системы, отражающей ее положение относительно координатных объектов среды.

Психическое состояние индивида (невидимое, непосредственно не наблюдаемое) может быть зафиксировано его сознанием на определенный момент времени как интегральное ощущение: благополучия – неблагополучия, комфорта – дискомфорта и т.п. в тех или иных подсистемах организма или всего организма в целом.

Недостаточная изученность психических состояний ограничивает возможности их диагностики, прогноза развития или устойчивости, затрудняет учет влияния состояний на поведение, деятельность, межличностные отношения людей. Остаются недостаточно исследованными социальные и социально-психологические причины изменений различных (благоприятных и неблагоприятных) состояний.

В психологии развивается несколько направлений исследования психических состояний. Описанию психических состояний уделяли внимание классики психоанализа З. Фрейд, К.Г. Юнг. Общие представления о психических состояниях нашли отражение в работах отечественных ученых Н.Д. Левитова, Т.А. Немчина, В.Н. Мясищева, В.А. Ганзена и других. Проблемами регуляции и саморегуляции функциональных состояний занимались В.Л. Маричук, П.Я. Шлеман, Е.П. Ильин, Л.Г. Дикая и др. Эмоциональные состояния изучали М. Аргайл, А. Кемпински и др.; активационные состояния возбуждения, вдохновения – Б.М. Теплов, Н.В. Гончаренко, В.Д. Шадриков; состояния скуки и апатии – Л.П. Гримак; состояния пресыщения, переутомления, сна – К.К. Платонов, Е.Г. Ильин, А.М. Вейн; состояния напряженности, фрустрации, стресса – Т.А. Немчин, Э.И. Киршбаум, Г. Селье и др.

Психические состояния многомерны. Они могут рассматриваться как система организации психических процессов, как субъективное отношение к отражаемому явлению, как механизм оценки отражаемой действительности. Изменение психического состояния непосредственно в процессе деятельности проявляется в виде смены субъективного отношения к отражаемой ситуации или смены мотивов по отношению к решаемой задаче. Состояние – форма саморегуляции психики, это важнейший механизм интеграции человека как целостности. В состоянии отражается единство духовной, психической и телесной организации человека.

К детерминантам состояния принято относить потребности, возможности, условия среды. Состояние – посредник между мыслью, чувством и телом.

В структуре состояния выделяется четыре уровня: социально-психологический, психологический, психофизиологический и физиологический [Ганзен, 1981; Мохнач, 1991]. На каждом уровне просматриваются как субъективные, так и объективные характеристики. Субъективные отражены в самосознании индивида, в них проявляется самоотношение, результаты самопознания и саморегуляции. Объективные можно зарегистрировать при помощи измерений некоторых параметров организма и психики, анализа внешнего облика человека, особенностей поведения в различных условиях, продуктов труда.

Эти характеристики имеют различную степень обобщенности: общие, видовые, индивидуальные. Общие имеют следующие составляющие:

- временные (отражающие продолжительность, устойчивость состояний: долговременные, кратковременные);
- эмоциональные (модальностные, качественно своеобразные: тревога, наслаждение, созерцание и т.п.);
- активационные (отражающие интенсивность психических процессов);

- тонические (отражающие тонус, ресурс сил индивида);
- тензионные (отражающие степень напряжения);
- полярность (благоприятное, положительное или неблагоприятное, отрицательное).

Также к общей характеристике состояния относится степень осознанности субъектом своего состояния.

Сознание и самосознание выполняют регулирующую роль в отношении психических состояний человека. Хотя сегодня остаются малоразработанными вопросы обусловленности состояний сознанием личности – осознанием своих отношений с миром живой и неживой природы, осознанием отношений с миром людей (с обществом в целом, с отдельными группами, со значимыми другими), осознанием себя (восприятием, пониманием, оцениванием и принятием себя).

Внутренняя жизнь личности, ее внутренний мир чрезвычайно богаты, занимают внимание человека не меньше, а часто – больше, чем события и обстоятельства внешнего мира. Центральное место в осознании состояний занимают отношения человека к самому себе.

Одной из двух главных субъективных характеристик психического состояния человека является его «настроение». Понятие «настроение» широко употребляется, причем в обыденной речи даже чаще, чем в языке психологов. В психиатрии этот термин признается вполне инструментальным. Трудно перечислить все определения понятия «настроение».

Согласно взглядам С.Л. Рубинштейна, настроение в отличие от других эмоциональных образований ЛИЧНОСТНО. «Настроение – не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое ОБЩЕЕ состояние» [Рубинштейн, 1989].

Н.Д. Левитов понимал настроение как общее эмоциональное состояние, которое в течение известного времени окрашивает переживания и деятельность человека. Причина такого состояния человеком не всегда осознается, и в этих случаях настроение пережи-

вается как «безотчетное». «Для понимания специфичности настроения его полезно сравнивать с музыкой. Именно настроение дает душевной жизни мелодию, гармонию и тембр» [Левитов, 1964]. По мнению И.М. Сеченова, детерминантами настроения являются интероцептивные ощущения («смутное валовое чувство общего благополучия или неблагополучия») и отношение человека к окружающей действительности, к самому себе и так далее в каждый момент времени.

Понятие «настроение» часто употребляется для обозначения относительно устойчивых эмоциональных фоновых состояний. Если под фоновым понимать состояние, исходное для большинства актуальных состояний личности, то в термине «фоновый» отражена основная функция настроения.

Настроение можно считать общим смысловым контекстом всей духовной жизни и деятельности человека, оно связано со всеми переживаниями и поступками личности. В отличие от эмоций, чувств, аффектов настроение является эмоциональной реакцией не на ближайшие, непосредственные события и ситуации, а на внутреннюю интегральную оценку их значимости для личности в контексте ее общих жизненных планов и интересов, целей и ожиданий. Психика целостна, в ней есть звенья (части), реализующие целостность ее организации (строения) – временной, пространственной, функциональной и т.д. Личностные структуры и психические состояния относятся к психическим явлениям различного временного масштаба. Существуют звенья, которые их связывают, сохраняя целостность психики. Роль такого звена, реализующего постоянное влияние личности на психические состояния, выполняет настроение.

Настроение обеспечивает взаимосвязь структур личности с различными компонентами психических состояний – чувствами и эмоциями, переживаниями событий, происходящих в духовной, социальной и физической жизни личности, психическим и физическим тонусом индивида [Куликов, 1997].

Роль настроения для психического состояния аналогична роли направленности для личности. Настроение как вектор обуславливает развертку относительно устойчивых (доминирующих, преобладающих) и актуальных (текущих, переходных) состояний, их формирование и динамику в конкретной ситуации.

В настроении представлены особенности телесного, душевного и духовного бытия личности. С другой стороны, настроение само оказывается отражено в них. В структуре настроения выделяются: эмоциональная составляющая, составляющая отношений, когнитивная составляющая, мотивационная составляющая и составляющая физического самочувствия. И все же, настроение – это феномен, относящийся к душевной жизни человека. То есть, когнитивная, эмоциональная и мотивационная сферы личности оказывают на него сильное влияние, но эмоциональная среди них преобладает.

Эмоциональную составляющую характеризует доминирующая эмоция – чувственный фон (В.Н. Мясищев). В эмоциональный компонент входит переживание телесного благополучия – физического комфорта или дискомфорта. «Настроение – в этом смысле бессознательная, эмоциональная «оценка» личностью того, как на данный момент складываются для нее обстоятельства» (С.Л. Рубинштейн, 1989).

Значение настроения в жизни человека трудно переоценить. Возможность произвольного управления настроением остается огромным искушением для каждого человека. Хорошее настроение бесспорно лучше плохого, и возможно, поэтому трудно объяснить подростку, почему страдать лучше, чем употреблять наркотики. Это противоречие хорошо иллюстрирует вечный детский вопрос: «Мама, почему то, что вредно – приятно, а то, что полезно – противно?» Почему лучше, когда тебе плохо, чем когда тебе хорошо? Зачем страдать, когда есть средство, избавляющее от страданий?

§ 3. Психомеханика зависимости

Опиаты, в частности морфий, используемый в медицине, по своим свойствам не сильно отличаются от наркотиков, приобретаемых у наркоторговцев. Принципиальная разница в том, что в первом случае позиция потребителя выражается формулой: «Я болен, я слабее других, поэтому мне дают лекарство». Во втором – «Я – сильный, смелый, сильнее других и поэтому могу себе позволить получать запретное удовольствие». Таким образом во втором случае он – «Личность», действует на свой страх и риск, получает «награду» из собственных рук (положительное подкрепление) за проявленную смелость. Для употребления наркотиков подростку необходимо постоянно проявлять смелость и находчивость, которые объективно являются условиями индивидуального саморазвития и открытия в себе новых возможностей. Соблазн возможного столь велик, что начинает превосходить инстинкт самосохранения.

Опыт профилактической работы и исследовательская деятельность помогли нам прояснить психологический механизм возникновения и развития психической зависимости. В редуцированном виде его можно представить как стремление индивида к воспроизводству психологической целостности и переживанию избыточных возможностей за счет внешних ресурсов, поддержки и попечительства без актуализации личной ответственности.

Основой нашего понимания психической зависимости является не дефицитарность как потребностное состояние индивида, мотивирующее его на поиски объекта (или его заменителя) для удовлетворения актуальной потребности, – это скорее относится к физической зависимости, – а стремление к получению избыточных возможностей, которыми индивид сможет распоряжаться произвольно и безответственно. В связи с этим психическую зависимость мы определяем как **стремление индивида к воспроизводству состояния целостности, могущества и воли, не имеющее причин в себе**. Именно этим можно объяснить неисчерпаемость и самоцен-

172

ность психической зависимости. Психологи упоминали подобные феномены, в том числе и среди причин наркотизации, относя их к сильной незавершенной симбиотической зависимости детей от родителей. Специалисты, близкие по своим взглядам к бихевиористам, объясняют этот механизм как внешнее положительное эмоциональное подкрепление детского поведения.

У индивида в ситуации неопределенности может увеличиваться пространство свободного выбора. Однако, неопределенность усиливает беспокойство личности за последствия принятых решений. Внешняя эмоциональная поддержка, «покровительственная подсказка» снижает беспокойство, освобождая личность от ответственности за «собственные», «свободные» действия. На самом деле такой выбор заключается в выборе безответственности. В результате расширяется пространство внешней свободы, появляются новые возможности, но при этом в личности исключаются противоборства мотивов и душевное напряжение. Воспроизводство этого состояния лежит в основе возникновения психической зависимости от чего-либо или кого-либо, особенно в период взросления личности.

С нашей точки зрения вероятность возникновения психической зависимости у индивида определяется уровнем сформированности его личностной субъектности. Мы различаем три таких уровня: субъектный, адаптивный, инфантильный.

Общеизвестно, что эмоциональное состояние одного человека способно оказывать влияние на эмоциональное состояние другого. Настроение может изменяться на противоположное в зависимости от того, с кем приходится иметь дело или общаться. Эта особенность эмоционального реагирования на эмоциональные проявления окружающих формируется в раннем детстве. Для ребенка эмоции тех, кто о нем заботится, являются частью среды его обитания. В.А. Петровский объясняет появление ответной улыбки на лице младенца действием механизма психического самоотражения. Дитя улыбается отраженной и возвращенной улыбкой своей матери. Ро-

дители, погружаясь в воспоминания о том, какими их дети были маленькими – всегда непроизвольно улыбаются. Внешняя эмоциональная поддержка детской активности играет роль эмоционального подкрепления экспериментальных действий ребенка. Под эмоциональной поддержкой ребенка со стороны взрослых мы понимаем однозначное проявление эмоционального одобрения, ситуативного, непосредственного, менее осознаваемого по сравнению с моральной или социальной поддержкой.

Эмоциональное сопровождение ребенка в ситуации неопределенности является средством воздействия родителей на проявление детской спонтанности. Организуя активность ребенка извне, родители обеспечивают контроль безопасности его жизни. Однако такого рода внешний контроль со временем все больше тормозит развитие внутреннего контроля. В ситуациях выбора, риска и неопределенности потребность ребенка в эмоциональной поддержке актуализируется и оказывается определяющей в принятии решений. По мере взросления необходимость внешней эмоциональной поддержки, особенно в условиях с непредрешенным результатом, может приобретать форму эмоциональной зависимости, повышая ее социальное значение и сохраняя личностный инфантилизм подростка.

На особенность эмоциональной поддержки как условия формирования зависимости человека обращает внимание Б.Д. Карвасарский в «Психологической энциклопедии». Он пишет, что эмоциональная поддержка как вид психотерапевтического воздействия в отношении зависимых индивидов может носить опасность ограничения роста их независимости [Карвасарский, 1990].

Внешнюю эмоциональную поддержку индивида мы обозначили как «внешний контур», «внешнее кольцо подкрепления», контур подражания и внешней причинности. «Внутренний контур», по нашему разумению, представляет собой «кольцо самоподкрепления», самоподдержки, самоподражания. «Внутренний контур» возникает тогда, когда происходит накопление субъективного опыта само-

причинного поведения, самостоятельности в условиях неопределенности. Индивид, осуществляя жизненный выбор в ситуации с непредрежденным результатом, делая это без внешней поддержки, вынужден самостоятельно (от первого лица) согласовывать внутри себя взаимоисключающие побуждения и противоречивые ценности, ответственно становясь причиной себя, своей воли и своих действий. По нашему мнению, развитие «внутреннего контура самопричинности и самоподдержки» составляет содержание процесса взросления личности и условие становления ее субъектности.

Значение субъективной системы самоподдержки всякий раз возрастает пропорционально величине неопределенности конкретного жизненно важного выбора индивида, если он оказался без внешней поддержки в условиях конфликта побуждений и ценностных ориентаций.

Хорошо известно, что дети могут вести себя наперекор желаниям и эмоциональной поддержке своих родителей. В нашей работе такой вид отношений мы не рассматриваем, поскольку в них нет неопределенности и непредсказуемости свободного выбора, как для детей, так и для их родителей. Положительная или отрицательная эмоциональная поддержка все равно остается внешней детерминантой поведения для ребенка. В детском возрасте эмоциональная поддержка взрослых соединяет в себе и моральную, и социальную, и интеллектуальную. В подростковом возрасте моральная, социальная, интеллектуальная поддержки должны постепенно дифференцироваться и отделяться от эмоциональной. Сохранение их первичной слитности становится помехой в развитии самостоятельной личности подростка. «Законсервированная» слитность «поддержек», часто противоречащих друг другу, усиливает потребность в эмоциональной поддержке даже у взрослого человека, воспроизводя в нем эмоциональную зависимость от окружающих в ситуациях жизненно важного, ответственного выбора.

Отождествление эмоциональной, социальной, интеллектуальной и моральной поддержки в подростковом возрасте вносит путаницу в понимание самостоятельного, взрослого, ответственного, социально-ориентированного поведения, способствует возникновению новых внутриличностных конфликтов, «двойных зажимов» взаимоисключающих мотивов и ценностей.

В когнитивной сфере подростка эмоциональная зависимость проявляется в представлениях о себе как о слабом, неуверенном, неспособном (на фоне восприятия других как сильных и влиятельных). Зависимость обеспечивает подростку чувства безопасности, защищенности и уверенности, при их значительной внутриличностной недостаточности. Мотивационную сферу такого подростка определяет активность, направленная на поиски покровителя, внешнего руководства, а не личного опыта.

В ситуациях, требующих самостоятельного поведения, эмоционально зависимые подростки испытывают сильное чувство тревоги, особенно при наличии внешних оценок, страх собственной несостоятельности или несоответствия чужим ожиданиям. Стремление к внешнему одобрению, даже противоречащему собственным представлениям и чувствам, характеризует поведение эмоционально зависимых подростков. Развитие эмоциональной независимости в подростковом возрасте вовсе не подразумевает разрушения привязанностей, любви, уважения к окружающим. Эмоциональная независимость предполагает становление личностно-психологической системы индивидуальной самоподдержки, а не протестного поведения. Независимость мы рассматриваем как синоним взрослости, целостности, ответственности, а не негативизма и упрямства. Независимость – стремление самостоятельно и ответственно разрешать или согласовывать значимые противоречия, возникающие в процессе жизни.

Отсутствие системы самоподдержки, внутреннего контура самоподкрепления, «субъектная недостаточность» являются, как пока-

зали наши исследования, психологической основой возникновения различных видов зависимости у подростка, в том числе и наркотической. Некоторые авторы интерпретируют «дефицит субъектности» в терминах «выученной беспомощности» (В. Ротенберг), недоверия к себе (Т.П. Скрипкина), конфликтности, психологической неустойчивости, «онтологической неуверенности» (Р. Ленг), «внешнего локуса контроля» (Д. Роттер) и др. Понимание психологического механизма различного рода негативных зависимостей способствует повышению результативности профилактической работы.

§ 4. Наркотическая зависимость в понятиях общей психологии

Проведенный анализ письменных и устных текстов, характеризующих состояние наркотического опьянения, позволил нам систематизировать многозначность и метафоричность описаний этого явления. Мы обнаружили некоторые отличия стереотипных характеристик, предлагаемых в СМИ, рекламе, детективной литературе от характеристик, полученных в ходе психологических бесед и анализа результатов проективных тестов людей, употреблявших наркотические вещества. Описания чувств и переживаний, связанных с наркотиками, были значительно подробнее и детальнее, чем описания любых других чувств и переживаний. Насыщенность текстов множеством признаков, сравнений показывает наличие большого опыта вербализации этого рода состояний. Описания других значимых переживаний теми же респондентами выглядели бледнее и обрывочнее.

Термины, приводимые в отчетах и комментариях респондентов (потребителей ПАВ), многократно уточнялись, после чего «переводились» на язык психологии. К сожалению, нам не удалось полностью исключить метафоричность в описаниях наркотического опьянения, однако, это не помешало «уловить» именно психологическое содержание изучаемого явления, а также выявить много обще-

го в разнородных характеристиках различных психических зависимостей. Во избежание стигматизации, возникновения внушенных и самовнушенных впечатлений, мы с особой тщательностью обращались с высказываниями подростков.

Известно, что различные наркотические вещества не одинаково влияют на организм человека. Опиаты, барбитураты, снотворные, психостимуляторы, галлюциногены дают различные эффекты при их употреблении. Однако, в процессе исследования мы исходили из ранее высказанного положения: «наркомана создает не наркотик, а особого рода «развитие» его личности в условиях употребления наркотиков». Это помогло нам найти ответ на вопрос: Почему наркокультура столь длительное время сохраняет свои позиции даже там, где наркотики давно отсутствуют? Почему наркоманские отношения могут воспроизводиться в условиях других больших и малых культур?

Наши исследования подтвердили известное положение о том, что употребление наркотиков способствует появлению и развитию новых качеств в личности их потребителя. Качеств, которых в личности ранее не было или они не доминировали, однако в дальнейшем, приобретенные в период наркотизации, эти качества сохраняются независимо от того, продолжает человек употребление наркотиков или нет. Качественные изменения затрагивают мотивационную, коммуникативную, волевою и смысловую сферы наркозависимой личности.

В связи с этим мы рассматриваем психологическую зависимость как особую активность личности потребителя наркотиков, которая сама является причиной последующего формирования специфических особенностей, новообразований в поведении, сознании и самосознании потребителей ПАВ. Возможно, именно поэтому наркотическая зависимость столь психологична, а ее только медикаментозное лечение столь неэффективно. Проблема

заключается в том, что **начинает употреблять наркотики одна личность, а выздоравливать должна будет уже совсем другая.**

Основная потребность новой наркозависимой личности – это потребность в изменении своего душевного состояния, в переживании «новизны приятной неизвестности», психологической целостности, которые способствуют появлению новых качеств в личности потребителя наркотиков и конгруэнтности его «Я-концепции». «Экспериментальный характер» такого рода активности мобилизует даже интернальность личности, развивая ее внутренний самоконтроль.

Употребление наркотических веществ уголовно наказуемо, поэтому потребитель должен всегда действовать скрытно, не вызывая подозрений. Жить так, как будто никакой зависимости у него нет. Чтобы все время быть «другим», нужно быть внимательным, осмотрительным, решительным. Необходимость в постоянной маскировке, игре, лицедействе, способствует развитию сложных форм поведения, прогнозирования, рефлексии. Возможно поэтому, высказывания специалистов об интеллектуальной деградации употребляющих наркотики не всегда и не во всем верны.

Описание психологических особенностей состояния наркотического опьянения помогает понять динамику внутриличностных изменений наркозависимого. В чем же заключается состояние, которое «не знает» скуки, усталости, разочарования, а также подлинных чувств, доверия, любви и ответственности. Проявления этого состояния весьма парадоксальны. Оно способно повышать работоспособность индивида даже после приема успокаивающих (седативных) средств и снижать ее после употребления порции стимуляторов.

Изменения, наблюдаемые в психической сфере потребителей наркотиков, затрагивают все уровни их психической организации, от простейших ощущений до «Я-концепции».

В когнитивной сфере

Когнитивный процесс	Характеристика изменений
Внимание	<p>Сосредоточение возникает легко и непринужденно, переживается «здесь и сейчас», но длительная фокусировка на чем-то конкретном затруднена. Внимание хорошо концентрируется на чувственных ощущениях. В его поле нет ничего лишнего.</p>
Ощущения	<p>Привычные ощущения изменяются и становятся «интереснее». Ощущение «невесомости», «способности к полету» таит в себе угрозу непреднамеренного самоубийства, поскольку возникает желание «выйти в окно и погулять по облакам».</p> <p>Наши исследования показали, что изменяются пороги чувствительности и соотношения между раздражениями и ощущениями (константы Вебера).</p> <p>В начальных стадиях иногда возникает легкое головокружение, «поплыло перед глазами», движение «теплых волн» по телу, «воздушное поглаживание», легкое покалывание кожи, сухость во рту и зуд на кончике носа и подбородке. Изменяется проприоцептивность: легкость тела, приятные вибрации во всем теле, прилив сил. Иногда возникают инверсии «знака», то, что обычно ощущалось холодным, кажется горячим, гладкое – шероховатым. Изменяется визуальная перцепция тела. Физические ощущения больше своего Я.</p>
Восприятие	<p>Возникают нарушения восприятия пространства, размеров, вещей, цветов, запахов, звуков, времени и схемы тела. Возможны зрительные галлюцинации скользящего типа, зрительные образы появляются при закрытых глазах. Все события воспринимаются связно, без резких переключений, как единый поток. Неожиданные события не вызывают изменений в дыхании, вздрагиваний, стука в висках, напряжения. Изменяется восприятие времени, пространства и скорости движения.</p>
Память	<p>Усиливается детализация эмоциональной памяти. Как показали наши исследования, избирательно улучшается произвольная память, но ухудшается произвольная.</p>

Мышление	Мышление становится ясным, «благодушным», «всепонимающим». Мысли плывут легко и увлекают чувства. Изменяется оценка текущих ожидаемых и прошлых событий. Но иногда и наоборот, чувства увлекают мысли. Однако, окончательно «додумать» какую-либо мысль не удастся, но этот факт совсем не огорчает. При пересказе ассоциаций происходит «провал» в детали. Все они кажутся важными и символическими. Все решения кажутся правильными.
Воображение	Затруднительно отделить процессы воображения от процессов мышления и восприятия. Возможно, эти процессы сливаются. Поток фантастических образов наблюдается очень редко и только при употреблении некоторых (галлюциногенных) наркотиков. Целенаправленно влиять на свои фантазии трудно, все равно, что пытаться разговаривать с диктором, ведущим репортаж с телеэкрана.

Телесные изменения: соматика, самочувствие, состояние. При употреблении наркотических веществ исчезает состояние дискомфорта, хронические болевые и неприятные ощущения, напряжения и «пустоты» в теле. Дыхание становится свободным и почти незаметным, замедляется пульс. По телу волнами проходит тепло. Внешние границы тела «рассеиваются», внутренние препятствия «исчезают». Локализуются, а затем «выключаются» все очаги неудовлетворенности, тревоги, страха, зависти, стыда, чувства вины. Тело наполняется «самополагающим» движением или покоем. Движения воспринимаются свободными, согласованными и точными. Иногда возникает мышечное напряжение, дрожь в руках, в пальцах, но быстро проходит. Иногда появляется расслабленность до неподвижности. Кажется, что тело становится «послушнее». Если возникает возможность уединиться, хочется поблаженствовать, возможно, поспать. Во сне наблюдается движение глазных яблок, как будто человек видит сны. Однако, разбуженный в этом состоянии, человек затрудняется воспроизвести содержание своих снов.

Наркотическое опьянение создает конфигурацию «новых» границ тела иной чувствительности и размерности. А.Н. Леонтьев пи-

сал, что «сенсорные модальности ни в коем случае не кодируют реальность. Они несут ее в себе. Поэтому-то распадение чувствительности (ее переверзии) порождают ирреальность мира, явления его «исчезновения» [Леонтьев, 1983].

Эмоционально-волевая сфера

Эмоции и чувства	<p>Чувства и мысли плывут в одном направлении, совсем не так, как в обычном состоянии. Наплывает радостное возбуждение, предвосхищение душевного и физического подъема. Чувства переполняют, но при этом находятся в равновесии. Чувства приятно немного сдерживать. Появляется легкая влюбленность в себя и уверенность в себе. Чувство «можения» большего, избытка возможного, грудь «распирает» от радости, голова становится «легкой», дыхание замедляется. Появляется чувство повышенной силы, выносливости и уверенности. Однако настроение может меняться циклически: от состояния восторга до «провала» в депрессию и наоборот.</p>
Мотивация	<p>Хочется все больше что-нибудь совершать, проявлять свое могущество. Возникает желание делать все то, что было когда-либо задумано. Однако, приятная чувственно-телесная разрядка, возникающая после употребления наркотика, т.е. до начала осуществления какой-либо деятельности, «разъединяет» ее с мотивом совершения задуманных действий. Возникает интеграция мотивов и долгожданное чувство личностной целостности, которые остаются невоплощенными.</p>
Воля	<p>Осознается и приобретает чувственный смысл как свободное могущество в теле и в душе. Появляется отношение к себе как к успешному, самооценка повышается. Интеллект не снижается, а «сужается». Воля, интенция и мотивация дополняют друг друга. Любые действия являются продолжением предыдущего и подчиненно только внутренней логике.</p>

Изменения в самосознании. Личность воспринимает себя как «полную и прямую понятность», но исключительно индивидуальную и уникальную. Если всегда чего-то не хватает, чтобы себя чувствовать лучше, то в данном состоянии наоборот, всего хватает и даже есть что-то большее, избыточное, чем можно распорядиться совершенно свободно. Однако, воплотить задуманное никогда не удастся.

Сознание легко моделирует позитивное будущее, находит внутри себя много значительного даже в мелочах. Все противоречия и проблемы предстают как разрешимые, а противоположные ценности не отрицают друг друга. Все решения правильны и бесспорны.

Хорошо осознается то, что это состояние может быть продлено по своему желанию, по внутреннему «заказу». Состояние, в котором можно быть самому себе источником самого себя и совершенно понятного мира.

Для нас оказалось совершенно новой информация о том, что в наркотическом опьянении наркоман не преследует цели утраты сознательного контроля, наоборот, он стремится развивать особый вид самоконтроля, поскольку в случае его утраты может не заметить, а значит не пережить наркотический кайф. Если наступает потеря контроля, то это состояние не осознается и не замечается, «как будто внутри выключили телевизор», «экран погас»...

§ 5. Наркотическая личность

Активный поиск наркотиков и их систематическое употребление культивируют «сдвиг» нейрофизиологического равновесия (дифференциальных порогов ощущений) в организме потребителя, преобразуют чувственную картину тела, способствует дереализации личности.

Нарушение физиологической и феноменологической корреляции в содержании эмоций влечет за собой рассогласование экстероцептивной чувствительности и появление отчуждающих переживаний, не соответствующих сложившейся динамике жизни.

В личности потребителя наркотиков возникает и развивается новообразование – «наркотическая личность». По мере усиления наркотической зависимости это новообразование начинает «отпочковываться» от базисной мотивационно-смысловой структуры прежней личности. Базисная личность вместе с имевшими место

критериями ориентации в себе и в мире оказывается все более «за-слоненной» новым источником активности. Любая форма деятельности, осуществляемая в состоянии наркотического опьянения (следовательно, совместимая с ним), оказывается положительно подкрепленной, в результате чего к ней вырабатывается положительное отношение. Любая деятельность, несовместимая с наркотиками, оказывается отрицательно подкрепленной, и к ней формируется иное отношение.

Этот механизм положительного чувственно-телесного самовознаграждения лежит в основе преобразования сферы личностно значимого у индивида, потребляющего наркотики. Если определенное состояние каким-нибудь образом становится хроническим, то вследствие этого и возникает «тип», то есть привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует над всеми остальными [Юнг, 1998]. Новые более «эффективные» навыки, вырабатываемые в состоянии наркотического опьянения, хорошо воспроизводятся при повторении этого состояния. Эффект легко подтверждается и у здоровых людей под действием фармакологических препаратов, под действием плацебо или суггестивного воздействия [Данилин, 2003]. Складывается некое подобие «кольца самоподкрепления»: хорошее настроение повышает эффективность выполнения действий и формирования навыков, реализация которых улучшает настроение. Многие респонденты (потребители наркотиков) говорили даже о нарушении чувств единства и целостности «Я», о формировании внутренней установки на саморазрушение своего «Я» неэффективного без наркотиков.

Факт социального запрета на употребление наркотических веществ исключает формирование поведенческих стереотипов и автоматизмов у наркозависимых в процессе их поисковой активности. К тому же сама по себе среда, связанная с незаконным оборотом наркотиков, является очень опасной, агрессивной, жесткой. В ней нет места сочувствию, взаимопониманию. За ошибки прихо-

даться платить очень дорого. Такие условия вынуждают постоянно проявлять хитрость, находчивость, «творчество» в процессе поиска наркотических веществ или средств на их приобретение. Сравнивая «личную эффективность» в состоянии наркотического опьянения и без него, потребитель подкрепляет свое сознательное стремление к пребыванию в этом состоянии.

Это обстоятельство ставит под сомнение однозначность общеизвестного тезиса о «бегстве наркоманов от реальности». Жизнь по принципу наркотического удовольствия оказывается возможна только при максимальном соблюдении принципа реальности. Постоянная настороженность и «зашифрованность» потребителя наркотиков ведут к развитию у него тотального недоверия, моральной индифферентности и личностной замкнутости.

Переживание избыточных возможностей, а затем соблазн их повторных переживаний обуславливает появление праформ зависимости. По мере употребления наркотиков у индивида начинает формироваться новый жизненный цикл и новая «Я-концепция». Этот цикл состоит из двух фаз. Первую, инъекционную, сопровождает улучшение настроения и самочувствия. Вторую, абстинентную, сопровождает ухудшение самочувствия и настроения. Двухфазный цикл образует «объективную» для наркомана единицу измерения всех жизненных процессов и смысловую ось его мотивации.

Повторяющиеся колебания телесного самочувствия изменяют размерность физического времени и ранее сложившуюся последовательность ежедневных событий. Зависимость создает мир непрерывности иного рода. Однако «новое время и новое пространство» тщательно маскируются и долго остаются незаметными для окружающих. «Новое пространство» представляет собой конфигурацию ложных границ тела иной чувствительности. Телесные границы расширяются после употребления наркотического вещества за счет увеличения порога болевой чувствительности. Параллельно с изменением пространственно-временных ощущений нам

удалось выявить парадоксальные изменения в мотивационной сфере наркозависимого человека.

Для наркомана побудителями активности являются не цели, планы, ценностные ориентации, а колебания его настроения и самочувствия. Ухудшение самочувствия повышает его активность, а улучшение самочувствия способствует возникновению состояния покоя и даже обездвиженности.

У человека, не употребляющего наркотические вещества, как правило, все наоборот. Ухудшение настроения и самочувствия приводит к снижению его активности, тогда как хорошее настроение повышает его жизненный тонус, подвижность и продуктивность деятельности.

Этот парадокс необходимо понимать и учитывать специалистам по реабилитации наркозависимых. Мотивационная сфера человека, употреблявшего наркотики, восстанавливается очень медленно, поскольку утратила свои нормальные функции. «Зачем что-то делать, если я хорошо себя чувствую?». Более того, срывается пропорция: чем лучше я себя чувствую, тем меньше мне хочется что-либо делать.

Изменение смысловой сферы личности наркозависимого проявляется в его буквальном «выпадении» из целостного контекста жизни в ситуационный контекст однозначно направленной активности.

Макроинтервалы времени как элементы его жизненной перспективы дробятся на однородные микроинтервалы, разрушая прежнюю организационную основу его жизнедеятельности. Поскольку для потребителя наркотиков все, что с ним происходит, и все, что происходит внутри него, существует реально, физически достоверно, у него вырабатываются подкрепленные организмически правила существования себя. В личности потребителя наркотиков возникает и постепенно укореняется новая структура согласования когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. Наркоман всегда знает, что ему нужно делать. Это освобождает его

от поиска задач, целей, смысла происходящего и в конечном счете – смысла своей жизни. Для него задача на смысл теперь решена раз и навсегда.

Наркоман без труда находит определенность в любой неопределенности. Являясь орудием своей зависимости, он «сливается» со всеми своими действиями.

Естественно, что организм человека всячески сопротивляется употреблению наркотических веществ. Это видно по таким проявлениям, как толерантность и абстиненция. Однако, по мере употребления, в первую очередь «на сторону врага» переходит эмоциональная сфера. В результате развивается ангедония – невозможность получать удовольствие от того, что раньше его доставляло. Происходит притупление чувств и угасание интересов. Тогда как наркотическое опьянение, по мнению большинства опрошенных, позволяет им постоянно воспроизводить универсальное, неисчерпаемое и всегда привлекательное состояние.

Влечение к наркотическому опьянению усиливается по мере развития его патологических последствий. Несмотря на то, что со временем физические и психические возможности наркозависимого заметно снижаются, контраст переживаний между «могу» при наличии наркотиков и «не могу» при их отсутствии все равно продолжает увеличиваться. Это маскирует действительное состояние организма (степень заболевания) от самого наркозависимого. Нарушенное чувство «Я» окончательно разотождествляет индивида с социальной, моральной и личностной ответственностью. Низкая ответственность не позволяет ему достигать успеха в различных областях жизни, кроме сферы употребления наркотиков.

§ 6. Телесность в структуре личности

Начало экспериментирования с наркотиками, как свидетельствует медицинская статистика, больше всего приходится на старший

подростковый возраст. Традиционно это объясняют кризисом подростковой идентичности, утратой детской позитивной определенности, рассогласованием физической, социальной и психологической фаз созревания подростка. Все три фазы в процессе воспитания подростка, так или иначе, должны быть согласованы между собой. Задача воспитания – способствовать их непротиворечивому взаимодействию. Так было на протяжении всей истории человеческого общества. Развитие цивилизации, информатизация и научно-технический прогресс изменили количество времени, необходимого на подготовку ребенка к взрослой жизни. Наступление физической зрелости стало существенно опережать наступление социальной и психологической зрелости взрослеющего человека. Такого рода диспропорции внесли существенные изменения в процесс индивидуального взросления ребенка, тогда как система воспитания продолжает придерживаться традиционных принципов и «прививок старины».

Воспитание в широком смысле перестало отвечать глубинным потребностям подростков. Способы решения обострившихся противоречий своего взросления, «расколотого» на отдельные, часто взаимоисключающие друг друга составляющие, подростку приходится узнавать из случайных источников. Задачи педагогических систем и задачи индивидуального взросления оказались несогласованными. Физически зрелый подросток вынужден часто испытывать чувство страха по поводу того, что его способностей не хватит для удовлетворения его актуальных потребностей и родительских ожиданий. К сожалению, несоответствие роста и развития не исчезает в личности самопроизвольно... Как показывает психологическая практика, это несоответствие может сохраняться на всю жизнь в различного рода комплексах неполноценности, избыточном чувстве тревоги, застенчивости, эмоциональной неудовлетворенности, «организмической подавленности».

В детстве внешняя эмоциональная поддержка родителей выполняет роль обратной связи и «контура подкрепления» избирательной активности ребенка. Взрослые, помогая маленьким детям, представляли перед ними «всемогущими и всезнающими великанами». К тому же, по мнению детей, взрослые могут делать все, что захотят, принимая по своему усмотрению решения о том, что разрешить ребенку, а что запретить. Взрослые могут «сообщить» смысл любому известному предмету или вернуть его ребенку в случае утраты. Они, взрослые, являются для детей источником новых возможностей, достижений, ресурсов, всего того, что ребенку пока еще непосильно и неподвластно. Это обуславливает в детях развитие мотивации взросления. Взросление открывает ребенку новые возможности и позволяет чувствовать, понимать и проявлять свою независимость по отношению к окружающим предметам и людям.

Мотивация взросления в подростково-юношеский период одновременно фокусирует физическое, личностно-психологическое и социальное взросление. Их противоречивость и рассогласованность может быть преодолена подростком в процессе проявления своей субъектности и рефлексии последующих событий и переживаний. Условием проявления субъектности является ситуативная неопределенность, связанная с актуализацией внутриличностного столкновения противоположных мотивов или ценностей взрослеющей личности. Однако, если подросток в такого рода ситуации совершает инфантильный или адаптивный выбор, основанный на эмоциональной поддержке, предложенной ему извне или ради избегания наказания, то происходит задержка формирования главного атрибута взросления – субъектности (ответственной самопричинности) личности.

Воспитатель, указывающий подростку однозначное решение в ситуации, требующей от последнего личностного самоопределения, «тормозит» осознанное взросление своего воспитанника, ограничи-

ваает его возможности разобраться в главных онтологически значимых вопросах личной жизни.

А.Н. Леонтьев писал, что личность «есть системное и потому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами» [Леонтьев, 1983, с. 385].

Определяя личность как «сверхчувственное», он указывает на ее телесно-чувственное, а не бестелесное существование. К сожалению, о чувственно-телесном существовании личности в период взросления педагогическая психология почему-то вспоминает очень редко.

Красноречивый пример бесчувственного отношения к чувственности и телесности человека мы встречаем во втором издании Большой Советской Энциклопедии, где тело представлено всего лишь двумя статьями: «Тело алгебраическое» и «Тело геометрическое». В Философской энциклопедии (1970 г.) упоминание о теле и телесности содержится в историко-философских статьях, посвященных Платону, Фоме Аквинскому, Лейбницу и идеалистической философской антропологии. Таким же «бестелесным» остался и «Философский энциклопедический словарь» (1983 г.). И уж совсем удивительно, что ни в «Кратком психологическом словаре» (1985 г.), ни в исправленном и дополненном словаре «Психология» (1990 г.), ни в учебниках психологии тело, если не считать абстрактных психофизиологических процессов и реакций, вообще не упоминается. Человек вынужден жить в сети запретов на знание о своем теле.

На этом фоне, когда речь заходит о профилактике подростковой и юношеской наркомании, становится непонятным, как она вообще возможна без работы с чувственно-телесной организацией личности. Бестелесная профилактика бессмысленна и бесполезна. Профилактика наркомании может иметь смысл, если подросткам говорят не о том, что наркотики могут повредить здоровью, повторяя одно и то

же бесконечное число раз, а о том, что подростка больше всего волнует сегодня, здесь и сейчас, в его теле, в душе, в мыслях, в отношениях. Это особенно важно, когда подрастающее поколение растет в условиях отсутствия прошлых идеалов и непонятого поиска новых. Когда не определены нормы взрослой жизни, профессионального, личностного и национального самосознания.

По мнению Л.С. Выготского, период взросления личности вообще не вписывается в закономерности детского развития. Он говорит о действии иных психологических механизмов возникновения психических новообразований – о появлении самопричинной активности и саморазвитии личности.

Сегодня реализация механизма саморазвития личности в подростковом возрасте затруднена тем, что педагоги и врачи, психологи и родители на самом деле не могут точно и однозначно сказать, какой образ жизни правильный. В результате все воспитывающие взрослые делают, по их мнению, главное – предупреждают подростков о той или иной опасности всего того, что считается опасным, в том числе о наркотиках, оставляя вопросы чувств, телесной и половой идентификации, этнокультурного самоопределения, личной свободы и бессмертия, внутриличностных мотивационных и ценностных противоречий, субъектности и самооценности проповедовать и обсуждать коммерческим стихиям СМИ. Если же подростки на определенном этапе перестают слушать старших, то на этот случай непослушания существует милиция, которая всегда, если понадобится, успокоит кого угодно.

Итак, «сверхчувственное» не возникает бестелесно. Об этом в первую очередь, не должны забывать те, кто непосредственно занимается воспитанием детей.

Особое место в содержании нравственного воспитания всегда отводилось задачам формирования общественных представлений. Главными в работе с детьми были методы приучения ребенка с помощью упражнений, инструкций, требований к «положительным

формам общественного поведения», пример взрослого, показ действий, организация деятельности, методы поощрения и наказания. При достижении подросткового возраста «бестелесно преподаваемая нравственность», чаще всего, оборачивалась рассогласованием детской души и тела, внешнего и внутреннего пространства ребенка, возникновением «онтологической неуверенности».

Сложившаяся ранее правилосообразная и чувственно-телесная рассогласованность в период взросления резко усиливается и приобретает хроническую форму. Подросток вынужден постоянно приспосабливаться, все чаще самостоятельно, не только к окружающему его миру, но к самому себе в обстоятельствах неконтролируемых с его стороны чувственно-телесных изменений. Дефицит субъектных возможностей обуславливает активный поиск ресурсов, которые для подростка становятся предпосылкой экспериментального поведения с опасными и быстродействующими средствами от «страха, скуки, слабости, утомления и др.».

Употребление наркотиков быстро «возвращает» подростку скрытую от него же самого его собственную телесность. Ту самую телесность, что была «изъята» взрослыми в процессе «бестелесного» воспитания. Возможно поэтому **на первой стадии употребления наркотических веществ зависимость от них проявляется как нежелание подростка возвращаться в свое «бестелесное» существование.** Открытие способностей своего тела может быть причиной нового, более могущественного «Я», которое запоминается подростком физически на всю жизнь.

Сталкиваясь с такого рода явлениями в реальной профилактической деятельности, мы имели возможность тщательно изучить особенности возникновения психического новообразования, которое мы обозначили как «бестелесное сверхчувственное» в личности подростка. Если «сверхчувственное» задается воспитаннику бестелесно, то вместо того, чтобы расширять свободу его личности, оно ограничивает ее, вступая в конфликт с его чувственностью и телес-

ностью. Понимание этого противоречия помогло нам разработать более эффективные программы психологической профилактики наркотизма в подростковой и молодежной среде.

§ 7. Телесная принадлежность к «сверхчувственной» жизни

Сегодня процесс воспитания подростка многие специалисты рассматривают как взаимодействие двух процессов: социализации и индивидуализации [Фельдштейн, 1972; 1994]. Оказываясь в фокусе взаимодействия социального и индивидуального, подросток принимает непосредственное участие в создании теории самого себя – «Я-концепции». По мнению Р. Бернса, формирование «Я-концепции» относится к одной из важнейших потребностей человека. А.В. Петровский говорит о потребности индивида становиться личностью и, таким образом, быть представленным и продолженным в других людях.

Российская педагогическая практика, семейная и школьная, показывает, что социализация подростка (ролевое, правилосообразное упорядочивание поведения и удовлетворение требований, поступающих извне) значительно превосходит необходимую в период взросления индивидуализацию (переживание единственности, чувственно-телесной локализованности, удовлетворение новых, по сравнению с детством, внутренних запросов развивающейся личности). Внешние образцы ролевого поведения продолжают абсолютизироваться в ущерб живому телу («телесной истории индивида»), нарушая психоорганику жизни взрослеющего человека.

В условиях повышенной онтологической энтропии подросток, вместо того, чтобы ответственно расширять круг своих возможностей и свобод, попадает в зависимость от покровителя, случайно оказавшегося рядом с ним.

Не вызывает сомнений, что ролевое поведение помогает субъекту «оформлять» свою психофизическую активность, но, при

этом, не стоит забывать, что такое поведение лишает субъекта самостоятельного выбора, т.е. возможности проявить свою индивидуальную субъектность.

Роль требует от воспитанника соответствия внешним требованиям и соблюдения определенных правил поведения, не предоставляя для этого новых «источников энергии или силы». «Энергия» или «сила», о которой идет речь, – не что иное, как локализованный чувственно-телесный психофизический ресурс личности. Силу, предназначенную для ролевых действий, воспитаннику необходимо всякий раз извлекать «из себя». В этом нет ничего трудного, если тело и душа находятся в динамическом согласии. Но, если воспитанник хронически ощущает нехватку (дефицит) психофизических ресурсов в ситуациях, когда его социально-психологические роли ему навязаны, то, скорее всего, в качестве источника «внутренней энергии» он будет готов искать внешние средства.

В свое время Декарт провозгласил возможность самостоятельного существования души и тела. Душа – по его мнению, только мыслит, т.е. существует в рефлексии, тело – только двигается и таким образом существует в рефлексах.

С тех пор прошло много лет и сделано много открытий. Душа и тело могут действовать в различных временных и пространственных координатах, но раздельное существование им все же не дано. Тело без души это уже не тело, а организм. Душа без тела уже не душа, а непере译имый текст, невоплощенная идея.

Когда внешние требования среды значительно превосходят или противопоставляются имеющимся у подростка возможностям, у него возникают затруднения, связанные с телесным существованием. Он начинает «отрицать» свое тело (как непригодное для жизни орудие), выражать ему недоверие, несогласие, протест. Все это способствует развитию чувственно-телесной отчужденности или фальсификации его субъективной жизни. Формируется установка на са-

моразрушение себя как неэффективного, компенсируемая выдумыванием образа своего фантастического «Я».

Отчуждение телесности выражается в деформации общей чувствительности, которая проявляется не только физически, но и коммуникативно (ограничение контактов), и даже событийно (замкнутость, невнимательность, невключенность в происходящее). У взрослых телесное отчуждение способствует развитию психосоматических расстройств. Что касается подростков, то здесь пока не наблюдается достаточного количества исследований по поводу их телесного отчуждения. Однако, это не может останавливать процесс изучения предпосылок возникновения этого феномена. Так, например, в работах А.Ш. Тхостова мы встречаем мысль о том, как несогласованность в деятельности «культурного» и «анатомического» тела вызывает внутри человека существенные физические и психические нарушения [Тхостов, 2002]. Опираясь на предложенную модель А.Ш. Тхостова и наши собственные исследования, мы считаем, что противопоставление «организмического» и «сверхчувственного» в процессе воспитания подростка является важной предпосылкой для возникновения, в той или иной форме, психической зависимости наркотического характера.

Это легко показать на примере ситуации, которая направлена на подавление личности подростка. Так бывает, когда воспитатель публично порицая ошибочные действия воспитанника, задевает его личностно значимые качества. Воздействие вроде бы идет на его «сверхчувственное», тогда как реакции возникают в сфере его «организмического». Быстро и резко усиливается дыхание, сердцебиение, давление крови, появляются вегетативные реакции, покраснение или побледнение кожи. Иногда появляются желудочные спазмы и активное потоотделение. Нарушается нормальная саморегуляция всего организма, в условиях, когда никаких физических или химических воздействий на подростка не оказывается.

Аналогичным образом на подобные ситуации реагируют не только подростки, но и взрослые. Разница лишь в степени выраженности тех или иных реакций организма человека.

Человек, все больше привыкая жить в условиях культуры (цивилизации), продолжает, всегда и везде, жить в природе своего тела. Воспитание немислимо без развития навыков управления телесной активностью. Тем не менее, тело человека не принято называть «субъектом». Но тогда что такое наше тело? Объект? Такая точка зрения уже послужила возникновению множества как теоретических, так и практических ошибок, существующих и сегодня, особенно в сфере исследований по психологии зависимости. По нашему мнению, в контексте решения проблем зависимости, значительно продуктивнее рассматривать **тело** человека не как субъект или объект, а **как процесс** взаимодействия природной и культурной субстанций, не забывая, что культурные (высшие) потребности человека невозможно удовлетворить «бестелесно», точно так же, как и природные. В связи с этим, потребность быть личностью можно проинтерпретировать как потребность быть телесным носителем сверхчувственного с развитой способностью к его (сверхчувственного) отражению и трансляции.

Однако, эта способность человека сама по себе не обеспечивает «счастливого» содержания «Я-концепции» его личности. Мы, вслед за В.В. Розановым, понимаем, что содержание «Я-концепции» «человека – воспитанного» во многом зависит от того, как трактуется сам термин «воспитанный человек». Для церкви «воспитанный» значит религиозный; для семьи – любящий, преданный; для свободного человека «воспитанный» значит крепкий в суждении, сильный в испытании природы [Розанов, 1990].

§ 8. Взросление – награда за субъектность

Что представляет собой развитие субъектности подростка в процессе его воспитания? Как можно практически содействовать подростку в развитии его субъектности?

Мы, вслед за В.А. Петровским, определяем субъектность как ответственную самопричинность, рассматриваем ее развитие как непереносимое условие взросления личности. Психологическое взросление личности не возникает само по себе, как физическое созревание (рост), оно может возникать только при условии саморазвития личности. Как уже говорилось ранее, понятие «развитие личности» близко по смыслу понятию «взросление личности», однако они не тождественны. Во-первых, взросление невозможно без развития личности, тогда как развитие некоторых личностных качеств возможно без взросления. Во-вторых, взросление – это всегда рост личной ответственности, тогда как развитие личности может происходить только за счет появления новых свойств и отношений с окружающим миром. Развитие личности может быть деструктивным, патологичным, односторонним, инфантильным, чрезмерно адаптивным, тогда как взросление всегда интегративно, целостно и проявляется в субъектном, ответственном поведении человека. В нашем понимании, взросление личности мало связано только с количественным накоплением тех или иных сознательных навыков. В качестве «единицы взросления» мы выделяем либо самостоятельное и ответственное решение личностью мотивационного или ценностного жизненно важного конфликта, либо решение онтологически значимых задач собственного взросления с последующей рефлексией событий и последствий.

Ни что иное, кроме накопления личностью своего субъектного опыта, не может стать основой системы внутриличностной самоподдержки и содержанием процесса взросления. Если же подросток не сможет синтезировать свой субъектный опыт в процессе саморазвития, то в дальнейшем он останется эмоционально зависимым

от внешней поддержки и оценки, «субъектно недостаточным», «онтологически неукорененным», нуждающимся в покровительстве и контроле извне, останется невзрослым.

К сожалению, такое поведение нередко встречается среди людей зрелого и даже пожилого возраста. Хотя можно найти немало примеров, когда осознанное и ответственное поведение встречается в младшем подростковом возрасте.

Как правило, проявление субъектности предполагает наличие спонтанных действий в поведении личности. Однако, хотим предупредить о принципиальных различиях спонтанности и безответственности. Спонтанность свойственна более самостоятельным и ответственным людям, тогда как безответственность чаще проявляют люди демонстративные и эмоционально зависимые [Петровский, 1996а].

Мы рассматриваем взросление как универсальный мотив, предметом которого является расширение пространства личной свободы индивида. Этот мотив на протяжении всей жизни является для человека весьма актуальным. Однако, взросление личности подростка качественно отличается от взросления хронологически зрелого человека. Взросление подростка переживается значительно острее и не всегда им синхронно осознается. Взросление – это своего рода постоянно действующая внутренняя мотивация и несознаваемое устремление. Оно всегда влечет. При этом большое значение в процессе взросления принадлежит организмической детерминации подростка, изменению его телесных функций, состояний, возможностей.

Мы отдаем предпочтение термину «взросление личности», «взрослость», а не понятию «созревание личности», «зрелость». В психолого-педагогической литературе понятие «зрелость» и «взрослость» часто используются как синонимы. Однако, на наш взгляд, термин «взрослость» имеет больший психологический оттенок, чем «зрелость». Зрелость вызывает ассоциации скорее био-

логического, чем психологического характера. К тому же взросление, по мнению многих авторов (Э. Эриксон и др.), может продолжаться всю жизнь, т.е. до самой смерти человека. Тогда как зрелость представляет собой характеристику более завершенного процесса, после которого, если жизнь продолжается, может наступить разве что «перезрелость». Если развитие человека понимать как отбор реакций на среду, созревание – как участие в динамическом равновесии со средой, то взросление человека, представляет собой отбор реакций на самого себя.

В период взросления так называемая «онтологическая энтропия» постоянно растет в связи с физическими, психическими и социальными изменениями, происходящими как в самом подростке, так и вокруг него. Взросление в этом контексте мы мыслим не как приобретение новых умений или навыков в предметной деятельности под руководством воспитывающего взрослого при наличии соответствующих образцов, а как согласование, «онтосинтез» внутриличностных противоборствующих мотивов и ценностей в условиях неопределенности, непредрешенности и субъектного выбора.

Взросление мы интерпретируем как процесс активного снижения «онтологической энтропии» личности, как средство ее «онтологического укоренения». Близкое по смыслу понимание взрослости мы находим у Э. Берна. Однако, отличительной чертой нашей интерпретации является то, что «взрослость» для нас скорее состояние личностно-психологической целостности, проявляющееся в ситуациях неопределенного, рискованного выбора, а не одна из трех частей личности, как у Э.Берна.

Взросление как «онтологическая укорененность» личности формируется на основе субъектного опыта, полученного в процессе синергетического взаимодействия спонтанности и ответственности.

Взросление подростка «переполнено» переживаниями внутриличностных противоречий и взаимоисключающих побуждений.

Внутренняя противоречивость и мотивационная «расщепленность» на чувственно-телесном (организмическом) уровне переживается им как личностная беспомощность. Если подобные состояния души и тела подростка становятся хроническими, то употребление наркотических веществ может оказаться для него одной из наиболее вероятных альтернатив «плохому самочувствию». Плохое самочувствие в данном случае является результатом незавершенных столкновений в субъективном пространстве подростка взаимно уничтожающих друг друга потребностей и мотивов.

К сожалению, ни в семье, ни в школе не учат подростка тому, как преодолевать и разрешать внутриличностные раскогласования и противоречия. Здоровый образ жизни как панацея от всех проблем в подростковом возрасте актуально не привлекает. Физкультура и спорт, художественная самодеятельность, интересные экскурсии, книги, участие в олимпиадах, все, что принято называть занятостью подростка, само по себе еще не обеспечивает психологическую устойчивость и защиту личности от употребления наркотических веществ.

Обучение подростков копинг-стратегиям (стратегиям преодолевающего поведения) в отношении жизненно важных проблем ориентировано на когнитивные, рациональные «подавления» одних (негативных) побуждений другими (позитивными, с точки зрения воспитателей). Это значит, что развиваются в основном адаптивные способности подростка к избеганию возможных наказаний со стороны воспитывающих взрослых. Результат такого обучения остается для подростка внешним, не находит в нем чувственно-телесного резонанса, а значит – отчуждается.

Методы профилактики, лишённые субъектной активности самого подростка, всегда будут давать сбой по субъективным причинам в ситуации неопределенности, непредреженности, неоднозначного выбора.

Наши исследования и практическая деятельность подтвердили, что личностно-психологическая устойчивость подростка к возникновению различного рода негативных зависимостей не может быть сформирована вне чувственно-телесной сферы его личности. На основе разрабатываемого нами онтосубъектного подхода мы создали специальную программу содействия подросткам в решении их онтологических задач взросления. Программа реализуется как процесс синергетического взаимодействия ментальных и организмических сфер человека в условиях групповых тренинговых занятий и индивидуальных консультаций с психологом, готовым профессионально и личностно осуществлять эту деятельность. В процессе решения онтологических задач взросления происходит согласование субъективных противоречий, актуально представленных в личности подростка не только на когнитивном, но и чувственно-телесном уровне. Поиск решения каждой задачи взросления помогает подростку обнаруживать в себе новые избыточные возможности, переживать чувство личностно-психологической целостности, фиксировать в субъективном опыте психическое состояние «Я – МОГУ!», превосходящее дефицитарное состояние «Я – ХОЧУ!».

Взросление как переживание чувства целостности мы предлагаем отрефлексировать еще и в терминах «устремление» (В.А. Петровский) и «потока» (М. Чиксентмихайи). Это сделает заметнее специфику самого взаимодействия ментального и организмического, сверхчувственного и телесного в период взросления подростка, в отличие от хронологического взросления зрелого человека.

Опыт «потока» описывается М. Чиксентмихайи как состояние полной одновременной поглощенности делом, собой, окружающим миром, сопряженностью во всем и выходом за пределы своих программ и ограничивающего сознания. Все происходящее подчиняется внутренней логике, не требуется никакого напряжения. Личность переживает состояние онтологического единства процесса и результата, действия, чувствования, осмысления.

Термином «устремление» В.А. Петровский обозначает влечение к продолжению, форму самоценной, самовоспроизводящейся активности человека, которая представляет собой единство переживаний «хочу» и «могу» в действовании, порождающем избыточные возможности. Собственная целостность личности подростка приобретает устойчивые черты в процессе развития внутриличностной системы самоподдержки. Мотивом ее развития, как правило, является стремление подростка к личной независимости. Исходя из этого, взросление можно представить как процесс последовательного решения подростком задач саморазвития и создания собственной системы самоподдержки.

Итак, субъектность – атрибут взрослости, движущая сила взросления. Зависимость («полизависимое поведение») – характеристика адаптивной, инфантильной, «онтологически неуверенной», нуждающейся в покровительстве, невзрослеющей личности. Взросление подростка невозможно без ответственного поведения на основе личного выбора. В качестве «единицы взросления» мы приняли самостоятельное решение подростком онтологических задач своего взросления.

Задачи взросления – это задачи онтологического укоренения личности как субъекта жизни. Они объективно возникают перед подростком в виде тематических множеств мотивационных и ценностных противоречий (внутриличностных конфликтов), требующих от него личностного самоопределения. Факт решения задачи взросления замечается подростком в катарсическом переживании чувственно-телесной целостности, увеличении доверия к себе и миру, расширении внутриличностного пространства, рефлексии когнитивного усложнения своего сознания.

Рассмотрим оппозицию «полизависимость – полинезависимость» как одну из существенных характеристик взросления. Эта оппозиция была подробно рассмотрена в исследованиях Д. Роттера [Хьелл, Зиглер, 2005]. По его мнению, принципиальное различие

между людьми зависит от того, на кого человек возлагает ответственность за происходящие в его жизни события. Д. Роттер экспериментально доказал, что есть люди, уверенные в том, что их собственное поведение создает положительное подкрепление их деятельности. Они убеждены, что наказание и поощрение существуют внутри них и являются продуктом их собственной психики. По мнению М. Мид, «Я-концепция» таких людей выполняет функцию «защитника». Ответственность за результат своих действий они возлагают на самих себя, и поэтому их относят к людям с интернальным локусом контроля (Д. Роттер). С другой стороны, существуют люди, которые ответственность за свои поступки возлагают на внешние обстоятельства, находящиеся за пределами их души и тела. Таким образом получается, что все жизненно важные события человека являются либо результатом его собственной деятельности, либо результатом деятельности чуждых его личности сил.

Д. Роттер доказал, что «локус контроля» универсален к любым ситуациям, с которыми в процессе жизни сталкивался человек как в полосе своих неудач, так и в полосе успехов. Экстерналам, в его теории, свойственна беспомощность и неуверенность, категоричность и приспособленчество. Экстернальность отражает внешнее поведение, соответствующее внутреннему бессознательному состоянию «онтологически неуверенного Я» (в модели Р. Лэнга). Экстерналы, как правило, склонны к зависимому поведению, поискам покровителей, конформизму и т.д.

В свою очередь интерналы, наоборот, воспринимают авторитарную идеологию и различные виды зависимости как помехи в реализации их жизненной позиции, как явления, чуждые их чувству «Я».

Казалось бы, вот основа для выявления «преднаркотической личности». Интернал должен быть более устойчив к наркотикам, а экстернал – нет. К сожалению, эта простая классификация Роттера на практике часто дает сбой, если исследования относятся к подростково-юношескому периоду развития конкретной личности. Тест

Роттера на определение «онтологической уверенности» человека является слишком «грубым» и поверхностным. Это облегчает его использование в общей психодиагностической практике, но делает малопригодным для изучения проблем наркотической зависимости периода взросления.

Достаточно напомнить о неизбежной «интернальной жизни» потребителей наркотиков в условиях уголовной, социальной и экономической опасности, чтобы понять ошибочность сложившегося в общественном сознании и среде профессиональных психологов мнения о том, что наркоманы – типичные экстерналы. Экстерналы – люди не только безответственные, но и часто беспечные, они могут позволить себе не заметить опасность, повторить ошибочные действия, чего наркозависимый позволить себе никогда не может. Для него слишком высока цена расплаты. Экстернальность потребителей наркотиков, скорее всего, – ошибочное заблуждение и несовершенство диагностических методик.

Если подросток категорически отрицает и осуждает употребление наркотиков, то это совсем не означает его взрослость. Адаптивный, ситуативный, «полевой» (по К. Левину), выбор на основе внешней эмоциональной поддержки не нуждается в осознании, поскольку облегчает подростку жизнь, фиксирует и пролонгирует его эмоциональную зависимость. Решение в ситуации свободного выбора, продиктованное подростку извне, лишает его шанса на проявление своей субъектности, саморазвития и, соответственно, взросления.

Однако, по мере физического и хронологического взросления у подростка обостряется противоречие между потребностью быть личностью (расширять пространство своей свободы) и зависимостью от внешних ограничений (дефицита внутренних возможностей). Это противоречие принципиально неразрешимо при внешней эмоциональной поддержке воспитывающих взрослых, т.к. само является продуктом такой поддержки. Но несформированность у подростка внутриличностной системы самоподдержки ограничива-

ет возможность разрешения им вышеназванного противоречия, а это уже исключает развитие его личности в условиях, требующих проявления субъектности.

Непрекращающиеся внутриличностные столкновения взаимоисключающих побуждений повышают у подростка физическое и психическое напряжение, способствует возникновению состояния генерализованной неудовлетворенности. В таком состоянии «встреча» подростка с наркотическими веществами может оказаться для него роковой. Переживание избыточных возможностей, которое возникает под действием наркотиков, возвращение «изъятой» в процессе «бестелесного» воспитания телесности, «открытие» в себе способности «уверенно» принимать решения в ситуациях неопределенности, замешательства и риска – все это оказывает сильное влияние на развитие деструктивного самосознания невзрослой личности. Подросток, получив доступ к наркотическим веществам, получает в буквальном смысле «в свои руки» эффективное средство «самоподдержки». А необходимость приобретения наркотиков при наличии уголовного преследования и социального запрета способствует быстрому развитию внутреннего «локуса контроля» и самопричинного поведения.

На основании вышесказанного, мы можем утверждать, что возникновение наркотической зависимости у подростка, на самом деле, не является прямым продолжением или преемником его эмоциональной зависимости. Начало употребления наркотиков может восприниматься подростком как способ получения избыточных возможностей для освобождения себя от детского эмоционально зависимого поведения, как «особая система» самоподдержки.

§ 9. Самопонимание как неопровержимое присутствие человека в мире

Решение онтологической задачи взросления может произойти только в процессе проявления и развития субъектности подростка,

в реальной ситуации с неопределенным исходом, рефлексией происходившего и осознанием последствий. Опыт саморазвития подростка отражается и фиксируется в структуре его «Я-концепции».

«Я-концепция» – это система понимания человеком собственного Я, теория себя. Понятие «Я-концепции» складывается из двух частей: «Я» и «концепция». «Я» можно обозначить как априорное чувство и условие психической и социальной активности (или пассивности). Человек переживает свое «Я» как неопровержимую спонтанность и очевидность собственного присутствия в мире. «Я» – непосредственная данность личного опыта. Понятие «концепция» раскрывают термины «единство», «целостность», «способ понимания».

Учитывая данные определения «Я-концепции», следует, что каждый человек является исследователем не только мира явлений внешней действительности, но и своего внутреннего мира. Таким образом, «Я-концепция» отражает опыт самопонимания человеком самого себя.

В понимании своего Я человек не может оперировать объектами внешнего, иначе говоря, внепсихического мира. Понимание человеком чего-либо всегда происходит по отношению к его собственному Я. «Я-концепция» представляет собой сложившийся к наличному моменту времени образец самопонимания [Агафонов, 2000]. Но тогда получается, что «Я-концепция» является продуктом собственного сознательного производства, индивидуации самого себя, а это значит, что «Я-концепция» не может быть правильной или ошибочной, поскольку критерий ее адекватности задается самим же «Я», самим субъектом – носителем сознания. Когда Я строит теорию относительно себя, последняя в рамках психологического настоящего естественно является единственно верной. А это значит, что если человек считает себя умным, трусливым, красивым, сильным и т.д., он и является таковым в той части картины мира, которая относится к его представлению о собственной личности. Это вовсе не означает, что он такой на самом деле, каким себя представляет. Его «Я-

концепция» – следствие субъективного самоотражения. Поэтому, изучение «Я-концепции» не есть изучение того, что человек из себя представляет, а того, что он представляет о себе.

Структуру «Я-концепции» рассматривали многие зарубежные и отечественные психологи. Р. Бернс определял «Я-концепцию» личности как совокупность представлений о себе, сопряженную с их оценкой [Бернс, 1986]. По его мнению, «Я-концепция» – это не только система представлений о самом себе, но и то, что собой представляет индивид. Р. Бернс объединил «Я» человека и систему его самопонимания, связав воедино описательную и оценочную составляющие. «Я-концепция» интегрирует в единое целое множество образов Я, построенных, в том числе, и на оценочных основаниях. Самооценка – это результат отношения личности к тем или иным своим качествам. Самооценка носит локальный, более частный характер.

По мнению Э. Эриксона (1968), «Я-концепция» – это согласованное самовосприятие, а также самопонимание индивидуумом своей личности. В качестве синонима он использовал термин «Эго-идентичность». И. Кон понятия «Я-концепция» и «Я-образ» использует как взаимозаменяемые. «Образ Я» – представление индивида о себе в процессе самосознания [Кон, 1978].

Осознание себя в качестве причины собственных действий, в качестве субъекта активности является непременным условием построения упорядоченной системы оценок и суждений о собственном Я. Выделяя в структуре «Я» еще два аспекта: «идентичность» (самость) и «эго» (субъектность), Кон определяет их следующим образом. «Идентичность» – единое регулятивное начало, требующее осознания. «Эго» – регулятивный механизм, обеспечивающий преемственность психической деятельности и наличие информации о себе. «Образ Я», достраивая идентичность и субъектность личности, одновременно корректирует ее поведение.

И.С. Кон, раскрывая понятие «Я» как активно-творческое, интегративное начало, позволяющее индивиду не только осознавать себя, но и сознательно направлять и регулировать свою деятельность, отмечает двойственность этого понятия [Кон, 1978].

Двойственность «Я» позволяет формировать и фиксировать отношение личности к самой себе – самоотношение. Самоотношение может быть как позитивным, так и негативным. Позитивное самоотношение предполагает самопринятие в двух ценностно-смысловых позициях. Я эффективен, успешен, т.е. мое «Я» самоэффективно. Я симпатичен, любим, уважаем, спонтанен, соответственно, мое Я – аутосимпатично, самоуважаемо. Негативное самоотношение характеризуется неэффективностью своего «Я», несимпатичностью своего «Я-образа».

Признание и принятие всех аспектов своего аутентичного Я обеспечивает интегрированность Я-концепции, утверждает Я в качестве мерила самого себя и своей позиции в жизненном пространстве. Внутренний диалог здесь выполняют функции прояснения и утверждения самоидентичности, а его конкретные формы, причины возникновения и мотивы указывают на степень гармоничности - противоречивости, зрелости самосознания. Психологические конфликты тогда становятся препятствием личностному росту и самоактуализации, когда прерывается, «расщепляется» взаимодействие, диалог Я – образов («частных Я»), каждый из которых, являясь существенной частью Я - концепции («целостного Я»), силится «заявить о себе», «заговорить», «быть услышанным», но не принимает за свой, а отторгается или защитно трансформируется. Возникновение конфликта возможно между любыми, образовавшимися в результате дихотомического противопоставления, аспектами личности, мотивами, ценностями, чувствами, «втянутыми» в рецепроктные отношения [Чеснокова, 1977]. Такие рецепроктные отношения становятся реактивными источниками сначала телесного, а затем и душевного дискомфорта. Будучи производными внутри-

личностных конфликтов, т.е. не имеющие своих собственных причин, они трудноосознаваемы и потому трудноустранимы.

Самоотношение личности развивается в процессе дифференцирования «Я-концепции». На феноменологическом уровне большей дифференцированности соответствует большая осознанность и подконтрольность аффективных переживаний и телесного опыта, их опосредованность и представленность на языке значений и индивидуальных личностных смыслов. Дестабилизация самоотношения, нарушение стрессоустойчивости личности возникает из-за низкой степени дифференцированности ее «Я-концепции». Устойчивость личности характеризуется автономностью, иерархичностью и сбалансированностью частных подструктур «Я» по отношению к целостному Я-образу. Низкая психологическая устойчивость личности проявляется в случае «размытости», синкретизма подструктур ее Я-концепции, при отсутствии между ними иерархических связей и сбалансированности взаимодействия [Чеснокова, 1977].

Адекватно осознанное и последовательное эмоционально-ценностное отношение личности к себе является центральным звеном ее внутреннего психического мира, создающим его единство и целостность, согласовывая и упорядочивая внутренние ценности личности, принятые ею в отношении самой себя.

По поводу противоборства или партнерства разных частей человеческого «Я» Р.Бернс высказал следующие соображения: «Они часто кажутся нам или на самом деле являются несовершенными. У них различные потребности, мотивы, ценности, чувства и т.п.» [Бернс, 1987, с. 174]. Многие авторы говорят не о частях «Я» человека, а о частных «Я» по отношению к «Я целому», интегральному. Динамика взаимодействий между частными «Я» трудноуловима и очень сложна. Частные «Я», как впрочем, и «Я интегральное» (целостное), относятся к невидимым формам человеческой сущности.

Р. Бернс, опираясь на теории У. Джемса, Ч. Кули, Дж. Мида, К. Роджерса, рассматривает Я-концепцию в виде иерархической

структуры. На ее вершине располагается глобальная Я-концепция, включающая всевозможные грани индивидуального самосознания. Это – «поток сознания», о котором писал Джемс. Это – чувство собственной преемственности и неповторимости. У Джемс выделял в нем два элемента: Я-сознающее и Я-как-объект. Однако не следует забывать об условности такого различения, которое, в сущности, является лишь удобной семантической моделью. Разделять результат и процесс рефлексивного мышления мы можем только в понятийном плане; в психологическом плане они существуют слитно. Точно так же образ Я и самооценка поддаются лишь условному концептуальному различению, поскольку в психологическом плане они неразрывно взаимосвязаны. Образ и оценка своего Я predispose индивида к определенному поведению; поэтому глобальную Я-концепцию мы можем рассматривать как совокупность установок индивида, направленных на самого себя. Однако эти установки могут иметь различные ракурсы и модальности, что позволяет их различать между собой не только внутренне, но и внешне. Их можно диагностировать и сравнивать друг с другом как качественно, так и количественно.

Наиболее известное различение образов «Я» на «Я-реальное» и «Я-идеальное» можно найти в работах У. Джеймса, З. Фрейда, К. Левина, К. Рогджерса и др.

Согласно К. Хорни, большое расхождение между реальным и идеальным Я нередко ведет к депрессии, обусловленной недостижимостью идеала. Олпорт считает, что идеальное Я отражает цели, которые индивид связывает со своим будущим. Комбс и Соупер рассматривают идеальное Я как образ человека, которым индивид хочет или надеется стать, то есть как набор черт собственно личности, которые необходимы, с его точки зрения, для достижения адекватности, а иногда и совершенства.

Идеальный образ, как и «сверх-Я», считается инстанцией, осуществляющей регулирующую функцию, ответственную за отбор поступков. Тем не менее смешивать эти два понятия: образ «идеального Я» далек от того тирана, каким с точки зрения психоанализа порой является «сверх-Я». «Сверх-Я» выполняет репрессивные функции, и оно лежит в основе чувства вины, тогда как посредством идеального образа осуществляется относительная оценка различных действий; возможно, что идеальный образ больше влияет на намерения, а не на действия. Можно соотнести это понятие идеального образа с тем, что А. Адлер называет «целью» или «планом жизни» [Адлер, 2002].

Я-Реальное, будучи сильным и активным, позволяет принимать решения и брать на себя ответственность за них. Оно ведет к подлинной интеграции и здоровому чувству целостности, тождества.

Р. Бернс, подробно описывая структуру и функции «Я-концепции», указывал, что ее формирование является неотъемлемой задачей не только развития, но и саморазвития личности. Саморазвитие личности становится возможным при условии возникновения внутри личности механизма самоизменения. В роли такого механизма может выступать механизм взаимодействия между основными составляющими «Я-концепции» – «Я-реальным» и «Я-идеальным». Расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным» в «Я-концепции» личности может привести к различным, как негативным, так и позитивным следствиям. С одной стороны, значительное рассогласование может стать основанием для возникновения разрушительного внутриличностного конфликта, с другой, некоторое расхождение необходимо для развития личности, совершенствования ее психологических, социальных и духовных качеств. Многое зависит от степени рассогласования и самооценки личности.

По мнению К. Рождерса и многих других исследователей «Я-концепции», значительное расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным» порождает во внутреннем пространстве личности

большое психическое, а впоследствии и физическое напряжение. Чем больше расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным», тем заметнее неконгруэнтность в действиях, импульсивность в поведении, непоследовательность в поступках человека.

Исследование большого количества разновозрастных испытуемых, в том числе и потребителей наркотиков, на предмет выявления структурных особенностей в их «Я-концепциях», помогло нам открыть признаки «Я-концептуальной надежности» в отношении наркотической контаминации личности. Обработка и анализ результатов показали устойчивую связь между степенью рассогласованности «Я-реального» и «Я-идеального», самоотношения и самопонимания личности с вероятностью возникновения и сохранения наркотической зависимости (см. второй раздел).

В данном случае, речь не идет об очередной структуре донаркотической личности или выявлении новой психологической монопричины наркотизации. Мы давно убедились в ошибочности понятия «донаркотическая личность». Наши исследования в который раз подтвердили положение о том, что в наркотическую зависимость может попасть любая личность, особенно, если она «задерживается» на переходных этапах своего развития. Однако, если подростку в период взросления оказать необходимое содействие в становлении его субъектности, в решении его актуальных онтологически значимых задач взросления, то это поможет ему сформировать собственную систему самоподдержки и «блокировать» стремление к «заимствованию» извне психологической целостности своей личности.

Наши исследования показали, что определяющий фактор начала употребления наркотиков в любом возрасте, как правило, независимо от сочетания «факторов риска и защиты», может быть обозначен как «недостаточная субъектность», неспособность стать причиной себя в ситуации неопределенности при значительной рассогласованности «Я-концепции» личности.

Введение этого признака помогает объяснить, почему огромные силы и средства общества и государства, затрачиваемые на профилактические мероприятия по предупреждению подростковой и юношеской наркомании, чаще всего нерезультативны? Почему всеобщая осведомленность о смертельной опасности наркотиков не способна удержать человека от их употребления?

Это не означает, что в процессе наркопрофилактики не нужно информировать подростков о вреде наркотиков, однако, действительную результативность профилактической работы будет определять активность совсем другого рода.

§ 10. Беспроегрешная лотерея самоутраты

Мы провели сравнительный анализ психологических факторов наркориска и защиты личности (предпосылок употребления и сдерживающих побуждений) в отношении употребления наркотиков. К сожалению, он показал количественное и качественное преимущество первых над вторыми. Мотивы употребления выглядят в глазах подростка привлекательнее и даже позитивнее, чем мотивы сдерживания.

В качестве сдерживающих факторов оказываются в основном страхи, т.е. чувства, по определению непривлекательные:

- страх неизвестности;
- страх наказания;
- чувство вины;
- страх перед милицией, судом, лишением свободы;
- страх заразиться и заболеть;
- страх потерять друзей;
- страх попасть в зависимость (наркотическую или финансовую);
- страх лишиться денег или других ценностей.

Страхи, как правило, носят сковывающий характер, а это значит, что они могут стать для личности постоянно действующим мотивом к освобождению от них. После первого же употребления наркотических веществ большинство страхов бесследно исчезает. Таким образом, получается, что чем больше страхов, и чем они сильнее, тем контрастнее от них освобождение в состоянии наркотического опьянения. Тем более, что после такого рода переживаний у подростка больше не остается сдерживающих от употребления наркотиков мотивов (факторов защиты), кроме субъектности, кроме системы внутриличностной самоподдержки. Это все, что он может от себя лично противопоставить факторам риска, таким как:

- любопытство в отношении нового, неизвестного, запретного;
- чувство постоянной генерализованной неудовлетворенности и эмоциональной неуравновешенности;
- психологические нагрузки;
- несогласованность чувств, мыслей и действий;
- репродуктивная протестность и подростковый негативизм;
- ранимость;
- желание превзойти себя и других;
- одиночество;
- безответственность, беспечность, неосторожность;
- криминальная романтика;
- возможность легко и много зарабатывать на продаже наркотиков;
- необходимость проявлять адаптивный конформизм;
- доступность средств снятия душевной и физической боли;
- получение опыта, неведомого родителям, и значит – «возможность встать над ними»;
- «разрешение» многих внутриличностных конфликтов;
- искушение новыми психическими и физическими возможностями;

– желание быть причиной себя, своего могущества, целостности и воли.

Противостоять всему этому невозможно, если в условиях рискованного выбора подросток будет устремлен к расширению пространства своей свободы, оставаясь зависимым от внешней эмоциональной поддержки и покровительства окружающих.

Таким образом, учитывая смертельную опасность наркомании для подрастающего поколения, считаем важнейшим условием результативной психопрофилактики развитие субъектности в личности каждого подростка.

Это не самоцель, а способ содействия взрослеющей личности в формировании ее системы внутриличностной самоподдержки, или, говоря языком А. Лоуэна, ее «укорененности» в бытии, «онтологической уверенности».

Для теоретического обоснования такого подхода принцип психологической сообразности явно недостаточен. Его необходимо дополнить принципом онтологической субъектности, т.е. принципом саморазвития бытийствующего (чувственно-телесного) субъекта. Практически, это методика содействия подросткам в решении их онтологических задач взросления.

Движущей силой этого процесса является рассогласованность между физической (чувственно-телесной) представленностью подростка в себе и в мире и его социально-экономической ограниченностью. Ограничение развития самопричинных переживаний подростка, автором которых мог бы являться он сам, тормозит развитие его субъектности, фиксирует инфантилизм и потребность во внешнем покровительстве.

Названное противоречие в период взросления является главной причиной возникновения и фоновой характеристикой состояния генерализованной неудовлетворенности индивида, условием повышения онтологической энтропии личности в ситуациях неопределенности.

Индикатором онтологической энтропии (неопределенности бытия и самобытия) субъекта в каждой конкретной ситуации является динамика рассогласованности его «Я-концепции». Эта динамика задается стремлением личности к психологической целостности и соответственно влияет на выбор средств для ее (целостности) постоянного восстановления или поддержания. Используемые для этого средства подразделяются на собственные и заимствованные извне. За собственные приходится отвечать перед собой, за заимствованные ответственность перекладывается на тех, кто эти средства предоставляет.

Состояние психологической целостности так же важно подразделить на собственное и заимствованное. Оба эти состояния всегда реально проявляются и переживаются в чувственно-телесной сфере личности. В когнитивной сфере состояние психологической целостности интерпретируется на языке физики и изобилует энергетическими характеристиками, например: «пропало внутреннее напряжение», «увеличилась внутренняя сила и мощь», «вырос потенциал», «возник новый заряд», «появилась душевная и физическая наполненность».

Хотим обратить внимание на то, что состояние собственной и заимствованной целостности описывается одинаково, хотя источники этих состояний принципиально разные. Принципиально разными являются и последствия каждого факта восстановления собственной или заимствованной целостности. При восстановлении собственной целостности индивид взрослеет, его личность онтологически укореняется. При заимствовании положительно подкрепляется инфантилизм и недоверие личности к самой себе.

Внутреннее противоборство суверенных «Я-образов» («частных Я») в личности подростка способствует не только увеличению его онтологической энтропии (само-неопределенности), но и сопровождается ухудшением его самочувствия, настроения, чувственно-телесной конгруэнтности, возникновением неврозоподобных

реакций. Если два или более «частных Я», мотивов или личных ценностей подростка блокируют друг друга в ситуации неопределенности, исключая выбор или синтез между ними, возникает внутриличностный конфликт, который переживается как психологический тупик и потеря целостности. Выше мы уже называли три варианта выхода из такого рода ситуаций: инфантильный, адаптивный, субъектный. Однако, главный и наиболее ценный вывод, к которому мы пришли в процессе нашей научно-исследовательской работы, заключается в том, что наркотизацию подростка определяет не наличие душевного кризиса, не обострение внутриличностного конфликта, не психологический тупик, и даже не генерализованная неудовлетворенность, а сложившийся в детстве и сохраняющийся в подростковом возрасте незрелый способ выхода из такого рода переживаний. Подобные ситуации хорошо описаны Г. Бейтсоном как ситуации «двойного зажима»: они возникают тогда, когда два внешних коммуникативных послания, адресованные ребенку, взаимоисключают друг друга [Бейтсон, 2003]. Например, отец разрешает делать то, что категорически запрещает мать. Если это происходит в разное время, то ребенок быстро приспосабливается к этому, максимально извлекая выгоду для себя. Но если это происходит одновременно, ребенок неизбежно попадает в ситуацию «двойного зажима». Аналогичную природу имеет «двойной зажим», возникающий у подростка в результате внутренних противоположных посланий, мотивов или ценностей, иерархически не взаимосвязанных между собой. Г. Бейтсон считал, что «двойной зажим» способствует формированию у ребенка симптомов шизофрении. Д. Гален, вслед за Г. Бейтсоном, говорит об этом феномене значительно жестче. По его мнению, сознание человека, который попадает в ситуации подобного рода, может быть подвержено разрушительным воздействиям. Под разрушением сознания Д. Гален понимал утрату целостности, расщепление, подобное шизофреническому, возникновение независимости в деятельности полушарий головного моз-

га. Мозг человека при получении по двум разным коммуникативным каналам противоречивой информации может утратить согласованность в работе правого и левого полушарий. Отношения сотрудничества между ними приобретают форму конкурентной борьбы. В детстве эти противоречия разрешаются за счет внешней эмоциональной поддержки взрослых, за счет привлечения чужой воли, которая отсутствует в ребенке. Именно поэтому главной причиной возникновения зависимого поведения мы считаем неразвитую самопричинность. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения о том, что причиной наркотизации подростка может стать любая из его жизненно важных проблем, любой конфликт или затруднение. В связи с этим, мы определили негативную психическую зависимость как *стремление человека к воспроизводству состояния психической целостности личности, могущества и воли, не имеющих причины в себе.*

Переживание себя в качестве причины происходящего как самопричинной активности и самоочевидной воли субъективно обнаруживается при наличии избыточных возможностей в ситуации неопределенности. Это переживание сопровождается чувством «онтологической укорененности» и состоянием целостности индивидуального «Я». Трудно себе представить состояние более привлекательное, ненасыщаемое и самоценное, чем это.

Это наводит нас на мысль о том, что стремление к целостности для индивидуального «Я» может быть важнее морали, нравственности и даже права. Стремление к целостности может служить косвенным объяснением распространенного парадокса улучшения самочувствия и настроения у некоторых людей в результате совершения правонарушений или каких-либо неблагоприятных поступков. В таких случаях вместо объективной рефлексии случившегося или появления раскаяния возникает состояние бодрости и удовлетворенности произошедшим. Употребление наркотиков подкрепляет это переживание, защищает личность от возникновения самоосуж-

дения или чувства вины, избавляет от состояния внутренней борьбы – самого нежелательного состояния человека, «возвращает» желанную целостность.

Таким образом, зависимость от наркотических веществ характеризуется самоценной, ненасыщаемой формой личностной активности, является средством локализации генерализованной неудовлетворенности, достижения состояния избыточных возможностей человека, даже в условиях снижения доверия к самому себе. Одна из ее основных функций – компенсация недоверия к себе, к своим возможностям, разотождествление с ответственностью, а значит – и с субъектностью. Зависимость прямо или косвенно завязана на потребности в снятии ограничений и освобождении чувств, на возвращении чувства целостности любой ценой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в отношении подростковой и юношеской наркомании накоплено большое количество данных, которые оказывают влияние на общество и государство при выборе средств и методов решения этой проблемы. Концептуальные ошибки и неверные ориентиры ведут к значительному увеличению материальных затрат государства при низкой результативности профилактических программ и мероприятий. Если ошибки постоянно не исправлять, опасность наркотизации подрастающего поколения возрастает.

Анализируя опыт, выявляя скрытые противоречия в основаниях некоторых подходов к пониманию психологической зависимости от наркотических веществ, можно значительно помочь всем заинтересованным людям, стремящимся оказывать противодействие наркотизму.

Заблуждение первое

Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) на основе ценностного отношения подростка к своему здоровью – ошибочно! Значение ЗОЖ для подростка и взрослого человека, как показывают исследования, принципиально противоположны. Методика Е.Б. Фанталовой [Фанталова, 1992], на которую ссылается большинство исследователей, в качестве ориентировочной основы по предупреждению наркотической зависимости, не валидна. Здоровье для взрослого человека – ценность, для подростка – средство самоиспытания. Здоровье для взрослого – то, что нужно беречь, для подростка – то, что требует проверки на прочность. Чем лучше здоровье у подростка, тем больше зона его субъективного риска [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004].

Заблуждение второе

Взрослые, как правило, считают, что подростки начинают про-

вредят своему здоровью и совершают противоправные действия ради «бегства от реальности»... Выходит, что реальность для подростка, созданная взрослыми, является «пугалом».

На самом деле все иначе. Подросток чаще действует наперекор общественному мнению воспитателей, которые, желая облегчить ему жизнь, ограничивают его социальную и экономическую самостоятельность. Он пытается разрушить нереалистичность ожиданий со стороны взрослых, ошибочность их представлений об «идеальной» жизни, испытать свои возможности. Подросток пробует наркотик **не от бессилия или безделья, а от бесстрашия** перед избыточной возможностью стать причиной себя.

В связи с этим, научные концепции, профилактические программы, воспитательные мероприятия, направленные либо на запугивание, либо на доказывание детям их неспособности «жить в реальности», положительных результатов в деле предупреждения подросткового наркотизма не принесут.

Заблуждение третье

Уже много лет ученые пытаются выявить основные признаки и характеристики так называемой «преднаркотической личности», найти главные причины возникновения наркомании. В зависимости от сферы исследований они постоянно открывают их то в социальных условиях, то в психических отклонениях, то в биологических особенностях индивида.

При этом не объясняется, почему люди, благополучные во всех отношениях, начинают употреблять наркотики, а те, у кого есть все причины их употреблять, даже не пробуют. Почему люди, имеющие психические расстройства, не становятся наркоманами, тогда как люди вполне здоровые, с сильным характером, надолго попадают в наркотические ловушки.

Мы давно пришли к выводу, что не существует преднаркотической личности и монопричины возникновения наркомании. Любая

жизненно важная проблема человека может стать поводом для пробы наркотических веществ [Лисецкий, 2002]. Исключением могут быть только «идеальные», «бестелесные» личности. Если нет тела, то нет и повода к улучшению его самочувствия. Наркомания – **мультипричинна**, поэтому, чаще всего, определяющим пунктом ее возникновения становится **субъективный выбор человека** [Лисецкий, 2002].

Поэтому решение проблемы повышения эффективности профилактики наркомании нужно искать не только в сфере психопатологии личности, но и в сфере психологии субъектности.

Человек способен делать собственный выбор субъектно, по своему усмотрению, проявляя смирение или противостояние. Однако, в период взросления выбор часто оказывается выбором «против себя». Для того, чтобы только пойти наперекор обстоятельствам, или в ситуации замешательства (неопределенности) откликнуться на внешнюю эмоциональную поддержку, или вообще случайно, не задумываясь, «как карта ляжет». И только четвертый вариант – субъектный выбор, выбор себя в качестве причины происходящего, под свою личную ответственность – помогает подростку взрослеть.

Заблуждение четвертое

Ориентация многих профилактических программ на развитие адаптивных способностей личности подростка, различного рода копинг-стратегий изначально однобока, ущербна, и поэтому недостаточно эффективна. Быть адаптивным в изменчивом мире, полном противоречий – вряд ли такое по силам взрослому человеку, а тем более взрослеющему подростку [Березин, Лисецкий и др., 2005].

Копинг-стратегии – это когнитивно изученные подростком стратегии поведения по совладанию с проблемными ситуациями и своими чувствами. К сожалению, для онтологически неукорененной личности они способствуют формированию адаптивного, при-

способительного, избегающего наказания поведения, а не саморазвитию личности. В результате подросток обучается скрывать свои негативные чувства и стыдится позитивных. Воспитателям необходимо всегда помнить слова Лесгафта о том, что воспитание ума и тела – один вопрос, а не два.

Заблуждение пятое

Многие исследователи пытаются объяснить наркоманию с точки зрения гедонистического подхода. Как будто не знают, что жизнь наркомана значительно опаснее и сложнее, чем у человека, не употребляющего наркотики. Объяснить стремление к такой жизни с помощью принципа психологической сообразности вряд ли перспективно и правильно. «Жажда Целостности» (К. Грофф) не тождественна стремлению личности к самоограничению, сохранению внутреннего гомеостатического равновесия. Наоборот, целостность может переживаться только как состояние неограниченных внутренних возможностей, как способность выходить за пределы заданности в свободной причинности, быть причиной себя.

Заблуждение шестое

Подросток, попавший в зависимость от наркотиков, больше всего на свете боится «ломки», абстинентного синдрома в случае их отсутствия и поэтому вынужден постоянно употреблять наркотические вещества. Нами исследовано большое количество случаев, когда потребители наркотиков неоднократно прекращали их употребление, но в дальнейшем, когда уже ни о какой абстиненции не могло быть и речи, вновь возвращались к употреблению.

Наиболее вероятной причиной «возвращения в ад» мы, вслед за К. Грофф, считаем неудовлетворенную «Жажду Целостности», «переживание избыточных возможностей», «онтологической неразрывности» в личной жизни, которые возникают в состоянии наркотического опьянения.

В период взросления подросток вынужден приспосабливаться не только к окружающему миру, но и к самому себе, к своим быстро меняющимся мыслям, чувствам, телу, овладеть собой как одной из сил природы. Это происходит в условиях несовпадения его физического и личностно-психологического развития и противоречивых требований со стороны воспитывающих взрослых, социально-экономической ограниченности.

Несовпадение физических возможностей и социальных запретов, постоянное противоборство мотивов и ценностей, «онтологическая неукорененность» подростка фиксируют у него состояние генерализованной неудовлетворенности, внутренней «рассогласованности», чувственно-телесной отчужденности [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004]

С одной стороны, это затрудняет развитие его личности, с другой – гипертрофированно мотивирует его стремление взрослеть. Подросток, попадая в неопределенные, неоднозначные ситуации, вынужден реагировать на них либо инфантильно, либо адаптивно, либо субъектно, переживая каждый раз состояние ограниченности себя и своих возможностей.

Инфантильный выбор определяется потребностью в покровительстве, во внешней эмоциональной поддержке или случайностью, адаптивный – возможностью избежать наказания, приспособиться, субъектный – личной ответственностью за самоизменение.

Как известно, наркотическое опьянение трансформирует в организме человека психофизическую чувствительность, «растворяет» хронические напряжения как в чувственной, так и в телесной сфере. Это открывает доступ к переживанию состояния избыточных возможностей и «организмической целостности» личности.

В свою очередь запрет на употребление наркотических веществ исключает развитие поведенческих автоматизмов. Запрет должен быть преодолен подростком уже на этапе поиска наркотика, т.е. до факта непосредственного употребления. Это требует определенной

активности ума, чувств, тела, заданного самому себе согласия быть причиной происходящих неопределенных событий. Не «ломка» правит бал, а личность, смещая вектор выбора в сторону свободы без выбора.

На таком фоне появление наркотического опьянения, смешивающего чувства, мысли и действия человека в общем потоке кажущейся согласованности, воспринимается особенно контрастно. Генерализованная неудовлетворенность локализуется в «ярлык» для обозначения состояния наркодефицита, после чего воспоминания о ней «хранятся» рядом с воспоминаниями о наркотической эйфории, поддерживая воспроизводство цикла психической зависимости от наркотических веществ [Березин, Лисецкий и др., 2005].

Заблуждение седьмое

Подросток употребляет наркотики, подвергая себя смертельной опасности, не понимая смысла и вреда того, что он делает. При систематическом употреблении наркотиков развивается психологическая зависимость, которая подчиняет всю мотивационно-смысловую сферу личности подростка, становится точкой отсчета в определении смысла тех или иных действий, ориентиром в решении всех проблем, связанных с личным выбором.

Нужно признать, что зависимость приносит потребителю наркотиков «психологический выигрыш», который проявляется в состоянии определенности в любой неопределенной ситуации. Наркоман всегда и везде оказывается «при деле». Он точно знает, что нужно делать в любой момент жизни, в любой ситуации. Он все время находится в «творческом» поиске денег или наркотиков, демонстрируя при этом различное поведение. «Тотальное» понимание своего предназначения снижает у подростка онтологическую энтропию (неопределенность собственного бытия), снимает внутренние противоречия и возвращает целостность его личности.

Возвращаясь к разговору о причинах употребления наркотических веществ, выделим главное: что наркомания мультипричинна, но мономотивна. Источником ее воспроизводства является самоценное стремление человека к целостности, внутреннему согласию, самопричинному существованию. Иначе невозможно объяснить предпочтение саморазрушительных, смертельно опасных действий человека в отношении себя, своих близких, своего будущего [Ли-сецкий, 2002].

О собственной и заимствованной целостности

«Жажда Целостности» для подростка часто оказывается сильнее правовых санкций, морального давления и даже самой жизни. Психологически целостность переживается как сопряженность действия, чувствования и осознания происходящего без физического и психического напряжения. Ее характеризует мгновенная сенсорная интерпретация онтологических изменений в процессе жизнедеятельности человека наравне с когнитивной, при полном отсутствии беспокойства и скуки. Целостность личности не может быть установлена раз и навсегда, но ее как психическое состояние можно «заимствовать» и «поддерживать» за счет наркотиков или других психоактивных суррогатов. Подлинная целостность восстанавливается и переживается в ситуации неопределенности, когда личность проявляет свою субъектность, взрослеет, развивает свою «Я-концепцию». По мнению Э. Эриксона, развитие «Я-концепции» осуществляется посредством идентификации субъекта с теми ситуациями, которые он пережил, символически объективировал, артикулировал и присвоил в качестве личного опыта. В этом случае «ярлык», примененный к самому себе, начинает определять последующее реальное бытие личности. Создание нового «ярлыка» порождает в «Я-образе» подростка новое «частное Я», новый внутренний «голос» (М. Бахтин), нового «участника» в строительстве «Я-концепции» взрослеющей личности.

Трудно представить реальное бытие без чувственно-телесного участия человека в происходящих с ним событиях. Это особенно важно в период взросления, когда собственное тело может восприниматься как нечто неизвестное, даже противостоящее, необъяснимо тревожное. Если в это время сверхчувственное (нравственное, личностное) навязывается подростку извне формально, «бесчувственно», то в нем возникает отчуждение телесного опыта и утрата личной целостности. Такого рода «педагогическое телоизъятие» опасно неконтролируемой жадью возвращения своей телесности и организмического комфорта, во что бы то ни стало, даже ценой употребления наркотиков. У подростка еще не составлен личный «словарь» эмоционального и телесного языка, который в дальнейшем будет играть роль пожизненного руководства по достижению личного счастья или несчастья. От того, какие значения приобретут те или иные понятия в этом «словаре», будет зависеть многое в его жизни. Взрослый человек воспринимает свое тело менее конфликтно и менее эмоционально.

Взросление подростка осуществляется одновременно в трех пространствах обитания его личности: во взрослом сообществе, в субкультурном сообществе сверстников, в организмическом пространстве собственного тела. Рассогласованность этих пространств постоянно нарушает целостность «Образа Я» подростка, усиливает конфликтность и противоречивость в основных сферах его личности, увеличивает энтропию его ценностно-смысловой ориентации. В ситуации ответственного выбора или «двойного зажима» подросток испытывает беспомощность, потерю целостности, легко попадает в зависимость от случайного источника интеграции его актуально конкурирующих побуждений. Онтологическая неопределенность нарушает целостность личности, усиливает рассогласованность ее «Я-концепции» [Березин, Лисецкий и др., 2005].

Проявление субъектности, способности к осмыслению и рефлексии своего субъективного опыта на когнитивном, аффективном

и телесном уровнях помогает подростку в ситуации неопределенности открывать новые качества своей личности. В этом случае неопределенность выступает источником возникновения и развития избыточных возможностей в личности субъекта за счет интеграции его внутриличностных противоречий и взаимоисключающих побуждений.

В случае инфантильного или адаптивного реагирования подростка на возникновение ситуации неопределенности, она (неопределенность) становится пространством «заимствованной целостности», почвой для развития различного рода психических зависимостей.

Неопределенность, сама по себе, «по определению», амбивалентна и многозначна. Каждый раз, нарушая целостность личности, она одновременно мобилизует ее восстановление. Однако целостность может быть собственной, а может быть заимствованной. Собственная целостность, как избыточная возможность, возникает в процессе саморазвития личности, заимствованная – за счет внешних средств или покровителей. Заимствованная целостность отождествляет личность с ответственностью. Целостность личности не может быть «ненастоящей», «мнимой» или «ложной», поскольку она возникает и переживается в чувственно-телесной сфере человека. По своему происхождению целостность может оказаться «фантомной», искусственной, символической, но, по способу переживания, организмическому отклику, она либо реально есть, чтобы о ней ни говорили, либо ее реально нет, что бы о ней ни говорили.

Наркотическая зависимость – это своего рода форма заимствованной целостности. Собственная целостность отличается от заимствованной не столько подлинностью переживаний, сколько личной ответственностью за их происхождение. Собственную целостность личности можно обозначить как динамическую согласованность когнитивных, аффективных и телесных переживаний в результате проявления личностью своей субъектности в ситуации онтологической неопределенности. Состояние личностной целостно-

сти можно охарактеризовать по аналогии с состоянием «потока» М. Чиксентмихайи или «устремлением» В.А. Петровского.

Опыт «потока» описывается М. Чиксентмихайи как состояние полной одновременной поглощенности делом, собой, окружающим миром, сопряженностью во всем и выходом за пределы своих программ и ограничивающего сознания. Все происходящее подчиняется внутренней логике и не требует напряжения. Личность переживает состояние онтологического единства процесса и результата, действия, чувствования, осмысления [Буякас, 1995].

«Устремление» В.А.Петровский обозначает как влечение к продолжению, как форму самоценной, самовоспроизводящей активности человека, которая представляет собой единство переживаний «могу» и «хочу» в действовании, продолжающем избыточные возможности [Петровский, 1996а]. Собственная целостность личности подростка приобретает устойчивые черты в процессе развития внутриличностной системы самоподдержки. Мотивом ее развития, как правило, является стремление подростка к личной независимости. Исходя из этого, взросление можно представить как процесс последовательного решения подростком задач саморазвития и создания собственной системы самоподдержки.

Каждое решение такого рода задачи требует от подростка осознания и проявления своей субъектной позиции. Эти задачи, по сути, являются задачами «онтологического укоренения» личности во внешнем и внутреннем мирах обитания. Несмотря на то, что задачи вполне объективны, их решения воплощаются каждым человеком субъективно и неповторимо.

Обратим внимание воспитателей на то, что проявление личной субъектности в ситуациях неопределенности не может иметь конкретных образцов. По этой причине задачи взросления не могут иметь однозначных решений. Их осознание возникает только при наличии неопределенности в процессе рефлексии произвольного выбора.

Своевременное решение каждой из задач во многом определяет последующее содержание жизни растущего человека. Задачи, оставшиеся неразрешенными, способствуют формированию «заимствованной» целостности и фиксируют в личности невротическое поведение.

Без развития субъектности взросление личности не наступает, даже если ее хронологический возраст намного опережает психологический. Движущей силой взросления являются противоборствующие мотивы и ценности, осознание которых определяет характер и содержание взросления. Изучение личностно-психологических проблем подросткового возраста помогло нам выявить ведущие противоречия периода взросления и объединить их в несколько целевых групп. На их основе мы и составили перечень задач взросления. Решение каждой задачи, как показала практика, должно быть найдено подростком не только на когнитивном, но и на чувственно-телесном уровне. Результатом решения онтологических задач взросления является возникновение у подростка внутриличностной системы самоподдержки и опыта восстановления собственной личностной целостности.

В процессе дальнейшей исследовательской и практической работы мы определили те задачи взросления, решение которых является необходимым и достаточным для построения у подростка психологической основы внутриличностной системы самоподдержки.

1. Организмическое (чувственно-телесное) принятие подростком своего имени, внешности, тела.

2. Формирование способности к конструктивному преодолению внутриличностных мотивационных и ценностных противоречий, готовности к развитию своей «Я-концепции».

3. Выстраивание ответственных отношений со сверстниками обоего пола.

4. Выстраивание отношений с родителями и другими взрослыми без эмоциональной зависимости.

5. Осознание своего отношения к вечности, бесконечности, Абсолюту, ограниченности жизни.

Разработанный нами на основе *онтосубъектного* подхода психологический тренинг содействия личности в решении ее задач взросления показал хорошую результативность, высокую мотивационную привлекательность и соответствие глубинным психологическим запросам подростков. Специально подготовленный для работы с подростками психолог может в процессе тренинга создать психологические условия, содействующие подросткам в решении их задач взросления.

В процессе тренинга моделируются ситуации высокой степени неопределенности, требующие от участников субъектного поведения и ответственного выбора. Деятельность психолога направлена на последовательное увеличение зоны ближайшего субъективного выбора и рефлекссию происходящих изменений в отношениях и самоотношениях каждого из участников. Выбор – это шанс подростка превзойти себя, проявив свою субъектность, стать причиной происходящего.

Инфантильные или **адаптивные** действия и решения участников, как правило, психологом игнорируются, не подкрепляются и не осуждаются. Внешняя эмоциональная поддержка кого-либо из участников со стороны тренера предоставляется только по факту проявленной субъектности. Субъектное поведение в отношении самобытия помогает подростку самостоятельно находить себя в онтологической неопределенности, ответственно становиться собой, а не искать внешнего покровителя или адаптивно избегать возможности наказания.

Тренер должен уметь квалифицировано диагностировать наиболее актуальные для подростков задачи и моделировать неопределенные ситуации, в которых участники, проявляя и рефлекслируя свои субъективные позиции, обучаются снижать онтологическую

энтропию своей личности, восстанавливать в себе состояние целостности.

Многолетний опыт практической работы убедил нас в том, что решение личной задачи взросления невозможно за счет другого человека, оно также не возникает по образцу или по подсказке. Другой, даже самый значимый человек, может либо содействовать, либо препятствовать решению той или иной задачи, но не решать ее.

Для диагностики онтологической энтропии в личности подростка мы использовали метод «тематической тревожности». Этот метод помогает обнаружить и зафиксировать факт решенности-нерешенности той или иной задачи взросления, а также качество состоявшегося решения.

Метод заключается в отслеживании динамики личностной тревожности, неконгруэнтности отдельных «образов Я», «эмоциональных всплесков» (М. Боуэн, 2001) в процессе конфиденциального обсуждения фундаментальных психологических основ системы внутриличностной самоподдержки подростка. Каждая тема прямо или косвенно связана с той или иной задачей взросления.

Проявление собственной субъектности тренера-психолога в процессе работы с подростками является необходимой составляющей результативности проводимого им тренинга. Мастерство ситуативного моделирования, искусство ведения тематических диалогов, рассуждения на жизненно важные темы не обеспечивают достаточной эффективности работы психолога без реализации принципа пропорциональной субъективности. Это один из важнейших принципов онтосубъектного подхода, который мы разработали в последние годы: **личность может проявить свою субъектность пропорционально степени заданной неопределенности.**

Проявление субъектности человека существенно зависит от его личной активности, но, как правило, не превышает ситуативно заданной по поводу себя неопределенности. Умение психолога, в процессе тренинга произвольно повышать или снижать ситуатив-

ную неопределенность пропорционально возможностям участников, является главной характеристикой его профессиональной и личностной готовности к работе с подростками по содействию в решении их онтологических задач взросления.

В ситуации определенности, предсказуемости, «прозрачности», отсутствия выбора необходимость в проявлении субъектности у личности отсутствует, но тогда ее **целостность не наступает никогда, потому что личность не имеет возможности стать причиной себя.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульманова А.К., Минкина Е.А. Проблемы восприятия личного имени и употребление его учащимися специальных школ-интернатов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион», декабрь. 2002. С. 282-286.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991.
3. Абшаихова У.А., Сирота Н.А. Клинико-катамнестическое исследование поведения подростков, больных гашишной наркоманией. «Саморазрушающее поведение у подростков». – Л.: Изд-во «Ленинградский психоневрологический институт», 1991.
4. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. – Самара, 2000.
5. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. – М., 2002
6. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.
7. Александров А.А., Александрова В.Ю. Профилактика курения: роль и место психолога // Вопросы психологии. 1999. № 4. С. 35-43.
8. Андреев В.И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1991.
9. Асмолов. Психология личности: принципы общепсихологического анализа.– М.: Академия, 2002.
10. Ассоджиоли Р. Нервные заболевания при духовном росте // www.max-mag.narod.ru
11. Ассоджиоли Р. Психосинтез. – М.: Рефлекс-бук, 1997.
12. Бабаян Э.А. Гонопольский М.Х. Наркология: Учеб. пособие. 2-е изд. – М.: Медицина, 1990.
13. Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 5.

14. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.

15. Барышева Н.В. Организационно-педагогическая система развития физической культуры личности: Дисс. докт. пед. наук. – М., 1997.

16. Башев В.В. Психологические условия формирования ответственного действия в подростковом возрасте: Автореф. дис. канд. психол. наук. – М., 2000.

17. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / пер. с англ. – М.: «Смысл», 2003.

18. Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 40-46.

19. Белинская Е.П. Я – концепция и ценностные ориентации старших подростков в условиях быстрых социальных изменений // Вестник МГУ. 1997. Серия 14. №4.

20. Березин С.В., Лисецкий К.С. Серебрякова М.Е. Предпосылки подростковой наркозависимости. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001а.

21. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости. Монография. – М.: МПА, 2001б.

22. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. – СПб.: Питер, 1992.

23. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / Под общ. ред. М.С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988.

24. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986

25. Блейхер В.М., Круг и.В. Толковый словарь психиатрических терминов / Под общ. ред. к.м.н. С.Н.Бокова. в 2-х томах. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

26. Блюм Г. Психоаналитические теории личности. – М.: Изд-во «КСП», 1996.

27. Бодалев А.А. Личность и общение. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.

28. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Под. ред. Д.И. Фельдшейна. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.

29. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988.

30. Бурменская Г.В., Карабанова О.А., Лидерс А.Г. Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей. – М.: Изд-во МГУ, 1990.

31. Буторина Н.Е, Дедков Е.Д. Особенности девиантного поведения как клинического проявления пубертатного криза. «Саморазрушающее поведение у подростков». – Л.: Изд-во Ленинградский психоневрологический институт», 1991.

32. Буякас Т.М. О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М. Чиксентмихайи) // Вестник МГУ. 1995. Серия 14. №2.

33. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 2. С.58-79.

34. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: МГУ, 1984.

35. Выволокина Н.В. Особенности формирования наркотической зависимости у подростков // Психология: грань между целым: Тезисы международной межвузовской научно-практической конференции молодых специалистов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 141-143.

36. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. 1991. Серия 14. № 4. С.5-18.

37. Галкин Р.А., Мальцев В.Н., Лопухов Н.П., Никитин О.Л. Табак или жизнь: актуальные проблемы профилактики курения. – Самара: ГП «Перспектива», 2000.

38. Гарбузов В.И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. – СПб.: АО «Сфера», 1994.

39. Гинзбург М.Р. Использование метафоры изменения при работе со старшими подростками // Психологическая наука и образование. 1997. № 1. С. 66-76.

40. Гинзбург М.Р. Сформированность личностной идентичности как показатель успешности социализации в старшем подростковом возрасте // Мир психологии. 1998. №1.

41. Голованевская В. Особенности Я - концепции как фактор формирования аддиктивного поведения, 2000 // www.club.fom.ru

42. Горьковская И.А. Влияние семьи на формирование деликвентности у подростков // Психологический журнал. 1994. Том 15. № 2.

43. Гроф К. Жажда Целостности. – М.: Институт трансперсональной психологии, 2003.

44. Гроф С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001.

45. Гульдман В.В., Романова О.Л., Иванникова И.В. Проблемы использования зарубежных программ антинаркотического обучения в советской школе // Вопросы психологии. 1990. № 6. С.63-67.

46. Дабагян Р.А. Проблемы взаимосвязи особенностей здоровья трудных детей и характера их поведения: Автореф. дисс. канд. пед. наук. – Алма-Ата, 1990.

47. Данилин А. LSD, галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003

48. Егошкин Ю.В. Новые пути интеграции проблемных детей в школьный социум: Автореф. дисс. докт. псих. наук. – М., 2002.

49. Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: Автореф. дисс. канд. психол. наук. – М.: МГУ, 2001.

50. Журавлева О.В., Зуева С.П., Нижегородова М.Н. «Путешествие во времени». Методические рекомендации по курсу профилактических занятий для подростков. Серия «Работающие программы». Выпуск 4. – М., 2000.

51. Здоровье: Учебно-методическое пособие для учителей 1-11 классов / Под ред. В.Н. Касаткина, Л.А. Щеплягиной. – Ярославль: ДИА-пресс, 2001.

52. Изард К. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980.

53. Интернет-зависимость, 1996 // www.rider.edu/psycyber/htm.

54. Исаев Д.Н. Девиантное поведение детей и подростков, 1999 // www.narcom.ru

55. Калмыкова Е.С. Анализ в кредит: уступка реальности или бегство от реальности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. №1-2.

56. Карвасарский Б.Д. Неврозы. – М.: Медицина, 1990.

57. Касаткин В.Н., Неудахина А.Е. Оценка эффективности апробации образовательной программы «Здоровье» // Школа здоровья. 2002. № 3. С. 5-12.

58. Климова Т. Идентичность или «десятки проблем, неотделимых друг от друга», 2002 // www.antropotok.archipelag.ru

59. Кон И. С. «Открытое Я». – М., 1978

60. Кон И.С. В поисках себя. – М.: Изд-во политической литературы, 1984.

61. Кон И.С. Девиантное поведение. Психология ранней юности. – М.: «Просвещение», 1992.

62. Кон И.С. Дружба: Этико-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1989.

63. Кондратьев М.Ю. Особенности психосоциального развития подростков // Вопросы психологии. 1997. №3.

64. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков: социально – психологические и психиатрические аспекты. – Минск, 1988.

65. Костенок П.И. Формирование умений физического самосовершенствования у учащихся старшего подросткового возраста общеобразовательной школы: Автореф. дисс. канд. пед. наук. – Челябинск, 1995.

66. Кочетов Н.И., Верцинская Н.Н. Работа с трудными детьми. – М.: «Просвещение», 1990.

67. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.

68. Кривцова С.В. и др. Подросток на перекрестке эпох. – М.: Генезис, 1997.

69. Кудрявцев В. Интернет, или «экологически чистый» наркотик // Воспитание школьников. 1999. №5. С. 23-25.

70. Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи трансформации. Введение в философскую психологию: Монография (Серия «Новые идеи в психологии»). – СПб.: «Издательство ДНК», 2001.

71. Лазарева Т.А. Переживание счастья в разных периодах жизни // Психологические исследования: сб. науч. тр.: Выпуск 2 / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. – Самара: «Универс групп», 2006.

72. Лайшев Р.А., Родионов А.В., Родионов В.А. Об одном критерии эффективности применения здоровьесберегающих технологий в школе // Школа здоровья. 2002. № 3. С. 22-26.

73. Левкович В.П. Взаимоотношения в семье как фактор формирования личности ребенка // Психология личности и образ жизни. – М.: Наука, 1987.

74. Лекции по клинической наркологии / под ред. Н.Н. Иванца. – М., 1995

75. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. Том 11. – М.: «Педагогика», 1983.

76. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1994.

77. Леонтьев Д.А. Значение и личностный смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 5.

78. Лисецкий К.С. Культура вынужденных желаний // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2003.

79. Лисецкий К.С. Психолог как субъект наркопрофилактики // Известия самарского научного центра Российской академии наук, декабрь 2002. С. 207 - 211

80. Лисецкий К.С. Факторы и причины наркотизации // Вестник Самарского университета, 2003

81. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология не-зависимости. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2004.

82. Литягина Е.В. Конфликт как фактор изменения семантического пространства индивидуального сознания // Международная научно-практическая конференция «Межличностный конфликт: проблемы и перспективы исследования». Тезисы докладов. – Самара, 1997. С.19-21.

83. Литягина Е.В. Нерешенные задачи взросления как психологические условия формирования аддиктивного поведения старшеклассников. Автореф.канд.диссер. – Калуга, 2004.

84. Литягина Е.В., Лисецкий К.С. Критика общепринятой концепции профилактики наркотизма // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003: В 8т. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. Т.5. С.133-136.

85. Литягина Е.В., Смагина О.А. Подготовка волонтеров в области профилактики наркомании // Психология: грань между це-

лым: Тезисы международной межвузовской научно-практической конференции молодых специалистов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 138-141.

86. Литягина Е.В., Черемушкина Н.В. Психосемантический анализ причин наркотизации // Тезисы докладов XXX научной конференции студентов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 88-90.

87. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркомания. – Л.: Медицина, 1991.

88. Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия / Под ред. В.С. Мухиной. – М.: Просвещение, 1991.

89. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979.

90. Львина Е.Д., Львин Л.Ф., Лебедев Н.И. Личность и интернет. К вопросу о существовании компьютерной наркомании // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион», декабрь. 2002. С. 153-159.

91. Лэнг Р. Расколотовое «Я». – М.: «Академия», 1995.

92. Магомедов Н.М. Дифференцированный подход к обучению и воспитанию школьников: проблемы и перспективы. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993.

93. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.

94. Маслоу А. Психология бытия. – М.: «Рефл-бук», К.: «Вак-лер», 1997.

95. Менегетти А. Система и личность. – М.: Серебряные нити, 1996.

96. Миронова Т.Л. Структура и развитие профессионального самосознания: Автореф. дисс. докт. псих. наук. – М., 1999.

97. Моложавенко А.В. Коммуникативная подготовка педагога к работе по профилактике аддиктивного поведения подростка: Автореф. дисс. канд. пед. наук. – Волгоград, 2002.

98. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.

99. Назаров Е.А. Наркотическая зависимость и созависимость личности в семье: Автореф. дисс. канд. псих. наук. – Самара: Изд-во Самарский университет, 2000.

100. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988.

101. Наркомания глазами семейного психолога / Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. – СПб.: «Речь», 2005а.

102. Научно-методические основы первичной профилактики детской наркомании: для работников центров социально-психологической помощи семье и детям. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000.

103. Неудахина А.Е. Сравнительный анализ внедрения программы «Здоровье» в трех регионах Российской Федерации // Школа здоровья. 2002. № 3. С. 13-22.

104. Нечаев Н.Н. Классификация задач развития // www.msmsu.ru/kafedra/f_stom.

105. Никифоров Г.С. Психология здоровья. – СПб.: Речь, 2002.

106. Олпорт Г.В. Личность в психологии. – М: КСП+; СПб: Ювента, 1998.

107. Петракова Т.И., Лимонова Д.Л., Меньшикова Е.С. Ситуационная мотивация употребления наркотиков у подростков // Вопросы психологии. 1999. № 5.

108. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М., 2005.

109. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. – Смоленск, 1997.

110. Петровский В.А. Личность в психологии. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1994.

111. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996а.
112. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Вестник Самарского университета. 1996б. №1. С. 57-80.
113. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. Российский открытый ун-т. – М.: ТОО «Горбунок», 1992.
114. Петровский В.А. Феномены субъектности в развитии личности. – Самара, 1996в.
115. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / Под. ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001в.
116. Профилактика наркотизма: теория и практика / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Изд-во «Перспектива», 2005б.
117. Психодиагностика: теория и практика. – М.: МГУ, 1986.
118. Психологические основы профилактики наркомании в семье / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001г.
119. Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально - психологического исследования) / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Самарский университет, 1998.
120. Психология воспитания / Под ред. Петровского В.А. – М.: Аспект-Пресс, 1995.
121. Психология личности в трудах зарубежных психологов / Сост. и общая ред. А.А. Реана. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
122. Психосинтез и другие интегративные техники психотерапии / Под. ред. А.А. Бадхена. В.Е. Кагана. – М.: Смысл, 1997.
123. Пути и методы предупреждения подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого, И.Б. Орешниковой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. – 200 с.
124. Пятницкая И.Н. Наркомания. – М.: Медицина, 1994.

125. Пятова С.В. Исследование особенностей личностного развития подростков с тяжелым хроническим соматическим заболеванием (муковисцидоз) // psychology.ru/lomonosov/tesisis.

126. Ратгер М. Помощь трудным детям / Под общ. ред. А.С. Спаковской. – М.: Прогресс, 1997.

127. Реан А.А. Как нам обустроить российскую школу // www.narcom.ru.

128. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. 1997. №1.

129. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. – М.: Мир, 1994.

130. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994.

131. Роджерс К. Клиентцентрированная терапия. – М.: «Рефлбук», К.: «Ваклер», 1997.

132. Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990.

133. Ротенберг В. Добиться успеха и умереть, 2002 // www.narcom.ru.

134. Самыкина Н.Ю. Формирование личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании в среде старшеклассников: Автореф. дисс. канд. псих. наук. – Калуга, 2002.

135. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

136. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Хажиллина И.И., Видерман Н.С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике. / Под науч. ред. Л.И. Шипициной и Е.И. Казаковой. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.

137. Скрипкина Т.П. Доверие к миру как фундаментальное условие толерантности. – Ростов-на-Д., 2002.

138. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление: Автореф. дисс. докт. псих. наук. – Ростов-на-Дону, 1998.

139. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3.

140. Соловов А.В. «Навыки жизни». Программа ранней профилактики химической зависимости для детей 9-12 лет. Серия «Работающие программы». Выпуск 2. – М., 2000.

141. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.

142. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: МГУ, 1983.

143. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // Вопросы психологии. 1996. № 4. С. 81-93.

144. Сухарев А.В., Брюн Е.А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных расхождений у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 3. С. 109–116.

145. Теории личности в западноевропейской и американской психологии. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1996.

146. Терновская Т.А., Шабалина В.В. Модель Мейхенбаума «прививка против стресса» как психологическая прививка против наркомании // www.narcom.ru.

147. Технология формирования социальных навыков. Методическое пособие для психологов и социальных педагогов ИТУ / Под общ. ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.

148. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. – М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.

149. Тхостов А.Ш. Телесность человека в контексте культурно - исторического подхода // Вестник Московского университета. Серия 14. 2002. № 4. С. 34-40.

150. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. – М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.

151. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Т.13. № 1. С.107-117.

152. Фельдштейн Д.И. Психология становления личности. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.

153. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток. – Душанбе, 1972.

154. Францелла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1987.

155. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1989.

156. Фромм Э. Душа человека. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

157. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1994.

158. Хорни К. Ваши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. – СПб.: Лань, 1997а.

159. Хорни К. Собрание сочинений: В 3-х т. Том 1. Психология женщины: Невротическая личность нашего времени. – М.: Смысл, 1997б.

160. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2005.

161. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М., 1977.

162. Шабалина В.В. Психология подростка, 2001 // www.narcom.ru.

163. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

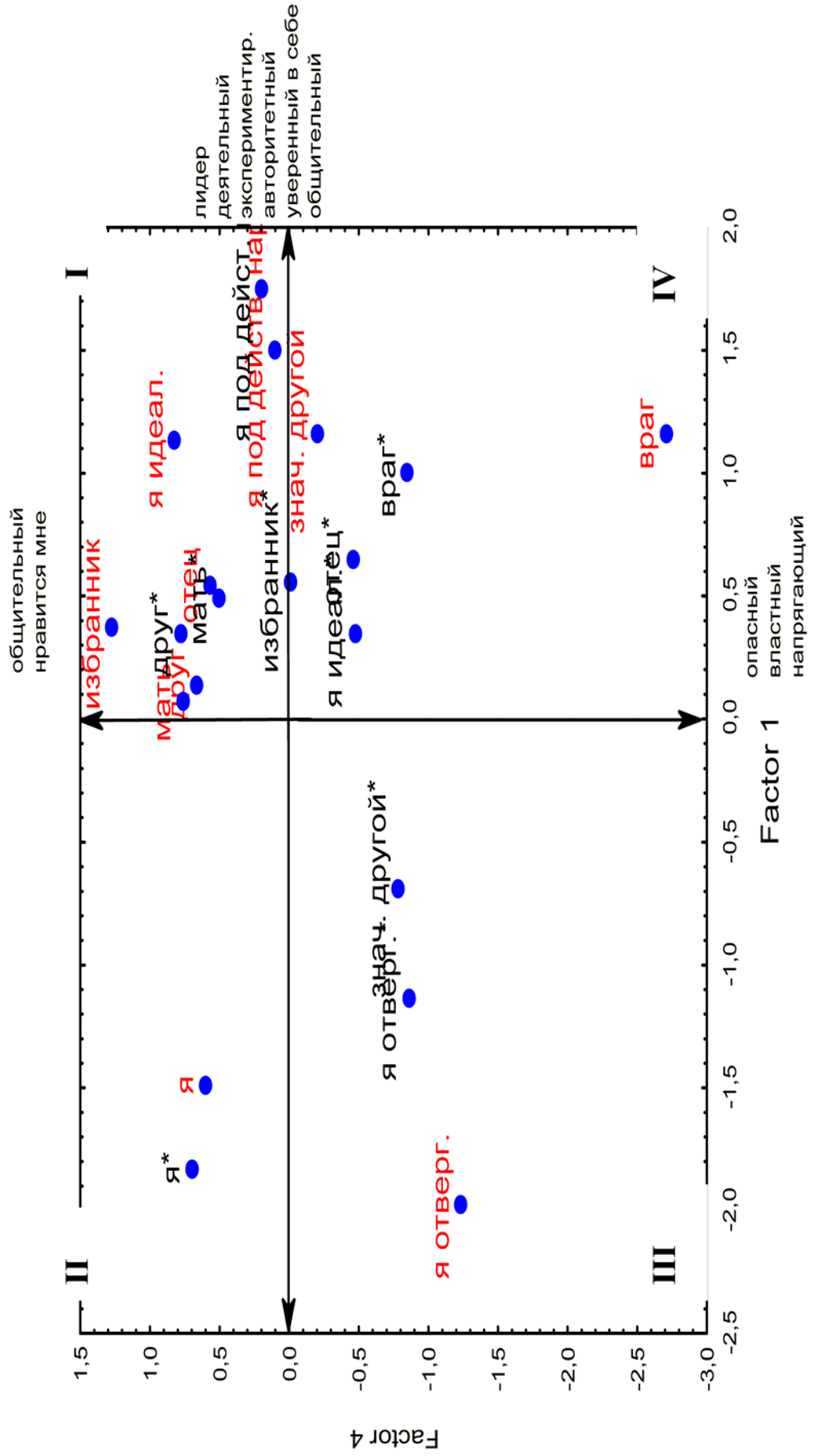
164. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. – М.: МГУ, 1983.

165. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002.

166. Шульга Т.И., Слот В., Спаниард Х. Методика работы с детьми группы риска. – М.: РАО, 2001.
167. Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. – М., 1996.
168. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисловие А.В. Толстых. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
169. Юнг К.Г. Конфликты детской души. – М.: Канон, 1995.
170. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Университетская книга, 1994.
171. Юнг К.Г. Современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии. – М., 1996.
172. Bower G.H., Rinck M. Selecting one among many referents in spatial situational models // *Journal of experimental psychology: learning, memory, and cognition*. 2001. V.27. №1. P.81-98.
173. Csikszentmihalyi, M. *Beyond Boredom and Anxiety. Experiencing flow in work and play*. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
174. Erikson E.H. *Childhood and Society*, 2nd ed., New York: W.W. Norton, 1963, Part 1.
175. Hartmann H. *Ego psychology and the Problem of adaptation*. – N-Y., 1958.
176. Hill J.P. Research on adolescents and their families past and present. *New Directions for Child Development*, USA, 1987. P. 13-32/
177. Kaplan R.M., Sallis J.F., Patterson T. L. Health and human behavior. USA, 1993. P. 56-58.
178. Marsh H.W., Parada R.H., Yeung A.S., Healy J. Aggressive school troublemakers and victims: a longitudinal model examining the pivotal role of self-concept // *Journal of educational psychology*. 2001. V.93. №2. P.411-419.
179. Philips L. *Human adaptation and his failures*. – Academic Press, N-Y&London, 1968

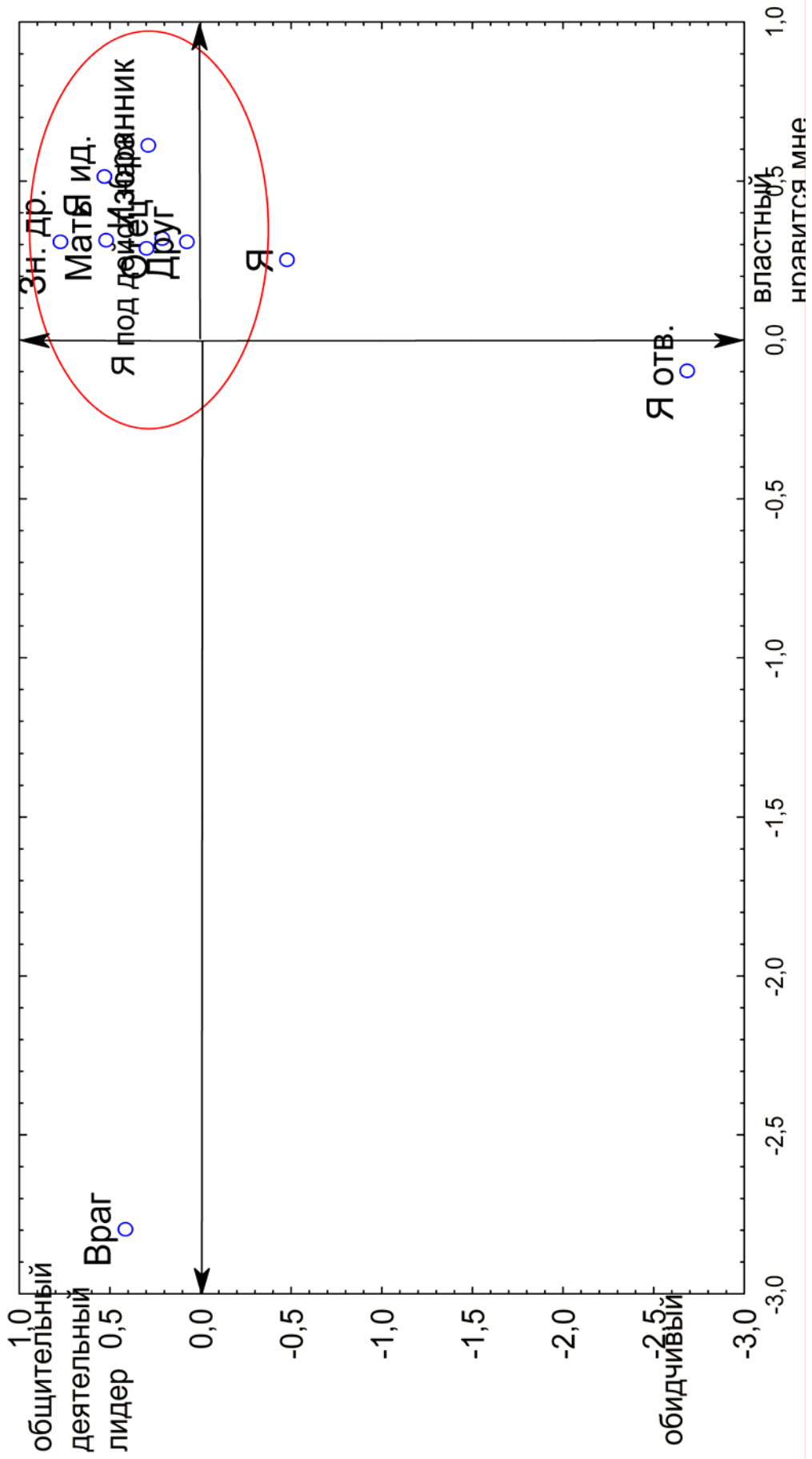
Приложение 1.а

Совмещенное семантическое пространство наркозависимых подростков и подростков, не употребляющих наркотики*

Приложение 1.6

Семантическое пространство наркозависимых взрослых

Приложение 2

№	Оценочные шкалы (-3 -2 -1)	Здоровье	ЗОЖ	Оценочные шкалы (+1 +2 +3)
1	Соблюдение правил гигиены			Игнорирование правил гигиены
2	Ценно для меня			Не имеет смысла
3	Требуется волевого усилия			Не требует волевого усилия
4	Необходимо придерживаться диеты (питаться правильно)			Можно позволить себе не придерживаться особой диеты
5	Требуется постоянных физических упражнений			Не требует постоянных физических упражнений
6	Допускает употребление алкоголя			Отказ от употребления алкоголя
7	Отказ от курения			Можно курить
8	Отказ от употребления любых наркотиков			Некоторые наркотики можно употреблять
9	Дает возможность рисковать			Не связан с риском
10	Дает уверенность в себе			Не влияет на уверенность в себе
11	Ограничивает поведение			Не ограничивает поведение
12	Зависит от взрослых			Не зависит от взрослых
13	Сегодня это модно			Не зависит от моды
14	Дает ощущение «взрослости»			Не дает ощущение взрослости
15	Важно для меня			Важно для моих родителей
16	Важно для взрослых			Важно для меня
17	Позволяет быть независимым			Не позволяет быть независимым
18	Связано с уважением и признанием в обществе			Не связано с уважением и признанием в обществе
19	Способствует самореализации			Не способствует самореализации
20	Помогает в решении проблем			Не влияет на решение проблем

Научное издание

Константин Сергеевич Лисецкий

Елена Викторовна Литягина

**ПСИХОЛОГИЯ НЕГАТИВНЫХ
ЗАВИСИМОСТЕЙ**

Дизайн обложки Е.О. Соломатова

Корректор Н.В. Голубева

Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 12.12.06

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 11,30. Тираж 400 экз. Заказ № 596

Издательство «Универс групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс групп»